

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

№ 4 • 2022 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит с 1977 г. один раз в три месяца

MOSCOW UNIVERSITY PSYCHOLOGY BULLETIN

Published since 1977 once in three months

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Костромин С.Н., Филатова А.Ф.</i> Переживание личностью собственной деструктивности	3
<i>Артемцева Н.Г., Ильясов И.И., Нагибина Н.Л.</i> Портрет: Восприятие человека человеком и искусство передачи мировоззренческой сути художественными средствами	39
<i>Кючуков Х.С.</i> Понимание детьми-билингвами психического состояния другого человека в контексте теории сознания	60
<i>Ильин В.А., Салмина Н.Г., Звонова Е.В.</i> Проблема кросс-культурной коммуникации в зарубежных исследованиях	92
<i>Емелин В.А., Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю.</i> Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте	115
<i>Толочек В.А.</i> Социальная успешность субъекта, окружение, ресурсы: открытые вопросы	136
<i>Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Жаринова Ю.И., Муховнина Д.Д.</i> О взаимосвязи видов социальной креативности с моральной идентичностью и толерантностью	159
<i>Машиков В.Л., Долгих А.Г., Голик С.В., Самусева М.В.</i> Методологические основы психологии театральной деятельности	179
<i>Бондаренко И.Н., Цыганов И.Ю., Моросанова В.И.</i> Роль осознанной саморегуляции в динамике познавательной активности и когнитивной вовлеченности учащихся в период перехода из основной в старшую школу: лонгитюдное исследование	200
<i>Кумченко С.К., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.</i> Самооценка на разных этапах коррекции пола у транссексуалов	224
<i>Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Александрова Л.А.</i> СОРЕ-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий	247
Памяти Т.А. Нежной (30.09.1947–10.12.2022)	276
Благодарности рецензентам	279
Список материалов, опубликованных в Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология в 2022 г.	285

CONTENT

<i>Kostromina S.N., Filatova A.F.</i> Personality's Experience of Its Own Destructiveness	3
<i>Artyomsteva N.G., Ilyasov I.I., Nagibina N.L.</i> Portrait: the Perception of a Person by a Person and the Art of Transmitting the Ideological Essence by Artistic Means	39
<i>Kyuchukov H.S.</i> Bilingual Children's Understanding of the Mental State of the Other Person in the Context of the Theory of Mind	60
<i>Ilyin V.A., Salmina N.G., Zvonova E.V.</i> The Problem of Cross-Cultural Communication in Foreign Researches	92
<i>Emelin V.A., Rasskazova E.I., Ivanova T.Yu.</i> Professional Identity and the Satisfaction with the Professional Activities as Factors of Well-Being in the Workplace	115
<i>Tolochek V.A.</i> Professional Identity and the Satisfaction with the Professional Activities as Factors of Well-Being in the Workplace	136
<i>Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Zharinova Yu.I., Mukovnina D.D.</i> On the Relationship of Types of Social Creativity with Moral Identity and Tolerance	159
<i>Maskov V.L., Dolgikh A.G., Golik S.V., Samuseva M.V.</i> Methodological Foundations of the Psychology of Theatrical Activity	179
<i>Bondarenko I.N., Tsyganov I.Yu., Morosanova V.I.</i> The role of conscious self-regulation in the dynamics of cognitive activity and cognitive engagement of students during the transition from secondary to high school: a longitudinal study	200
<i>Kumchenko S.K., Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I.</i> Transsexual self-esteem in different stages of transgender transition	224
<i>Odintsova M.A., Radchikova N.P., Aleksandrova L.A.</i> COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian-language inventory for coping strategies evaluation	247
In memory of T.A. Nezhnova (30.09.1947–10.12.2022)	276
Thanks to the reviewers	279
List of published materials 2022	285

УДК 159.9.075
doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

Научная статья

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

С.Н. Костромина¹, А.Ф. Филатова*²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

¹ s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

² as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

* Автор, ответственный за переписку: as.filatova@yandex.ru

Актуальность. Понятие деструктивности личности описывает многообразии широко распространенных разрушительных и саморазрушительных явлений в жизни человека. Изучение таких феноменов отвечает запросам практики психологического консультирования и психотерапии, поскольку в перспективе может способствовать предотвращению негативных последствий деструкции для самой личности и для окружающих. Кроме того, подобное исследование может послужить вариантом переосмысления однозначно негативных интерпретаций человеческой разрушительности, ведь, по мнению многих психологов и философов XX века, деструкция связана с позитивными изменениями, развитием и становлением.

Цель. Целью данного исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

Методы. В качестве методов исследования использовались полуструктурированное интервью и опрос с применением психодиагностических методик — «Многофакторного личностного опросника 16PF Р.Б. Кеттелла» и «Я-структурного теста Г. Аммона».

Выборка. Выборку составили 30 человек в возрасте от 18 до 45 лет, жители Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и других городов Российской Федерации.

Результаты. Были выявлены значимые компоненты переживания личностью типичных ситуаций проявления деструктивности, различающиеся в зависимости от направленности разрушения на себя, на другого человека или на материальные объекты. Переживание аутодеструктивности характеризуется преобладанием мысленных оценок ситуации, отрицательных эмоций и однозначно негативных смыслов, в то время как деструктивности в отношении другого соответствует более амбивалентное эмоциональное

переживание и неоднозначная интерпретация. Разрушение материальных объектов часто сопровождается положительными эмоциями и активным поведением, приписыванием деструкции нейтрального значения. Была обнаружена связь степени выраженности деструктивности как свойства личности с эмоциональной нестабильностью, низкой чувствительностью и нонконформизмом, а также с эмоциональным наполнением переживания деструктивности.

Выводы. Феноменологическое описание переживаний собственной деструктивности подтверждает неоднозначность и многовекторность этого феномена, его связь как с отрицательными, так и с положительными эмоциями (радостью, интересом), конструктивными смыслами (отстаиванием границ «Я», обретением независимости) и позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

Практическое применение результатов. Данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, их смысловом наполнении, значении в жизненном контексте, а также об их связи со структурой личности, представляют ценность для практики психологического консультирования и психотерапии и соответствуют широкому кругу клиентских запросов.

Ключевые слова: деструктивность личности, деструкция, аутодеструкция, феноменология переживания, переживание собственной деструктивности, личностный смысл.

Информация о финансировании. Исследование поддержано Российским научным фондом, грант № 22-28-00460 «Комплементарная модель самодетерминации личности: теоретические основания, диагностический инструментарий, практика внедрения».

Для цитирования: **Костромина С.Н., Филатова А.Ф.** Переживание личностью собственной деструктивности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 3–38. doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

Scientific Article

PERSONALITY'S EXPERIENCE OF ITS OWN DESTRUCTIVENESS

Svetlana N. Kostromina¹, Anastasya F. Filatova*²

^{1,2} Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

²as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

* Corresponding author: as.filatova@yandex.ru

Background. The concept of personality destructiveness describes the variety of widespread destructive and self-destructive phenomena in human life. The study of such phenomena caters to the needs of psychological counselling and psychotherapy, cause, in the long term, it can contribute to the prevention of the negative consequences of destruction for personality and others. In addition, such a study can be a way of rethinking the unambiguously negative interpretations of human destructiveness, since, according to many psychologists and philosophers of the 20th-century, destruction is associated with positive changes, development and “coming into being”.

Objective. The purpose of this study is to explore the psychological characteristics of a personality’s experience of its own destructiveness.

Methods. A semi-structured interview and a survey with application of psychodiagnostic techniques (The Sixteen Personality Factor Questionnaire by R.B. Cattell and the I-Structural Test of G. Ammon) were used as research methods.

Sample. The sample consisted of 30 people aged 18 to 45, residents of St. Petersburg, Rostov-on-Don and other cities of the Russian Federation.

Results. Significant components of a personality’s experience of typical situations connected with destructive manifestations were identified, which differ depending on the direction of destruction to oneself, to another person or to material objects. The experience of self-destructiveness is characterized by the predominance of mental assessments of the situation, negative emotions and unambiguously negative meanings, while destructiveness toward another corresponds to a more ambivalent emotional experience and ambiguous interpretation. The destruction of material objects is often accompanied by positive emotions and active behavior, the attributing a neutral meaning to the destruction. A connection between the measure of destructiveness as a personality trait and emotional instability, low sensitivity, nonconformism and the emotional content of experiencing destructiveness was found.

Conclusion. The research data indicate the ambiguity and multi-vector nature of the phenomenon of destructiveness, its connection with both negative and positive emotions (joy, interest), constructive meanings (protecting the boundaries of the Self, defending independence) and positive life changes in the personality’s representation.

Practical application of the results. Data on the personality’s experience of its own destructiveness, its semantic content, meaning in a life context, as well as its connection with the structure of personality, are valuable for the practice of psychological counseling and psychotherapy and correspond to a wide range of client requests.

Keywords: personality's destructiveness, destruction, self-destruction, phenomenology of experience, experience of its own destructiveness, personality's meaning.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-00460 "The Complementary Model of Personal Self-Determination: Theoretical Foundations, Diagnostic Toolkit, Implementation Practice".

For citation: Kostromina, S.N., Filatova, A.F. (2022). Personality's Experience of Its Own Destructiveness. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 3–38. doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

Введение

Деструктивность традиционно определяется в психологической литературе как негативное свойство личности или как разрушающее поведение (Злоказов, 2017; Ипатов, Шишигина, 2018; Фромм, 2017). В то же время имеются данные, показывающие, что переживание собственной деструктивности может нести позитивную функцию, способствовать поддержанию целостности и устойчивости личности (Шпильрейн, 2020). Двойственность деструктивности в функционировании личности, неоднозначность и многовекторность влияния на поведение подчеркивает актуальность исследования деструктивных личностных проявлений.

Традиционное понимание деструкции как психодинамического процесса, «влечения к смерти» или «инстинкта разрушения» берет свое начало из классического психоанализа и работ С.Н. Шпильрейн и З. Фрейда.

С.Н. Шпильрейн впервые выдвинула тезис о наличии двух видов инстинктов¹ человека — созидательном и разрушительном, которым соответствуют стремление к устойчивости, самосохранению и желание трансформации (Шпильрейн, 2020). Деструкция, согласно концепции С.Н. Шпильрейн, является отрицательным компонентом инстинкта сохранения вида (размножения), который по сути своей амбивалентен и динамичен, поэтому «никакое изменение не может

¹ Здесь мы повторяем слово «инстинкт» вслед за самой С.Н. Шпильрейн, однако с оговоркой, что этот термин неприменим к описанию поведения человека с точки зрения современных научных исследований, а в более поздних психоаналитических концепциях он был вытеснен понятием «влечение».

происходить без уничтожения старого состояния» (Шпильрейн, 2020, с. 21).

Идея С.Н. Шпильрейн нашла отражение в метапсихологической теории З. Фрейда, в частности, в его концепции влечения к смерти. Деструкция выступает формой реализации влечения к смерти, которое, наряду с либидинозным влечением, является основным динамическим процессом, обуславливающим сложность и разнообразие психической жизни (Фрейд, 2020).

Концепция деструкции как формы влечения получила дальнейшее развитие в ряде постклассических психоаналитических школ и является актуальной для представителей данного направления в наши дни (Розенберг, 2018; Bohleber, 2018). Вслед за С.Н. Шпильрейн многие психоаналитики говорят о существовании архетипического паттерна близости созидания, творчества и разрушения (Greenberger, Allen, 1980; Recarte, 2020; Rosenthal, 2018).

Альтернативный подход представляют исследования, в которых деструкция рассматривается в соотношении с категорией свойства, в связи с чем осуществляется переход к термину «деструктивность» (Фромм, 2017; Karsambelis, 2018).

Спонтанная деструктивность, проявляющаяся в виде реактивного деструктивного поведения в экстремальной ситуации, не тождественна деструктивности как устойчивому свойству личности, связанному с ее структурой (Э. Фромм, 2017). Последняя несводима только лишь к поведенческим паттернам и требует системного рассмотрения, однако в большинстве современных академических исследований деструктивность определяется именно как свойство поведения.

В качестве предмета анализа рассматриваются различные формы разрушительной активности человека: деструктивное и аутодеструктивное поведение (Злоказов, 2017; Ипатов, Шишигина, 2018) или деструктивная деятельность (Лысак, 2014). Специфической целью деструктивного поведения, отличающей его от агрессивного, является разрушение в различных его формах, направленное прежде всего на объекты социальных отношений (Злоказов, 2017).

В ряде зарубежных работ анализируются личностные корреляты, предикторы и функции аутодеструктивного и самоповреждающего поведения (Boyes et al., 2020; Coleman et al., 2022; Kolbeck et al., 2019; Sheehy et al., 2019; Tsirigotis, 2018). По данным метааналитического исследования (Taylor et al., 2018), в 66–81% случаев самоповреждающее поведение служит реализации внутриличностных (интраперсональ-

ных) функций, таких как самонаказание и эмоциональная регуляция. Гораздо реже (33–56% случаев) самоповреждение выполняет межличностные (интерперсональные) функции — наказание других, межличностное влияние или сообщение об уровне переживаемого стресса.

Согласно современным теоретическим представлениям, самоповреждение является лишь одной из возможных форм аутодеструктивного поведения, под которым понимается любое намеренное причинение себе вреда и совершение индивидом разнообразных действий, имеющих для него негативные последствия (Польская, 2017).

Мы полагаем, что изучение деструктивного поведения как формы активности субъекта является недостаточным, поскольку чаще всего предполагает исключение из рассмотрения неосознаваемых мотивов, тенденций и характеристик ценностно-смысловой сферы личности.

Деструктивность, будучи комплексной характеристикой личности, объединяет в себе индивидуально-типологические особенности (астенические), стили организации деятельности (дисгармонические), особенности ценностно-смысловой сферы (асоциальные мотивы), особенности адаптации (дезадаптивные стратегии) (Злоказов, Прядеин, 2014).

Согласно современным представлениям о многоуровневом характере предметного поля психологии личности (Костромина, 2019; Костромина, Гришина, Мироненко, 2018; Furnham, Cheng, 2019; Sosnowska et al., 2019, 2020; Strus, Ciecuch, 2017), деструктивность можно рассматривать как метахарактеристику, обобщающую ряд системных свойств и функций личности. В качестве последних могут выступать, например, описанные Г. Аммоном основные функции структуры «Я»: агрессия, тревога, «Я-отграничения» (т.е. регуляция внешних и внутренних границ «Я»), нарциссизм и сексуальность (Аммон, 2019). Деструктивный вариант проявления этих «Я-функций» характеризуется чрезмерной выраженностью по сравнению с конструктивной и дефицитарной формами, вследствие чего разрушается целостность личности, ее отношения с окружающими или ее деятельность.

Обобщая вышеизложенные концепции и определения, можно сделать вывод, что деструктивность — это метасвойство личности, которое проявляется в стремлении к разрушению объектов и систем окружающего мира, а также в стремлении к саморазрушению. Разноплановость проявлений деструктивности как метасвойства

личности подразумевает изучение не только непосредственно наблюдаемых внешних поведенческих паттернов, обнаруживающихся в деятельности и активности, но и внутриспсихических аспектов, например, психической аутоагрессии, деструктивной тревоги, фиксации на чувстве вины. Перенос фокуса внимания во внутренний план и переход к рассмотрению содержательной и сущностной стороны психического предполагают обращение к феноменологии переживаний личности.

В рамках субъектно-деятельностного подхода под переживанием принято понимать непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний (Веккер, 2000), а также деятельность, направленную на смыслопорожение и смыслостроительство (Василюк, 1984).

Изучение феноменологии переживаний личности предполагает выявление и описание различных структурно-динамических компонентов переживания: эмоционального, когнитивного, поведенческого, психосемантического (Улановский, 2009; Фахрутдинова, 2018). Эта модель может быть использована и для исследования переживания личностью собственной деструктивности.

Основными эмоциональными составляющими деструктивного опыта могут выступать тревога, страх, стыд, вина, обида (Дьяков, 2019). При этом чаще всего подчеркивается отрицательная роль семантической (смысловой) репрезентации деструктивного опыта в самоорганизации личности: деструктивные механизмы нарушают оптимальность системы психической самоорганизации, ее активность и препятствуют гармоничной адаптивности и самореализации личности в жизненном пространстве (Дьяков, 2019).

В то же время психосемантический компонент переживания может выступать ключевым фактором преодоления кризисных жизненных ситуаций или пограничных ситуаций (по К. Ясперсу), в которых переживание деструкции может иметь созидательный смысл (Василюк, 1984; Anton, 2020). В связи с этим особую значимость представляют данные о смысловом наполнении переживаний собственной деструктивности, т.е. о личностном смысле, приписываемом человеком собственным деструктивным проявлениям.

Цель

Целью данного исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности. Основной исследовательский вопрос заключается в том,

какие значимые компоненты переживания могут быть выявлены при описании феноменологии переживания деструктивности. Также важно уточнить, как эти компоненты связаны с направленностью деструктивности в различных жизненных ситуациях. Кроме того, одной из задач является изучение связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с устойчивыми характеристиками личности.

Были сформулированы следующие *гипотезы* исследования:

1. Феноменология переживания личностью собственной деструктивности может быть описана посредством выявления значимых когнитивных, эмоциональных, поведенческих и психосемантических (смысловых) компонентов переживания, различающихся в зависимости от направленности деструктивности в разных жизненных ситуациях.

2. Выраженность деструктивности как свойства личности значимо связана со структурой личностного профиля и с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

Методы

В качестве методов исследования использовались полуструктурированное интервью и опрос с применением психодиагностических методик, а именно: «Многофакторного личностного опросника 16PF (форма C) Р.Б. Кеттелла» в адаптации В.И. Похилько, А.С. Соловейчика, А.Г. Шмелева и методики «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) в адаптации Ю.А. Тупицына.

Авторское полуструктурированное интервью было разработано с целью выявления понимания и описания респондентами феномена деструктивности на примере различных жизненных ситуаций. Интервью включало 18 вопросов и состояло из 3 тематических блоков (табл. 1).

Психодиагностические методики использовались для проверки гипотезы о наличии связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с личностными чертами. «Многофакторный личностный опросник 16PF Р.Б. Кеттелла» применялся для изучения структуры личностного профиля и измерения 16 черт-факторов, а методика «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) — для оценки степени выраженности деструктивности как свойства личности, измеряемой в виде суммарного показателя по шкалам деструктивных «Я-функций» (агрессии, тревоги, внутреннего и внешнего «Я-отграничения», нарциссизма и сексуальности).

Таблица 1

Структура авторского интервью с примерами вопросов

№	Тип вопроса	Примеры вопросов	Маркеры для контент-анализа
1	Определение респондентом понятия «деструктивность», перечисление ассоциаций с этим словом, самооценка респондентом степени выраженности собственной деструктивности и аутодеструктивности	Знакомо ли Вам слово «деструктивность»? Что Вы под ним понимаете? С чем у Вас ассоциируется слово «деструктивность»? Считаете ли Вы, что Вам присуще такое качество, как деструктивность?	Категории понятия «деструктивность», категории ассоциаций
2	Описание респондентами конкретных жизненных ситуаций, в которых проявлялась их деструктивность. Вопросы о 5 аспектах: мыслях, чувствах, действиях, возникавших в этой ситуации, а также о личностном смысле ситуации (ее «значение для меня») и ее позитивном значении в контексте всей жизни	Попробуйте описать себя в этой ситуации. Что конкретно Вы делали? Что Вы чувствовали? Какие мысли возникали у Вас в тот момент? Как Вы сегодня оцениваете эту ситуацию? Что эта ситуация значит для Вас сейчас?	Категории жизненных ситуаций, в которых проявляется деструктивность личности, компоненты переживания личностью собственной деструктивности
3	Резюмирующие вопросы о роли деструктивности в жизни респондента	Как бы Вы в целом оценили роль деструктивности в Вашей жизни? Могли бы Вы сейчас сформулировать какое-то новое определение этого явления, начав со слов «Моя деструктивность — это...»	Категории личностного смысла, приписываемого собственной деструктивности

Процедура обработки качественных данных представляла собой тематический контент-анализ, включающий преимущественно дедуктивное, или «направленное теорией» (theory-driven) кодирование (Хорошилов, Мельникова, 2020). Согласно этому методу, данные кодировались по уже заранее готовой категориальной схеме, состав-

Table 1

Structure of the author's interview with examples of questions

№	Question type	Examples of questions	Markers for content analysis
1	The respondent's definition of the concept of «destructiveness», the enumeration of associations with this word, the respondent's self-assessment of their own destructiveness and self-destructiveness	Do you know the word «destructiveness»? What do you mean by it? What do you associate the word «destructiveness» with? Do you think that you have such a quality as destructiveness?	Categories of the concept of «destructiveness», categories of associations
2	The respondent's description of specific life situations in which their destructiveness was manifested. Questions about 5 aspects: thoughts, feelings, actions in this situation, as well as about the personality's meaning of the situation (its «meaning to me») and its positive meaning in the context of life	Try to describe yourself in this situation. What exactly did you do? How did you feel? What thoughts did you have at that moment? How do you assess this situation today? What does this situation mean to you now?	Categories of life situations in which the personality destructiveness is manifested, components of a personality's experience of its own destructiveness
3	Summarizing questions about the role of destructiveness in the respondent's life	How would you generally assess the role of destructiveness in your life? Could you now formulate some new definition of this phenomenon, starting with the words «My destructiveness is...»	Categories of personality's meaning attributed to one's own destructiveness

ленной по итогам анализа научной литературы и предшествующих исследований по интересующей проблеме (Филатова, 2022).

В качестве методов математико-статистической обработки количественных данных использовались методы описательной статистики (расчет средних значений, стандартного отклонения, асимметрии и эксцесса), корреляционный анализ (расчет коэффициента корреляции r -Спирмена) и линейный регрессионный анализ с пошаговым включением, факторный анализ методом главных компонент с вращением Varimax, иерархический кластерный анализ и кластеризация методом k -средних. Для сравнительного анализа значений переменных в группах респондентов применялся критерий Краскала-Уоллиса.

Выборка

В исследовании приняли участие 30 человек (средний возраст — $25,5 \pm 5,5$), жители Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и других городов Российской Федерации, из которых 24 женщины, 5 мужчин и 1 небинарный человек. Уровень образования большинства респондентов — высшее профессиональное образование (76,7%). Основным родом деятельности для 7 респондентов является получение образования, для 14 — трудовая деятельность, для 9 — совмещение учебной и профессиональной деятельности. Метод подбора — произвольная выборка.

Описание хода исследования

Сбор данных осуществлялся в течение 2021 года. Исследование проводилось преимущественно в формате очной беседы с респондентами по вопросам полуструктурированного интервью. Далее с помощью онлайн-сервиса «Google forms» респонденты заполняли опросник, содержащий вопросы о социально-демографических данных и бланки психодиагностических методик.

Результаты

Феноменология переживания личностью собственной деструктивности

Проверка первой гипотезы исследования осуществлялась на основе тематического контент-анализа данных полуструктурированного интервью.

Феноменологические описания событий, связанных с деструктивностью, и сопровождающих их переживаний, позволили дифференцировать типичные ситуации проявления деструктивности в зависимости от ее направленности на другого человека, на себя или на материальные объекты (рис. 1).

Две трети респондентов (66,7%, $n = 30$), отвечая на просьбу рассказать любой эпизод из жизни, связанный с проявлением деструктивности, в первую очередь вспоминали о жизненных ситуациях, в которых их деструктивность была направлена на себя. На рис. 1 можно увидеть, что такие ситуации определяются чаще всего (62,9% ответов) как нефизическое или ментальное саморазрушение: «самокритика», «самокопание», «самобичевание». В 14% ответов представлены ситуации употребления табачных изделий или алкоголя, а также приступы расстройств пищевого поведения. В 20% случаев

«аутодеструктивная» жизненная ситуация описывается как непосредственное физическое саморазрушение — самоповреждающее поведение или «селфхарм».

Жизненная ситуация, в которой деструктивность направляется субъектом на другого человека, определяется респондентами чаще всего (78,5%) как ссора или конфликт в значимых близких отношениях, реже (21,4%) — как расставание, разрушение или разрыв отношений.

Деструктивность по отношению к материальным объектам, согласно ответам респондентов, проявляется в 3 типах жизненных ситуаций (рис. 1):

1) Сознательное разрушение материальных объектов во время ссоры/конфликта или по причине ссоры/конфликта, т.е. в связи с контекстом межличностных отношений (50%);

2) Сознательное разрушение материальных объектов с целью отреагирования негативных эмоций, снятия напряжения (41%);

Рис. 1. Частотный анализ категорий жизненных ситуаций, в которых проявляется деструктивность личности (результаты тематического контент-анализа)

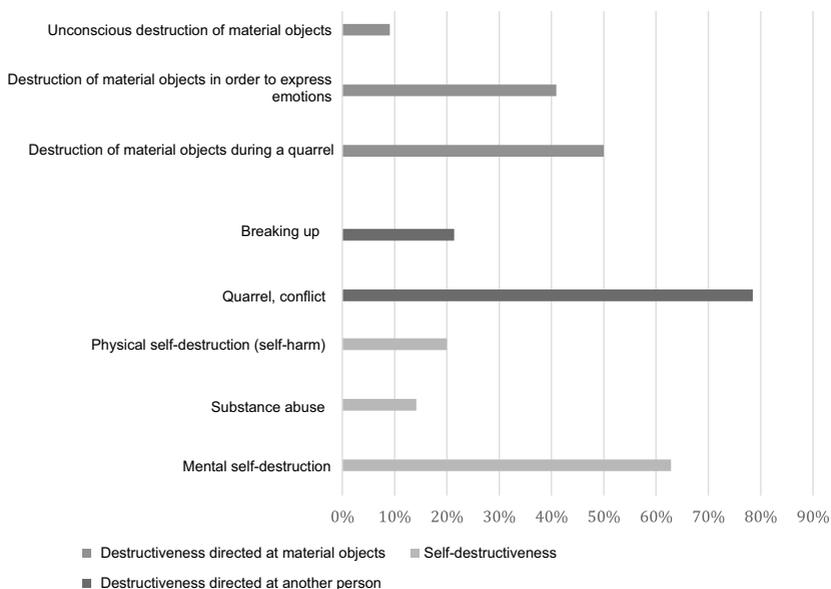

Fig. 1. Frequency analysis of categories of life situations in which the destructiveness of the personality is manifested (results of thematic content-analysis)

3) Непреднамеренное и случайное разрушение материальных объектов в быту (9%).

Вне зависимости от направленности деструктивности, все ответы респондентов сопровождалось описанием мыслей, эмоций, чувств и действий, что позволило нам выделить и систематизировать значимые когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты переживания собственной деструктивности в различных жизненных ситуациях (табл. 2).

На основе частотного анализа с использованием таблиц сопряженности можно сделать вывод о наличии связи между направленностью деструктивности в жизненных ситуациях и особенностями переживания собственной деструктивности ($p \leq 0,05$).

Мысли о целевых характеристиках собственных действий («Я хочу обидеть, отомстить, разрушить другого») в большей мере характерны для переживания ситуации проявления деструктивности по отношению к другому человеку (60,6%), в то время как мысленные оценки ситуации («То, что происходит — плохо, обидно, неправильно,

Таблица 2

Частотный анализ компонентов переживания личностью собственной деструктивности (результаты построения таблиц сопряженности)

Компоненты переживания		Направленность деструктивности в ситуации (в %)			Всего ответов	Хи-квадрат	r-Спирмена
		на другого	на себя	на мат. объекты			
Мысли	Целевые характеристики	60,6	21,2	18,2	33	17,512**	-0,395**
	Оценки ситуации	33,9	42,9	23,2	56	8,6*	-0,168
Чувства	Социальные	50	38,5	11,5	26	8,5*	-0,3**
	Интрасубъектные	30	44	26	50	6,03*	-0,55
	Интерсубъектные	39,6	35,8	24,5	53	4,77	-0,22*
Эмоции	Отрицательные	35,6	42,4	22	59	11,02**	-0,23*
	И положительные, и отрицательные	46,2	23,1	30,8	13	1,26	-0,08
	Положительные	0	0	100	3	6,2*	0,23*
Действия	Пассивные	34,8	65,2	0	23	19,74**	-0,25*
	Вербальные	100	0	0	17	41,9**	-0,59**
	Активные	22,9	35,4	41,7	48	5,62	0,25*

Примечание: * — отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,01$

несправедливо») чаще сопровождают проявления аутодеструктивности (42,9%).

Интерсубъектные, т.е. направленные на другого, чувства (например, злость или обида) связаны с деструктивной активностью в отношении другого (39,6%). Деструктивность, направляемая человеком на самого себя, чаще сопровождается интрасубъектными чувствами или характеристиками самочувствия — дискомфортом, грустью, болью (44%).

При этом более амбивалентное эмоциональное наполнение переживаний характерно для ситуаций, в которых деструктивность направляется вовне: разрушение другого в два раза чаще сопровождается одновременно и положительными, и отрицательными эмоциями (46,2%), по сравнению с разрушением себя (23,1%). Также для ситуаций разрушения другого в большей мере характерно пере-

Table 2

Frequency analysis of the components of personality's experience of its own destructiveness (results of constructing crosstabs)

Components of personality's experience		Direction of destructiveness in the situation (in %)			Sum	Chi-square	R (Spearman's correlation)
		to another person	to oneself	to material objects			
Thoughts	Characteristics of purpose	60.6	21.2	18.2	33	17.512**	-0.395**
	Assessment of the situation	33.9	42.9	23.2	56	8.6*	-0.168
Feelings	Social	50	38.5	11.5	26	8.5*	-0.3**
	Intrasubjective	30	44	26	50	6.03*	-0.55
	Intersubjective	39.6	35.8	24.5	53	4.77	-0.22*
Emotions	Negative	35.6	42.4	22	59	11.02**	-0.23*
	Both positive and negative	46.2	23.1	30.8	13	1.26	-0.08
	Positive	0	0	100	3	6.2*	0.23*
Actions	Passive	34.8	65.2	0	23	19.74**	-0.25*
	Verbal	100	0	0	17	41.9**	-0.59**
	Active	22.9	35.4	41.7	48	5.62	0.25*

Note: * — results with significance level $p \leq 0.05$; ** — results with significance level $p \leq 0.01$

живание социальных чувств — стыда, вины, жалости (50%), в отличие от ситуаций саморазрушения (38,5%). Полученные данные согласуются с положениями психоаналитической теории о том, что аутодеструктивность и мазохизм формируются в результате подавляющего воздействия «Сверх-Я», которое подвергает деструктивный импульс, направленный на другого, цензуре посредством вины и стыда (Фрейд, 2020; Розенберг, 2018). Согласно этой логике саморазрушение может переживаться как более приемлемое с точки зрения социума, более допустимое с позиции норм морали. В нашем исследовании данный тезис подтверждается также тем, что большинство респондентов в первую очередь рассказывали о тех ситуациях, в которых они проявляли деструктивность по отношению к себе. Полагаем, что собственная деструктивность по отношению к другому человеку активнее подвергается цензуре или вытеснению, и обсуждение этой темы в интервью может вызывать большее сопротивление.

Вербальные действия — крики, оскорбления, обидные слова, — характеризуют только ситуации проявления деструктивности в отношении другого (100%). Аутодеструктивность респондентов проявляется в пассивных действиях («думал», «злился на себя», «лежала и плакала») и в активных (например, самоповреждение или употребление алкоголя): 65,2% и 35,4% ответов соответственно.

Разрушение материальных объектов переживается в связи с контекстом отношений со значимым другим и сопровождается интерсубъектными чувствами (24,5%). Однако также имеют место интрасубъектные чувства (26%), связанные с дискомфортом или дистрессом. При этом разрушение материальных объектов, в отличие от других типов жизненных ситуаций, часто сопровождается однозначно положительными эмоциями (100%). Можно объяснить это тем, что целенаправленное и осознанное разрушение материальных объектов может служить конструктивным способом разрядки эмоционального напряжения и отреагирования негативных эмоций как в ситуациях межличностных конфликтов, так и в случае переживания субъективного дискомфорта.

Далее был проанализирован психосемантический компонент переживания деструктивности, т.е. категории личностного смысла, приписываемого человеком собственным проявлениям деструктивности в различных жизненных ситуациях (рис. 2).

Поскольку личностный смысл рассматривается в литературе как качественно определенное отношение личности к событиям жизни (Леонтьев, 2007), обобщенные нами категории психосемантического компонента переживания соответствуют различным вариантам качественной интерпретации личностью собственного опыта (положительный/отрицательный/нейтральный/неоднозначный опыт).

В качестве отрицательного жизненного опыта чаще всего (55,6%) рассматривается деструктивность, направляемая человеком на самого себя («Больше не хочется делать себе больно», «Это не работает, это глупо, я навредил только самому себе»).

Разрушение материальных объектов, согласно 50% ответов, переживается скорее как нейтральный и незначимый опыт, предположительно, в силу того, что оно чаще происходит в обычных бытовых ситуациях и не имеет серьезных необратимых последствий («Это случилось один раз и позволило успокоиться в моменте», «Мне стало легче, когда я швырнула стул, какая-то часть энергии ушла вместе со стулом»).

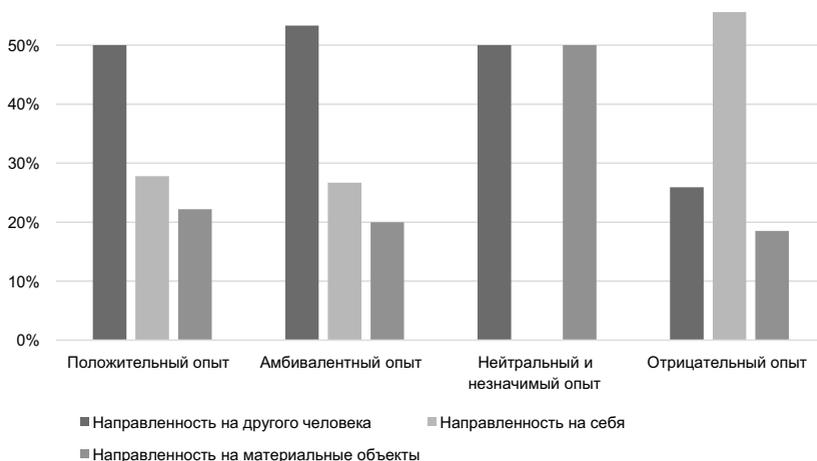

Рис. 2. Частотный анализ категорий психосемантического компонента переживания личностью собственной деструктивности (результаты тематического контент-анализа)

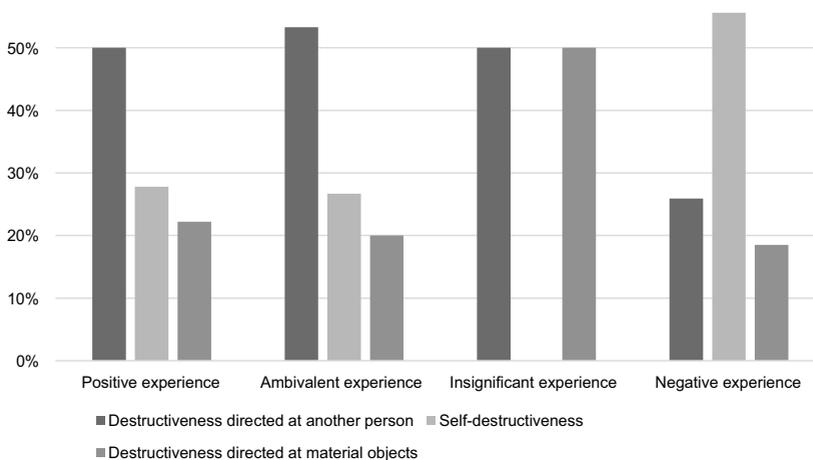

Fig. 2. Frequency analysis of the categories of the psychosemantic component of a person's experience of its own destructiveness (results of thematic content analysis)

Деструктивным проявлениям в отношении другого человека чаще по сравнению с остальными типами ситуаций (50%) приписывается позитивное значение («Очень положительно оцениваю ситуацию, прекрасная ссора. Она открыла мне глаза»). При этом

в 53% ответов подобные случаи оцениваются неоднозначно, как амбивалентный опыт («Злость и любовь, жалость и гордость одновременно», «Мне стыдно, что я сорвалась. Но при этом считаю, что сестра не права, что нарушила мой запрет»).

Также в ходе контент-анализа была обнаружена связь субъективных оценок проявлений собственной деструктивности и позитивных жизненных изменений: разрушение связывается с новым знанием о себе, о другом человеке, о людях и жизни в целом, улучшением отношений, личностными изменениями, созиданием, переосмыслением. Деструктивность, направляемая человеком на самого себя, связывается с подобными положительными изменениями в 46,7% ответов, деструктивность, направленная на другого человека — в 33,3%, а разрушение материальных объектов — в 20%.

Иллюстрацией данных тематического контент-анализа могут послужить следующие ответы респондентов:

1) «Деструктивность в моей жизни есть, **но я хотела бы с ней бороться**. Я бы не хотела разрушать что-то. Для меня такие моменты очень болезненны, я бы не хотела, чтобы они были в моей жизни» (собственная деструктивность интерпретируется как однозначно негативное свойство);

2) «Моя деструктивность проявляется в том, что я не контролирую эмоции, обижаю людей, разрушаю свои отношения с ними, не забочусь о своем здоровье. Но разрушая, я что-то приобретаю. Что-то новое приходит на замену. **Деструкция тоже должна быть**» (подчеркивается неоднозначность, противоречивость феномена деструктивности: это отрицательное качество, но иногда оно может использоваться в конструктивных целях, способствовать позитивным изменениям в жизни);

3) «Моя деструктивность — это **мощный ресурс для изменений**. Моя разрушительность проявляется в создании» (деструктивность рассматривается как положительное свойство личности, как ресурс);

4) «Моя деструктивность направлена **на успокоение в моменте**. Связана с желанием чего-то достичь. Направлена не на то, чтобы раз и навсегда с чем-то закончить, а на то, чтобы более спокойно пережить моменты кризиса, связанного с реализацией задуманного» (деструктивность оценивается нейтрально как неотъемлемая черта, данность, естественное свойство личности).

Факторная модель компонентов переживания личностью собственной деструктивности

Результаты обработки данных полуструктурированного интервью, представленные в виде количественных шкал, далее обрабатывались посредством факторного анализа методом главных компонент с применением вращения Varimax. Целью факторного анализа являлось уменьшение размерности переменных и выделение базовых интегральных характеристик переживания деструктивности. Была построена 6-факторная модель, описывающая особенности переживания личностью собственной деструктивности и объясняющая 76% совокупной дисперсии переменных (Критерий сферичности Бартлетта = 232,9; $p = 0$). В табл. 3 представлены структура факторов и факторная нагрузка образовавших их переменных.

Таблица 3

Факторная структура особенностей переживания личностью собственной деструктивности

Переменные	Нагрузки
Фактор 1. Эмоциональное переживание деструктивности (22,95% дисперсии)	
Эмоции — отрицательные	0,699
Действия — активные	0,657
Чувства — интерсубъектные	0,617
Чувства — социальные	0,551
Чувства — интрасубъектные	0,434
Фактор 2. Положительная оценка собственной деструктивности (37,4% дисперсии)	
Действия — вербальные	0,607
Эмоции — положительные	0,558
Смысл — положительный жизненный опыт	0,347
Фактор 3. Неоднозначная оценка собственной деструктивности (50,1% дисперсии)	
Смысл — неоднозначный опыт	0,828
Позитивные изменения в жизни	0,641
Мысли — целевые характеристики действий	0,471
Фактор 4. Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности (59,7% дисперсии)	
Эмоции — и положительные, и отрицательные	0,734

Переменные	Нагрузки
Смысл — нейтральный опыт	0,497
Фактор 5. Когнитивная оценка ситуации разрушения (68,7% дисперсии)	
Мысли — оценки ситуации	0,578
Фактор 6. Отрицательная оценка собственной деструктивности (75,9% дисперсии)	
Смысл — отрицательный опыт	0,478
Действия — пассивные	0,358

Table 3

Factor structure of the features of personality's experience of its own destructiveness

Variables	Factor loadings
Factor 1. Emotional experience of destructiveness (22.95% variance)	
Emotions — negative	0.699
Actions — active	0.657
Feelings — intersubjective	0.617
Feelings — social	0.551
Feelings — intrasubjective	0.434
Factor 2. Positive assessment of destructiveness (37.4% variance)	
Actions — verbal	0.607
Emotions — positive	0.558
Meaning — positive life experience	0.347
Factor 3. Ambiguous assessment of destructiveness (50.1% variance)	
Meaning — ambiguous experience	0.828
Positive changes in life	0.641
Thoughts — characteristics of purpose of actions	0.471
Factor 4. Ambivalent emotional experience of destructiveness (59.7% variance)	
Emotions — both positive and negative	0.734
Meaning — neutral experience	0.497
Factor 5. Cognitive assessment of the situation of destruction (68.7% variance)	
Thoughts — assessments of the situation	0.578
Factor 6. Negative assessment of destructiveness (75.9% variance)	
Meaning — negative experience	0.478
Actions — passive	0.358

Полученная модель согласуется с данными тематического контент-анализа: выявленные факторы соответствуют когнитивным, эмоциональным и смысловым аспектам переживания деструктивности.

Так, фактор 1 «Эмоциональное переживание деструктивности» объединяет различные по своему предмету чувства, составляющие переживание собственной деструктивности: интересубъектные, интрасубъектные и социальные. При этом эмоциональная окраска переживаний является преимущественно негативной. Кроме того, с яркой эмоциональной экспрессией связаны внешне наблюдаемые поведенческие паттерны: человек, интенсивно переживающий деструктивность, может проявлять ее в активных действиях, в том числе в форме физического насилия. Подтверждением этого тезиса является цитата из одного интервью: *«Я хотел ударить его с ноги по лицу. Чувствовал гнев, агрессию, ненависть, желание отомстить, обиду и вину».*

Фактор 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» включает переменные, соответствующие позитивному отношению к деструкции, которое выражается и в эмоциональной оценке, и в когнитивной интерпретации. С этим аспектом переживания связаны вербальные проявления деструктивности. Тематический контент-анализ данных интервью позволил обнаружить аналогичные результаты: ссоры и конфликты, в которых деструктивность в вербальной форме направляется на другого человека (прежде всего близкого, например, партнера), часто интерпретируются личностью как значимый и ценный опыт, способствовавший либо сохранению, укреплению или перестройке отношений, либо отстаиванию границ собственного «Я», обретению большей независимости (*«Эта ситуация позволила сделать явным для него мое отношение, мое ощущение себя»*).

Противоположный по смыслу фактор 6 «Отрицательная оценка собственной деструктивности» объединяет интерпретацию проявлений собственной деструктивности как однозначно негативного жизненного опыта и пассивные действия как преобладающий компонент переживания разрушения. Результаты контент-анализа свидетельствуют о том, что этим переменным чаще всего соответствуют ситуации проявления аутодеструктивности. На следующем примере можно увидеть, как переживание пассивного саморазрушения наделяется резко негативным личностным смыслом:

«Я довела себя до иступления. Сама себя осуждала, доводила себя до состояния немоцности, до такого состояния, когда люди как

психи. Лежала, свернувшись клубочком возле маминых ног, расштанное состояние, пустая голова... Я знала, что мне нельзя нервничать, но не могла остановить себя, знала, что мне будет плохо, что будут определённые последствия, а я не останавливалась. Поэтому это саморазрушение».

Факторы 3 и 5 в большей мере характеризуют когнитивные компоненты переживания. Например, неоднозначная когнитивная оценка собственной деструктивности представлена фактором 3. Переживание деструктивности интерпретируется как сложный, противоречивый опыт, связанный в том числе с позитивными изменениями в жизни. С этим фактором коррелирует переменная «мысли о целевых характеристиках собственных действий»: можно предположить, что ей соответствует намеренное и целенаправленное разрушение, т.е. сознательное проявление деструктивности («я **защищаюсь**, отстаиваю границы», «**собрать вещи и убежать**», «я буду **мстить**, ты мне все портишь»).

Фактор 5 «Когнитивная оценка ситуации разрушения» имеет схожий смысл, однако он представлен другой переменной — «мыслительная оценка ситуации». Предполагаем, что в этом аспекте переживания также имеет место высокий уровень осознанности и рефлексии, но разрушение в данном случае не является целенаправленным, человек не осмысляет себя активно действующим субъектом, а скорее пассивно наблюдает за ситуацией («**Как грустно**, как тяжело, как я устала», «**Почему я не звоню** (чтобы помириться), я же могу?», «**Почему ты делаешь выбор в пользу других людей?**»).

Наконец, фактор 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности» так же, как и факторы 1 и 2, описывает преимущественно эмоциональное наполнение деструктивных ситуаций, которое может характеризоваться сочетанием положительных и отрицательных эмоций, т.е. являться противоречивым и неоднозначным. Такому аспекту переживания соответствует нейтральная интерпретация проявлений деструктивности, которые рассматриваются как нечто обыденное, бытовое, незначимое. Фактору 4 могут соответствовать ситуации разрушения материальных объектов, часто сопровождаемые позитивными эмоциями и отреагированием негативных: «**Это рядовой случай**. Крушение мебели деструктивно, но я не могу по-другому себя успокоить».

Далее с целью дифференцирования групп респондентов в зависимости от преобладающих компонентов переживания личностью собственной деструктивности был выполнен кластерный анализ на-

блюдений с группировкой по выявленным факторам. Иерархический кластерный анализ и кластеризация по методу k-средних позволили выделить 4 группы респондентов (3 итерации). Соотношение компонентов переживания личностью собственной деструктивности (выявленных факторов) в 4 группах отображено на рис. 3.

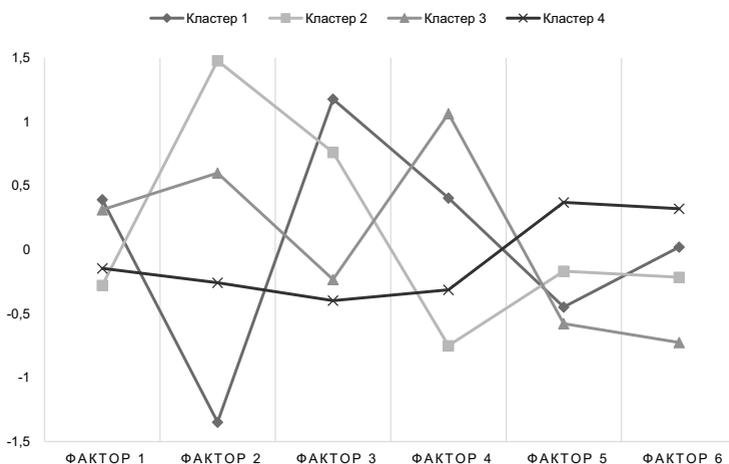

Рис. 3. Соотношение компонентов переживания личностью собственной деструктивности в группах респондентов (конечные центры кластеров)

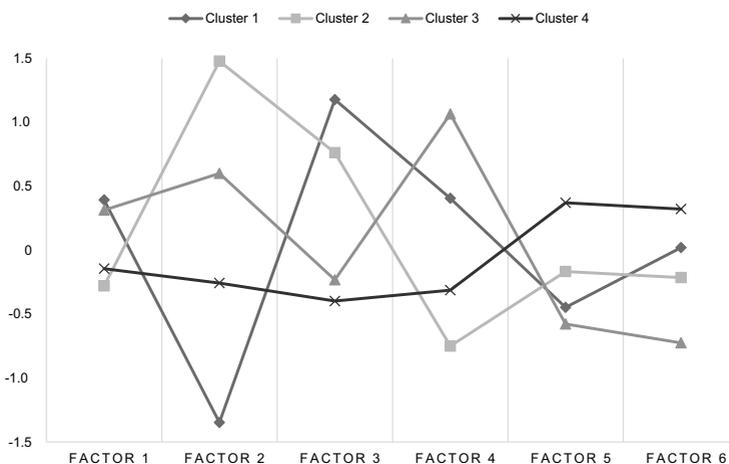

Fig. 3. Dimension of the components of personality's experience of its own destructiveness in groups of respondents (end centers of clusters)

1-я группа респондентов ($n = 4$) характеризуется выраженностью «Эмоционального переживания деструктивности» (фактор 1). Респонденты этой группы крайне редко оценивают проявления своей деструктивности однозначно положительно (низкие значения по фактору 2) и стараются осознать происходящее с точки зрения намерений и целенаправленности деструктивных действий (высокие значения по фактору 3). У них преобладает противоречивая оценка собственной деструктивности (также фактор 3), что позволяет описать их переживания собственной деструктивности как неоднозначный опыт, имеющий негативную эмоциональную окраску, но способствующий позитивным изменениям в жизни. Соответственно, данная группа была названа нами «Двойственно интерпретирующие собственную деструктивность».

Для 2-й группы респондентов ($n = 4$) характерно преобладание фактора 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» и значительная выраженность фактора 3 (как и у первой группы). В целом они положительно переживают свой деструктивный опыт как в ментальном, так и в эмоциональном плане, видят в нем позитивные моменты и уточняют его неоднозначную роль в жизни. Одновременно для них характерны сниженные показатели по фактору 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности», что говорит о конкретности и определенности эмоционального отношения к явлениям деструкции. Согласно высокой выраженности фактора 2 мы обозначили данную группу как «Позитивно переживающие собственную деструктивность».

3-я группа ($n = 9$), в отличие от 2-й, включает респондентов, которые амбивалентно переживают собственную деструктивность (фактор 4). Они отмечают много противоречивых, одновременно и положительных, и отрицательных эмоций в связи с деструкцией, но при этом собственные проявления деструктивности рассматривают как обыденные и незначимые события жизни. Многие описываемые этими респондентами ситуации связаны с разрушением материальных объектов, которое позволяет отреагировать негативные эмоции и испытать положительные. Эта группа описана нами как «Амбивалентно переживающие собственную деструктивность».

И, наконец, самая многочисленная 4-я группа ($n = 16$) объединяет «Негативно оценивающих собственную деструктивность» респондентов (фактор 6), склонных к когнитивным интерпретациям ситуаций разрушения (фактор 5). Поскольку эта группа включает наибольшее количество участников, можно сделать вывод, что боль-

шинство респондентов переживают собственную деструктивность в однозначно негативном и отрицательном ключе. При этом выраженность фактора 5 у данной группы говорит о связи осознания различных характеристик деструктивной ситуации с негативной интерпретацией своего поведения.

Завершая анализ результатов кластеризации выборки, стоит отметить, что такое распределение респондентов по группам может объясняться социальной желательностью их ответов на вопросы интервью, которая обуславливает демонстрацию однозначно негативного отношения к феномену деструктивности. Вместе с тем мы предполагаем, что частота встречаемости отрицательной оценки может быть связана со склонностью большинства участников выборки к рационализации собственных деструктивных проявлений, а также со значимой ролью ценностно-смысловой сферы личности в переживании деструктивности — преобладанием гуманистических мотивов и ценностей у респондентов.

Связь особенностей переживания личностью собственной деструктивности с устойчивыми характеристиками личности

Одной из задач исследования являлось соотнесение результатов анализа полуструктурированного интервью с данными опроса с использованием психодиагностических методик. В связи с этим был выполнен сравнительный анализ показателей тестовых шкал в 4-х дифференцированных группах респондентов с помощью критерия Краскала-Уоллиса. Значимые различия ($p \leq 0,05$) были обнаружены только по шкале опросника ISTA «деструктивная агрессия» (рис. 4).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты, двойственно интерпретирующие и амбивалентно переживающие собственную деструктивность, характеризуются более высоким уровнем деструктивной агрессии ($M = 60,25 \pm 5,67$ и $M = 55 \pm 7,16$ соответственно) по сравнению с теми, кто переживает деструктивность однозначно положительно ($M = 45,8 \pm 2,9$) или оценивает ее однозначно отрицательно ($M = 47,3 \pm 6,9$). Выявленные различия могут объясняться большей выраженностью эмоциональных компонентов переживания в группах 1 и 3: разнообразному, насыщенному и противоречивому эмоциональному наполнению переживаний может соответствовать более высокий уровень агрессии, в то время как рациональное осмысление собственных деструктивных проявлений может снижать ее уровень.

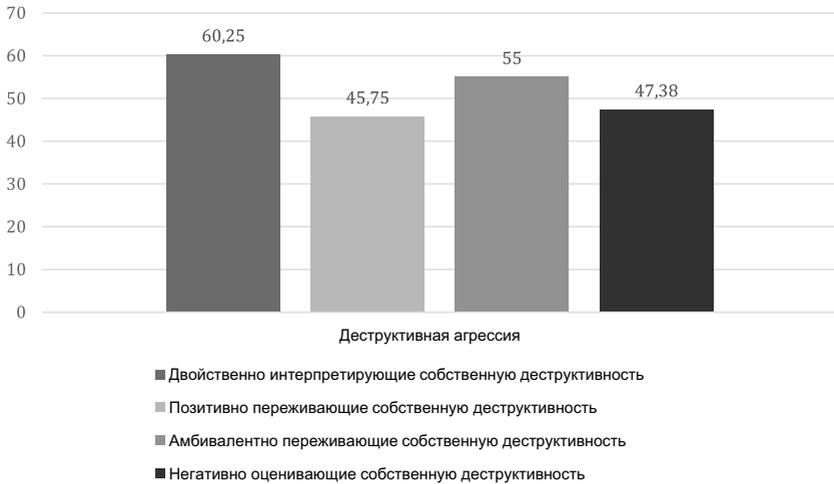

Рис. 4. Различия по шкале «деструктивная агрессия» в 4-х группах респондентов, дифференцированных в зависимости от типа переживания собственной деструктивности

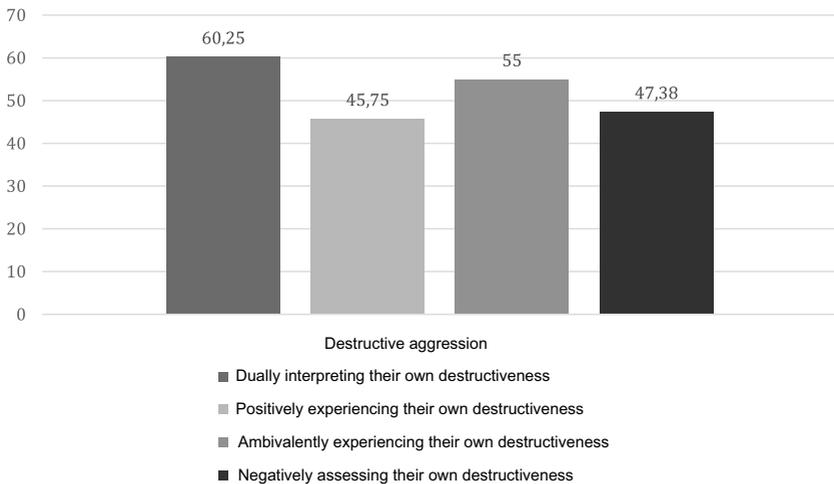

Fig. 4. Differences on the scale of “destructive aggression” in 4 groups of respondents, differentiated depending on the type of experience of their own destructiveness

Для дальнейшей проверки гипотезы о наличии связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с элементами структуры личности были проведены корреляционный и регрессионный анализы.

Обнаружено, что данные, полученные с помощью методик «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) и «Многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла» (16PF) согласуются с результатами полуструктурированного интервью: корреляционный анализ по методу Спирмена подтвердил наличие достоверно значимых связей ($p \leq 0,05$) показателей нескольких шкал методик со значениями выявленных в ходе анализа интервью факторов. Так, например, была выявлена положительная связь позитивного переживания собственной деструктивности (фактор 2) с чувствительностью личности по опроснику 16PF ($r = 0,47$; $p = 0,009$). Также была обнаружена положительная связь эмоционального переживания собственной деструктивности (фактор 1) с показателями таких шкал методики ISTA, как «деструктивное внешнее Я-отграничение» ($r = 0,62$; $p = 0$) и «деструктивность личности (как суммарный показатель)» ($r = 0,47$; $p = 0,009$).

На этом основании была построена регрессионная модель ($r^2 = 0,624$ при $p \leq 0,05$), в которой в качестве зависимой переменной выступил параметр «Деструктивность личности», измеренный с помощью методики ISTA, а в качестве независимых — шкалы опросника 16PF и компоненты (факторы) переживания личностью собственной деструктивности по результатам интервью (табл. 4).

Результаты регрессионного анализа подтвердили, что 62,4% дисперсии переменной «Деструктивность личности» обусловлены влиянием предикторов. Выявлено, что переменными, вносящими вклад в личностный показатель деструктивности, выступают «Эмоциональное переживание деструктивности» ($\beta = 0,543$, $p = 0,001$), «Эмоциональная стабильность» ($\beta = -0,354$, $p = 0,013$), «Чувствительность» ($\beta = -0,44$, $p = 0,004$), «Нонконформизм» ($\beta = 0,28$, $p = 0,035$). Иными словами, высокая степень выраженности деструктивности обусловлена низким уровнем эмоциональной стабильности и чувствительности, а также выраженным нонконформизмом и склонностью к интенсивному эмоциональному переживанию собственной деструктивности.

Полученные данные согласуются с результатами исследования К.В. Злоказова и В.П. Прядеина (Злоказов, Прядеин, 2014). Среди основных составляющих деструктивности как комплексного свойства личности авторы рассматривали в том числе астенические индиви-

дуально-типологические особенности, которым соответствуют эмоциональная нестабильность и яркая выраженность эмоциональных компонентов переживания, а также преобладание асоциальных мотивов в ценностно-смысловой сфере личности, с которыми связаны низкая чувствительность и чрезмерно выраженный нонконформизм.

Таблица 4

Регрессионная модель переменной «Деструктивность личности»
 (результаты линейного регрессионного анализа с пошаговым включением)

Модель	Нестандарт. коэффициенты регрессии		Стандарт. коэффициент регрессии	t-критерий	Уровень статистической значимости (p)
	B	стандарт. ошибка	β		
Константа	415,209	35,485		11,701	0,000
Эмоциональное переживание деструктивности	26,192	6,831	0,543**	3,834	0,001
Эмоциональная стабильность	-8,336	3,126	-0,354*	-2,666	0,013
Чувствительность	-11,741	3,725	-0,437**	-3,152	0,004
Нонконформизм	5,458	2,451	0,283*	2,227	0,035

Примечание: * — отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,05$;
 ** — отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,01$.

Table 4

Regression model of the variable "Personality destructiveness"
 (results of stepwise linear regression analysis)

Model	Unstandardized coefficients of regression		Standardized coefficient of regression	t	p-value
	B	Std. Error	β		
Constant	415.209	35.485		11.701	0.000
Emotional experience of destructiveness	26.192	6.831	0.543**	3.834	0.001
Emotional stability	-8.336	3.126	-0.354*	-2.666	0.013
Sensitivity	-11.741	3.725	-0.437**	-3.152	0.004
Nonconformism	5.458	2.451	0.283*	2.227	0.035

Note: * — results with significance level $p \leq 0.05$; ** — results with significance level $p \leq 0.01$

Необходимо отметить, что оценочные (мысли) и смысловые (отношение) компоненты переживания личности не вошли в регрессионную модель. Данный факт может говорить о существенных различиях при оценке феноменологии переживаний собственной деструктивности человеком и деструктивности как личностной черты. В первом случае речь идет о внутренних процессах и опыте, который сам человек определяет для себя как деструкцию. Во втором — о закрепившихся поведенческих паттернах, типично проявляющихся в различных жизненных ситуациях.

Выводы

В ходе исследования были получены следующие значимые результаты:

1) Феноменологическое описание особенностей переживания личностью собственной деструктивности позволило изучить специфику понимания и осмысления этого феномена, дифференцировать типичные ситуации проявления деструктивности в зависимости от ее направленности на себя, на другого человека или на материальные объекты, а также выявить значимые компоненты переживания подобных жизненных ситуаций: преобладающие мысли, эмоции и чувства, действия, личностный смысл, приписываемый собственной деструктивности.

2) Была обнаружена связь степени выраженности деструктивности как свойства личности с низким уровнем эмоциональной стабильности и чувствительности, а также с выраженным нонконформизмом и склонностью к интенсивному эмоциональному переживанию собственной деструктивности.

Эмпирические результаты исследования согласуются с его теоретическими предпосылками и являются доказательством неоднозначности и многовекторности феномена деструктивности, связанного не только с отрицательными, но с положительными и конструктивными смыслами и значениями, а также с позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении научных представлений о феномене деструктивности, его смысловом наполнении в жизненном контексте и переживаниях личности. Кроме того, данная работа является попыткой обнаружить пути пересечения методологических принципов психоанализа и академической психологии на примере изучения деструктивности.

Данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, их связи с положительными и конструктивными смыслами и значениями, позитивными изменениями в жизни, а также с устойчивыми свойствами личности, могут представлять практическую ценность для психологического консультирования и психотерапии. Концепция деструктивности личности может быть использована для описания и интерпретации широкого круга психологических явлений, составляющих актуальные запросы клиентов в консультативной и психотерапевтической практике.

Существенными ограничениями исследования являются малочисленность выборки и ее однообразие по ряду социально-демографических характеристик, например, по гендерной принадлежности и уровню образования. Также серьезным ограничением использованных методов является исключение из рассмотрения поведенческих паттернов непосредственного проявления деструктивности, доступных наблюдению только в экспериментальном исследовании.

Перспективы дальнейшего изучения феномена деструктивности могут заключаться в расширении выборки респондентов и повышении ее репрезентативности, использовании дополнительных диагностических методик и статистических методов для решения новых эмпирических задач, а также в экспериментальном исследовании деструктивности в связи с параметрами устойчивости и изменчивости личности с опорой на методологию процессуального подхода.

Литература

Аммон Г. Динамическая психиатрия в ракурсах времени. К столетию со дня рождения. М.: ИД «Городец», 2019.

Васильюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000.

Дьяков С.И. Семантическая репрезентация деструктивного опыта в системе психической самоорганизации личности // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 123–137.

Злоказов К.В. Деструктивное социальное поведение: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017.

Злоказов К.В., Прядеин В.П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование: монография. Сургут: СурГПУ, 2014.

Ипатов А.В., Шишигина Т.Р. Аутодеструктивное поведение подростков в контексте отклоняющегося развития личности // *Акмеология*. 2018. № 4 (68). С. 25–30.

Костромина С.Н. Методология исследований личности: структурный подход vs динамический // *Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография* / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. С. 17–54.

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Мироненко И.А. Структура проблемного поля современной психологии личности // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39, № 1. С. 26–35.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.

Лысак И.В. Философский анализ деструктивной деятельности человека. Саратов: Вузовское образование, 2014.

Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2017.

Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.

Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // *Московский психотерапевтический журнал*. 2009. № 2. С. 27–51.

Фахрутдинова Л.Р. Категория переживания в психологии состояний человека. Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Казань, 2018.

Филатова А.Ф. Особенности переживания личностью собственной деструктивности: выпускная квалификационная работа (дисс. магистра психологии). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Полное собрание сочинений: в 26 т. Т. 13, 14: Статьи по метапсихологии. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2020.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017.

Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.

Шпильрейн С.Н. Деструкция как причина становления. Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: сб. статей / Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. Ростов-н/Д: МиниТайп, 2020.

Anton, H. (2020). Experiencing and being in borderline situations are the same — A philosophical meditation about Karl Jaspers' proposition: Based on a lecture on June 20, 2019 at the Rheinfelden Psychotherapy Day "Psychotherapy and Limits". *Swiss Archives of Neurology, Psychiatry and Psychotherapy*, 171 (2). <https://doi.org/10.4414/sanp.2020.03092>

Bohleber, W. (2018). Collective phantasms, destructiveness, and terrorism. In: *Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insights on Terror and Terrorism* (pp. 111–130). <https://doi.org/10.4324/9780429484704>

Boyes, M.E., Wilmot, A., Hasking, P.A. (2020). Nonsuicidal Self-Injury-Related Differences in the Experience of Negative and Positive Emotion. *Suicide & life-threatening behavior*, 50 (2), 437–448. <https://doi.org/10.1111/sltb.12599>

Coleman, S.E., Dunlop, B.J., Hartley, S., Taylor, P.J. (2022). The relationship between rumination and NSSI: A systematic review and meta-analysis. *The British journal of clinical psychology*, 61 (2), 405–443. <https://doi.org/10.1111/bjc.12350>

Furnham, A., Cheng, H. (2019). The change and stability of NEO scores over six-years: A British study and a short review. *Personality and Individual Differences*, 144, 105–110. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.038>

Greenberger, D.B., Allen, V.L. (1980). Destruction and complexity: An application of aesthetic theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 6 (3), 479–483. <https://doi.org/10.1177/014616728063025>

Kapsambelis, V. (2018). Disorganization and destructiveness. *Revue Francaise de Psychosomatique*, 54 (2), 95–112. <https://doi.org/10.3917/rfps.054.0095>

Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J., Andreou, C. (2019). Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors. *Journal of personality disorders*, 33 (2), 249–261. https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Recarte, A. (2020). Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing. *Studies in Gender and Sexuality*, 21 (3), 231–237. <https://doi.org/10.1080/15240657.2020.1798190>

Rosenthal, R.J. (2018). Raskolnikov's transgression and the confusion between destructiveness and creativity. In book: *Do I Dare Disturb the Universe? A Memorial to W.R. Bion* (pp. 199–235). <https://doi.org/10.4324/9780429473852-13>

Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., Husain, N., Pontin, E.E., Cawley, R., Taylor, P.J. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clinical psychology review*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2019). A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and Individual Difference*, 144, 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.013>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2020). New Directions in the Conceptualization and Assessment of Personality — A Dynamic Systems Approach. *European Journal of Personality*, 34 (6), 988–998. <https://doi.org/10.1002/per.2233>

Strus, W., Ciecuch, J. (2017). Towards a Synthesis of Personality, Temperament, Motivation, Emotion and Mental Health Models within the Circumplex of Personality Meta Traits. *Journal of Research in Personality*, 66, 70–95. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.12.002>

Taylor, P.J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., Dickson, J.M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury. *Journal of affective disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>

Tsirigotis, K. (2018). Women, Femininity, Indirect and Direct Self-Destructiveness. A Review. *Psychiatric quarterly*, 89 (2), 427–437. <https://doi.org/10.1007/s11126-017-9545-4>

References

Ammon, G. (2019). Dynamic psychiatry in the perspective of time. To the centenary of the birth. Moscow: PH “Gorodets”. (In Russ.).

Anton, H. (2020). Experiencing and being in borderline situations are the same. A philosophical meditation about Karl Jaspers’ proposition: Based on a lecture on June 20, 2019 at the Rheinfelden Psychotherapy Day “Psychotherapy and Limits”. *Swiss Archives of Neurology, Psychiatry and Psychotherapy*, 171 (2). <https://doi.org/10.4414/sanp.2020.03092>

Bohleber, W. (2018). Collective phantasms, destructiveness, and terrorism. In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insights on Terror and Terrorism (pp. 111–130). <https://doi.org/10.4324/9780429484704>

Boyes, M.E., Wilmot, A., Hasking, P.A. (2020). Nonsuicidal Self-Injury-Related Differences in the Experience of Negative and Positive Emotion. *Suicide & life-threatening behavior*, 50 (2), 437–448. <https://doi.org/10.1111/sltb.12599>

Coleman, S.E., Dunlop, B.J., Hartley, S., Taylor, P.J. (2022). The relationship between rumination and NSSI: A systematic review and meta-analysis. *The British journal of clinical psychology*, 61 (2), 405–443. <https://doi.org/10.1111/bjc.12350>

Dyakov, S.I. (2019). Semantic representation of destructive experience in the system of mental self-organization of personality. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya (Clinical and Special Psychology)*, 8 (4), 123–137. (In Russ.).

Fakhrutdinova, L.R. (2018). Category of experience in the psychology of human states. Psychology of human states: actual theoretical and applied problems. Kazan'. (In Russ.).

Filatova A.F. (2022). Osobennosti perezhivaniya lichnost'yu sobstvennoi destruktivnosti: diss. magistra psikhologii. (Features of the personality’s experience of its own destructiveness). Masters Dissertation (Psychology). St. Petersburg. (in Russ.).

Freud, S. (2020). Beyond the Pleasure Principle. Complete works in 26 volumes. Vol. 13, 14: Metapsychology Articles (pp. 193–255). St. Petersburg: Publishing House of East European Institute of Psychoanalysis. (In Russ.).

Fromm, E. (2017). The anatomy of human destructiveness. Moscow: AST. (in Russ.).

Furnham, A., Cheng, H. (2019). The change and stability of NEO scores over six-years: A British study and a short review. *Personality and Individual Differences*, 144, 105–110. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.038>

Greenberger, D.B., Allen, V.L. (1980). Destruction and complexity: An application of aesthetic theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 6 (3), 479–483. <https://doi.org/10.1177/014616728063025>

Ipatov, A.V., Shishigina, T.R. (2018). Self-destructive behavior of adolescents in the context of deviant personality development. *Akmeologiya (Acmeology)*, 4 (68), 25–30. (In Russ.)

Kapsambelis, V. (2018). Disorganization and destructiveness. *Revue Francaise de Psychosomatique*, 54 (2), 95–112. <https://doi.org/10.3917/rfps.054.0095>

Khoroshilov, D.A., Mel'nikova, O.T. (2020). Methodological issues of qualitative research in psychology. Moscow: Akropol'. (In Russ.)

Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J., Andreou, C. (2019). Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors. *Journal of personality disorders*, 33 (2), 249–261. https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Kostromina, S.N. (2019). Personality Research Methodology: Structural Approach vs. Dynamic. In: N.V. Grishina (Eds.), *Psychology of personality. Staying in Change: A Collective Monograph* (pp. 17–54). St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. (In Russ.)

Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Mironenko, I.A. (2018). A problematic field structure of contemporary psychology of personality. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 39 (1), 26–35. <https://doi.org/10.7868/S0205959218010038> (In Russ.)

Leont'ev, D.A. (2007). *Psychology of Meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality*. 3rd ed. add. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Lysak, I.V. (2014). *Philosophical analysis of destructive human activity*. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie. (In Russ.)

Pol'skaya, N.A. (2017). *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razvitii: diss. ... dokt. psikhol. nauk. (Phenomenology and functions of self-injurious behavior in normative and impaired mental development)*. Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.)

Recarte, A. (2020). Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing. *Studies in Gender and Sexuality*, 21 (3), 231–237. <https://doi.org/10.1080/15240657.2020.1798190>

Rosenberg, B. (2018). *Masochism of death and masochism of life*. M.: Cogito-Centre. (In Russ.)

Rosenthal, R.J. (2018). Raskolnikov's transgression and the confusion between destructiveness and creativity. In book: *Do I Dare Disturb the Universe? A Memorial to W.R. Bion* (pp. 199–235). <https://doi.org/10.4324/9780429473852-13>

Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., Husain, N., Pontin, E.E., Cawley, R., Taylor, P.J. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clinical psychology review*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2019). A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and Individual Differences*, 144, 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.013>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2020). New Directions in the Conceptualization and Assessment of Personality — A Dynamic Systems Approach. *European Journal of Personality*, 34 (6), 988–998. <https://doi.org/10.1002/per.2233>

Spielrein, S.N. (2020). Destruction as the Cause of Coming Into Being. In F.R. Filatov (Eds.), *Sabina Spielrein: Above time and fate: Collection of articles*, (pp. 5–30). Rostov-on-Don: Mini Type. (In Russ.).

Strus, W., Ciecuch, J. (2017). Towards a Synthesis of Personality, Temperament, Motivation, Emotion and Mental Health Models within the Circumplex of Personality Meta Traits. *Journal of Research in Personalit*, 66, 70–95. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.12.002>

Taylor, P.J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., Dickson, J.M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury. *Journal of affective disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>

Tsirigotis, K. (2018). Women, Femininity, Indirect and Direct Self-Destructiveness. A Review. *Psychiatric quarterly*, 89 (2), 427–437. <https://doi.org/10.1007/s11126-017-9545-4>

Ulanovskiy, A.M. (2009). Phenomenology in psychology and psychotherapy: clarification of indistinct experiences. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal (Moscow Psychotherapeutic Journal)*, 2, 27–51. (In Russ.).

Vasilyuk, F.E. (1984). *The Psychology of Experiencing. An analysis of resolution of life's critical situations*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).

Vekker, L.M. (2000). *Psyche and reality: On the way to a unified theory of mental processes*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).

Zlokazov, K.V. (2017). *Destructive social behavior: a monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.).

Zlokazov, K.V., Pryadein, V.P. (2014). *Destructiveness of personality: socio-psychological research: a monograph*. Surgut: Surgut Pedagogical University. (In Russ.).

Статья получена: 29.04.2022;

принята: 20.06.2022;

отредактирована: 20.09.2022.

Received: 29.04.2022;

accepted: 20.06.2022;

revised: 20.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костромина Светлана Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

Филатова Анастасия Филипповна — аспирантка факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

ABOUT AUTHORS

Svetlana N. Kostromina — Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

Anastasya F. Filatova — Postgraduate student, the Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

УДК 159.9.075, 159.922.8
doi: 10.11621/vsp.2022.04.02

Научная статья

ПОРТРЕТ: ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ И ИСКУССТВО ПЕРЕДАЧИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СУТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ

Н.Г. Артемцева*¹, И.И. Ильясов², Н.Л. Нагибина³

¹ Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия
artemcevang@ipran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9212-0234>

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ilyasov-i@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-4822>

³ Научно-исследовательский центр психологии и развития человека «Новые технологии», Москва, Россия
centerhd.nagibina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7674-3474>

* Автор, ответственный за переписку: artemcevang@ipran.ru

Актуальность. В статье представлено обзорно-аналитическое исследование проблемы восприятия лица человека обычными людьми и известными художниками. Актуальность исследования продиктована попытками решить проблему связи воспринимающего и воспринимаемого субъектов процесса познания. Предметом исследования стали как стратегии восприятия воспринимающего, так и характеристики воспринимаемого человека по его портрету, его мировоззренческая установка.

Цель. Обзор и анализ исследований, посвященных изучению стратегий восприятия портрета и передачи мировоззренческих характеристик известными художниками-портретистами.

Метод. Обзорно-аналитическое изучение научной литературы в области восприятия человека человеком, а также анализ результатов авторских исследований с использованием методов субъективной семантики — контент-анализа и субъективного шкалирования.

Результаты. В первой части статьи описаны результаты экспериментов по восприятию изображения лица человека, проводимые в рамках искусствоведения, биологии, технических наук, педагогики, различных психологических школ, а также авторским коллективом в течение последних 25 лет. Во второй части статьи предложен теоретический анализ творческого опыта

известных художников в создании портрета человека. Особенный акцент сделан на передаче мировоззрения и личности человека в создании портрета.

Выводы. В заключении статьи обозначены новые проблемы и направления психологических исследований восприятия мировоззренческой сути человека по его лицу.

Ключевые слова: портрет, восприятие лица человека, мировоззрение, выражение эмоций.

Информация о финансировании. Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2022-0007.

Для цитирования: Артемцева Н.Г., Ильясов И.И., Нагибина Н.Л. Портрет: Восприятие человека человеком и искусство передачи мировоззренческой сути художественными средствами // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 39–59. doi: 10.11621/vsp.2022.04.02

doi: 10.11621/vsp.2022.04.02

Scientific Article

PORTRAIT: THE PERCEPTION OF A PERSON BY A PERSON AND THE ART OF TRANSMITTING THE IDEOLOGICAL ESSENCE BY ARTISTIC MEANS

Nataliya G. Artyomsteva^{*1}, Ilya I. Ilyasov², Nataliya L. Nagibina³

¹ Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
artemcevang@ipran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9212-0234>

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ilyasov-i@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-4822>

³ Scientific Research Center of Psychology and Human Development «New Technologies», Moscow, Russia
centerhd.nagibina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7674-3474>

* Corresponding author: artemcevang@ipran.ru

Background. The article presents an overview and analytical study of the problem of perception of a person's face by ordinary people and famous artists. The relevance of the research is dictated by attempts to solve the problem of the connection between the perceiver and the perceived subjects of the cognition process. The subject of the study was both the perception strategies of the perceiver, and the characteristics of the perceived person according to his portrait, his worldview.

Objective. Review and analysis of studies devoted to the study of portrait perception strategies and the transmission of ideological characteristics by famous portrait artists.

Methods. Review and analytical study of scientific literature in the field of human perception by man, as well as analysis of the results of author's research using methods of subjective semantics — content analysis and subjective scaling.

Results. The first part of the article presents the results of experiments on the perception of the image of a person's face and its part, conducted within the framework of art studies, biology, technical sciences, pedagogy, various psychological schools, as well as by the author's team over the past 25 years. The second part of the article offers a theoretical analysis of the creative experience of famous artists in creating a portrait of a person. Special emphasis is placed on the transfer of a person's worldview and personality in creating a portrait.

Conclusion. In conclusion, the article identifies new problems and directions of psychological research on the problem of perception of the ideological essence of a person by his face.

Keywords: portrait, perception of a person's face, worldview, expression of emotions.

Funding. The study was carried out within the framework of the State Assignment, project № 0138-2022-0007 of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Artyomsteva, N.G., Ilyasov, I.I., Nagibina, N.L. (2022). Portrait: the Perception of a Person by a Person and the Art of Transmitting the Ideological Essence by Artistic Means. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 39–59. doi: 10.11621/vsp.2022.04.02

Введение

Проблема адекватности передачи информации о личности человека, его состоянии и мировоззрении с помощью художественного портрета или фотопортрета имеет междисциплинарный характер и решается методами разных наук, фокусируя внимание на том или ином предмете исследования.

Лицо человека — наиболее точная проекция его мировоззрения и мировосприятия. Владение сложнейшей проективной техникой — чтение мыслей, чувств человека, понимание сути его характера и личности на основе выражения его лица — мечта многих психологов, педагогов, деятелей искусства. «За этой сменой отдельных моментов внешней жизни существ и предметов, за их меняющимися, недолговечными аспектами можно попытаться найти истинный, самый существенный характер, дающий основание для менее эфемерной

трактовки действительности», — писал в 1908 г. в «Заметках живописца» Анри Матисс (Матисс, 1909, с. 8).

Проблема диагностики мировоззренческой установки — одна из самых актуальных и значимых. Однако решение ее постоянно прерывается в связи с идеологическими установками общества. Пластические, выразительные аспекты поведения человека остаются малоисследованными в психологии. Обращение к изучению выразительных нюансов поведения человека приводят к использованию импровизационных практик и методов исследований, в которых особое внимание уделяется моменту рождения выразительного движения (Айламазьян, 2021). Поиск объективных показателей мировоззренческой установки в выразительных движениях лица человека осложняется многомерностью связей элементов и их свойств в целостной системе «Я — Тело — Душа — Мир». Вся гамма мыслей и чувств проявлена в каждом конкретном элементе лицевой мускулатуры, наполненности системы желез внешней и внутренней секреции, кровоснабжении и др. Чем глубже и шире масштаб личности и богаче палитра содержательной стороны переживаний, тем разнообразнее их отражение на лице.

Цель настоящей статьи — представить обзор и анализ исследований, посвященных изучению стратегий восприятия портрета и передачи мировоззренческих характеристик известными художниками-портретистами.

Обзор и анализ исследований по восприятию изображения лица человека

Восприятие человека человеком — это многогранный процесс. Каждый исследователь изучает его в какой-либо одной плоскости, приоткрывая его отдельные проекции. Однако большинство теоретико-экспериментальных исследований восприятия психологических характеристик человека по его лицу в рамках одной дисциплины оставляют открытыми вопросы, ответы на которые возможно получить в рамках другой.

В искусствоведении и культурологии целью исследования при восприятии портрета выступают: эволюция идеала человека в трех его составляющих: «модель — зритель — портретист» (Юрьева, 1989; Вдовин, 2004), взаимоотношения художника и модели, роль художника в создании образа, и роль самой модели в его создании, стиль жизни и особенности мироощущения творческого человека посредством анализа портретных образов (Матюнина, 2004), специ-

фика представления в портрете облика человека и проявлений им различных эмоций (Артемова, 2007), механизмы межличностной коммуникации в восприятии портрета, типы художественного видения портретного образа (стереотипа) как знакового признака эпохи (Алферова, 2007), типичные приемы портретной характеристики, позволяющие приблизиться к интерпретации образа в творчестве художников конкретной эпохи и стиля (Абрамкин, 2018).

В биологии целью исследования выступают методические приемы изучения живописных портретов для антропологических работ популяционного характера (Локк, 2011). В медицине и криминалистике предметом исследования при восприятии портрета выступают создание и внедрение в практику методики использования одно- и двухкамерных теле-, видеокомпьютерных комплексов для идентификации человека по черепу и фотопортретам, создание специального программного обеспечения для их воплощения (Марченко, 1999). В педагогике предметом исследования выступают процесс обучения студентов художественных училищ и вузов искусству портрета как самостоятельной учебной задачи, имеющей специфику, методы, приемы и средства ее разрешения (Чалый, 2007), «разработка методической системы, включающей теоретическое и методическое обоснование эффективного формирования художественного образа на занятиях живописью портрета у студентов художественно-графических факультетов на основе обобщенного использования достижений психолого-педагогической науки» (Эзиева, 2014, с. 7). В философии предметом исследования при создании и восприятии портрета выступают характер взаимоотношений и взаимовлияний между картиной мира и художественным творчеством, способы репрезентации картины мира в различных аспектах на основе семиотического анализа портретного искусства (Стукалова, 2008), специфика художественно-образного самопознания личности и автопортрет в изобразительном искусстве как форма художественного самопознания (Крузе, 2004). В технических науках целью исследований выступают развитие методического, алгоритмического и программного обеспечения систем автоматизированной идентификации человека по изображению лица, разработка методов распознавания и построение информационно-поисковых систем специального применения (ИПС СП), обеспечивающих автоматическую идентификацию личности человека в реальном масштабе времени по изображению его лица (Долгов, 2003; Палий, 2006).

Большая роль отводится семиотике как науке о знаковых системах. Так, в диссертации П.В. Невской исследована роль константных и переменных характеристик портрета в условиях перекодировки с вербального в невербальное и наоборот, а также перевода художественного образа, опредмеченного средствами моноискусства, в синтетический художественный образ (Невская, 2013). В рамках ее диссертационного исследования предпринимается попытка классификации портретной живописи в связи с доминированием той или иной психической функции.

Изучаются особенности изображения и восприятия конкретных представителей социальных и культурных групп: портрет литератора как отдельное художественное явление, его сущность, система идей и представлений, которая связана с именем поэта или писателя (Казакова, 2011), специфика выбора тех или иных художественных средств при трактовке образа ребенка в рамках определенной типологии (выявление общих принципов и различий в зависимости от национальной художественной традиции) (Черняк, 2013).

Психологическая наука и практика всегда проявляла большой интерес к восприятию человека человеком, в том числе по его портрету (Brunswick, Reiter, 1937; Plutchik, 1961; Якобсон, 1956 и др.). Многогранное исследование восприятия человека человеком представлено в монографии А.А. Бодалева (2015). Подчеркивая системный характер в восприятии человеком себя и мира, ученый особенно детально останавливается на типологических характеристиках стратегий восприятия портрета. Он делит ответы испытуемых, которым предлагалось описать предъявляемые портреты, на четыре типа. «Одни из них имели четко определенное содержание и применялись для того, чтобы обозначить вид, величину, цвет, положение, форму того или иного компонента во внешнем облике. “Худощавое телосложение”, “круглое лицо”, “черные волосы” и т. п. — примеры этой группы обозначений видимого в облике другого человека содержания. Для второй группы суждений характерно использование испытуемыми штампов обыденного сознания или представлений, почерпнутых из литературы, живописи и т. п. В эту группу включаются нами также суждения, содержание которых фактически свидетельствует о том, что некоторые испытуемые проводят связь между анатомическими особенностями физического облика и особенностями психическими (умный лоб, волевой подбородок, чувственные губы и проч.). К этой группе относятся и суждения, в которых психологически истолковывается оформление внешности. Третью группу обозначений

видимого в другом человеке составляют суждения, посредством которых испытуемые психологически истолковывают выразительное поведение — “угрюмое лицо”, “печальные глаза”, “виноватая походка” и прочее... Наконец, содержание четвертой группы суждений об облике составляет эстетическая оценка испытуемым того или иного компонента или всей внешности в целом» (Бодалев, 2015, с. 137–139).

А.А. Бодалев отмечает, что работа художника-портретиста предъявляет особые требования к нему как эксперту-психологу. «Характерные для всякого подлинного художника целостность восприятия объекта изображения, точность оценок его положения в пространстве, пропорций, тонкость различения светлотных отношений достигают наибольшей степени развития у мастеров-портретистов. Кроме того, у них, опять же под влиянием специфики их деятельности, формируется профессиональная установка на фиксирование во внешнем облике и выразительном поведении воспринимаемого человека особенностей и признаков, в которых обнаруживается психологическое своеобразие личности. Ее неоднократно отмечали как сами художники, так и ученые, специально изучавшие психологию изобразительной деятельности» (Бодалев, 2015, с. 206–207).

И.Н. Белкина в диссертации «Особенности социальной перцепции портретной живописи различными социальными группами (на материале художественных классических портретов XIX века)» выделяет типы социальной перцепции портретной живописи: «объективно-нормативный», «художественно-описательный», «субъективно-абстрактный». Методы субъективной семантики позволили автору описать факторную структуру восприятия портретной живописи, которая включает в себя три фактора: «эмоции», «личность», «познание» (Белкина, 2004).

В рамках системного и когнитивно-коммуникативного подходов, реализуемых в лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии Института психологии РАН (Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития, 2017) было изучено восприятие психологического содержания личности человека по его лицу. В наших исследованиях (Артемова, 2003; Артемова, Ильясов, 2009; Артемова, Нагибина, 2009) был получен фактологический материал, который определил некие реперные точки целостного восприятия психологических характеристик человека по его лицу. Мы полагаем, что выделенные нами факторы («отношение к себе и к другим», «экстраверсия — интроверсия» и «интеллектуальные качества») посто-

янно присутствуют в человеке, являясь тем общим, что свойственно каждому человеку априори. Другими словами, человек вступает в ситуацию межличностного взаимодействия уже имея базовые установки на восприятие другого человека. Результаты исследований показывают, что рациональность и иррациональность оценивается адекватно, однако существуют когнитивно-сложные и когнитивно-простые лица для диагностики психотипа по изображению лица человека: наиболее сложны типы с равносильной рациональной и иррациональной функциями.

Особое место в разработке проблемы восприятия внешнего облика человека занимают исследования В.А. Лабунской и коллег (Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры, 2020–2021), посвященные восприятию различных характеристик человека по его внешнему облику и активно развивающие учение А.А. Бодалева. Внешность не только отражает главные характеристики человека, которые учитываются в общении с ним (пол, возраст, социальный статус, личностные черты и пр.), но и является средством выражения внутреннего мира личности и ее самопредъявления в процессе общения с другими людьми.

Предметом некоторых исследований (Стародынова, 2000) было восприятие портретной живописи как средства формирования мировоззренческих представлений о человеке. На самом деле результатом множественных отчетов о воспринимаемых мировоззренческих характеристиках по внешности, отраженной на художественном портрете, является не что иное, как представление, образ, включающий в себя предметное содержание и эмоциональную окраску, как промежуточное звено между чувственным познанием и логическим, или абстрактным мышлением. Представление в этом случае является необходимым элементом сознания, связывает значение и смысл понятий с образом и одновременно дает возможность сознанию свободно оперировать чувственными образами предметов.

В результате ряда исследований последних лет (Ильясов, Нагибина, 2017; 2018; Ильясов, Нагибина, Намазбаева, 2020; Нагибина, 2014; Нагибина, Артемцева, 2020; Нагибина, 2021; Нагибина, Машьянов, 2021) определено, что многовариативность психологических смыслов мировоззренческого толка таких элементов внешней экспрессии, как взгляд, глаза, выражение лица, поза, жест, улыбка, создает сложность восприятия. Каждый из таких элементов может быть индикатором определенных качеств личности, соответствующих эмоциональных состояний человека, его принадлежности к определенному полу и со-

циальной среде, и его мировоззренческой позиции Теоретический анализ исследований этой проблематики позволяет рассматривать художественное восприятие как процесс взаимодействия двух творческих сознаний: автора и зрителя. Особая роль отводится именно влиянию личности художника. Так, например, было показано, что художники с высокой степенью творческого воображения склонны погружаться в свои собственные эмоции. Им свойственен высокий уровень невербальной креативности и комбинированные типы мышления (Dikiy et al., 2018). В такой ситуации воспринимаемое изображение в первую очередь является произведением искусства, результатом замысла автора, когда художник передает свое видение, свое отношение к изображаемому человеку, и поэтому интерпретация личностных характеристик воспринимаемого может не соответствовать действительным чертам характера лица, которое изображено на художественном портрете.

Обработка воспринимаемой информации о человеке по его портрету — это сложная творческая задача. Формально-динамический аспект двигательных актов в связи с уровнем решения задачи (осознаваемым или неосознаваемым) был хорошо изучен А.Н. Бернштейном и его учениками. Содержательный аспект выражения лица человека в мировоззренческом контексте субъект-объектцентрированности изучается в рамках психосоциологии — системной концепции, развиваемой Н.Л. Нагибиной, ее соратниками и учениками. В исследованиях, посвященных диагностике типа человека по фотопортрету, были найдены детекторы объектцентрированной и субъектцентрированной неосознаваемой мировоззренческой установки человека на фотопортрете. Были выделены такие стратегии дифференциации людей на субъектцентрированных и объектцентрированных при восприятии фотопортретов известных представителей культуры, как: оценка экстравертированности — интровертированности; оценка расслабленности — напряженности; оценка собственных ощущений; оценка привлекательности; оценка защиты от внешнего мира; оценка объективных характеристик; оценка контролируемости эмоций; оценка дружелюбности, общительности. Показано, что объектцентрированные воспринимаются как экстраверты, расслабленные, более интересующиеся наблюдателем, привлекательные, улыбчивые к миру, с маленьким носом и расфокусированным взглядом, веселые, открытые, свободные, не контролирующие эмоции, открытые, дружелюбные, свободные в самовыражении; субъектцентрированные воспринимаются как интроверты, напряженные, не интересующиеся

наблюдателем, не привлекательные, не улыбочивые, с длинным носом и фокусированным взглядом, напряженные, закрытые, контролирующие эмоции, замкнутые и сосредоточенные.

В трудах Н.Л. Нагибиной и ее соратников в основном очень детально и подробно описаны психологические характеристики каждого типа, их мировоззрение, их проявления в творчестве и судьбе представителей типов и описано очень много портретов персонажей, отнесенных к тому или иному психотипу. На основании данных, полученных в этих исследованиях, можно выделить стратегии восприятия взгляда, свойственные каждому типу. Анализ полученных в ее исследованиях результатов показал, что при восприятии взгляда используются следующие оппозиции качеств эмоциональности, интеллекта и социального поведения: «веселый — грустный», «энергичный — усталый», «жизнерадостный — угрюмый», «открытый — закрытый», «добрый — злой», «умный — глупый», «искренний — хитрый», «доверчивый — подозрительный», «внимательный — безразличный», «испуганный — бесстрашный», «стеснительный — высокомерный», «удивленный — безразличный». Конечно, характеристики взгляда только тогда имеют высокую ценность при определении психотипа, когда сочетаются с другими визуальными впечатлениями от «объекта исследования». Для более точного определения необходим многоуровневый синтез информации о человеке: результаты проективных авторских тестов «Тело и душа», «Я и мир» (Нагибина Н.Л., Мирнычева А.В.), наблюдения, очное знакомство, изучение биографии и продуктов и стилей творчества. В ситуации восприятия художественное изображение лица человека в первую очередь является произведением искусства, результатом замысла автора, когда художник передает свое видение, свое отношение к изображаемому человеку. Интерпретация личностных характеристик воспринимаемого может соответствовать действительным чертам характера лица, которое изображено на портрете. Это и подводит нас к необходимости изучения анализа своего творчества самими художниками.

Теоретический анализ творческого опыта известных художников в создании портрета человека

Кладезь мыслей и чувств великих художников в изображении человека и его лица позволяет более широко взглянуть на проблему объективных и субъективных показателей в диагностике мировоззренческой сути портретируемого. Во все времена наиболее рефлексивные художники испытывали потребность проанализировать

свои подходы к изображению человека на холсте. Фундаментальный четырехтомный труд «Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов» (1937) позволяет заглянуть в мастерские художников, познакомиться с их взглядами на творчество и восприятие человеческого лица. Редакторы первого тома Д. Аркин и Б. Терновец отмечали: «Высказывания мастеров искусства об искусстве в большинстве случаев — отнюдь не некие отрывочные афоризмы, но глубоко продуманные и глубоко пережитые формулировки творческого кредо» (Мастера искусства об искусстве, 1937, с. 8).

Каждый человек — как художник, так и портретируемый — это синтез рационального и иррационального, мысли и чувства, сознательного и бессознательного. В своей книге «От кубизма к классицизму (эстетика циркуля и числа)» Джинно Северини размышлял на эту тему: «В результате внимательного изучения мастеров и моего собственного опыта, я думаю, что произведение искусства есть результат длительного и терпеливого “анализа”, заключенного между двумя “синтезами”. Я разделяю создание произведения искусства на три части или отчетливых периода:

1. Внутренняя концепция.
2. Научная и количественная конструкция.
3. Исполнение, с помощью всех способностей живописца.

Первая фаза, концепция, включает в себе обработку, происходящую в нас и начинающуюся с неопределенной идеи или эмоции, или с того и другого вместе, и которая может длиться месяцами и даже годами, прежде чем принять законченную форму. Внешние проявления этой фазы состоят обычно в поспешных набросках, занесенных кое-как на лоскутках бумаги, композиций исключительно интуитивных и чувственных линий, чтобы помочь уму уточнить нужное. Эта первая фаза, несмотря на последовательные видоизменения, через которые она может проходить, всегда является синтезом, так как все время имеется в виду целостное произведение, а не его разрозненные части. Когда находишься во второй фазе, идея уже ясно сложилась в уме. ... Это период длительного и терпеливого анализа. Третья фаза состоит в том, чтобы высказать наизусть и по возможности сразу все накопленные знания и соединить все накопленные в течение первых двух стадий обработки различные элементы. Вся чувственность живописца, вся любовь к своему “сюжету”, его темперамент, словом, все его качества в этот момент будут брошены на весы. Здесь принимают участие не только его духовная возвышенность и умственные спо-

собности, но и вся его человечность, так как переход от концепции и умственной обработки к выполнению, увы, возможен только при сотрудничестве всей физической системы чувств» (Мастера искусства об искусстве, 1937. Т. 3, с. 507–509).

Самые большие опасения художников связаны с тем, чтобы портрет не оказался «мертвым», статичным, так как суть всегда наилучшим образом раскрывается в характерном движении. Именно здесь художники пытаются найти свою «грамматику» и свои правила. «Удивительное многообразие форм, которые через свет, тени и краски кажутся еще бесконечно многообразнее, умножила природа движением, чтобы тем повысить ценность всех своих созданий... Движение — как язык, в котором когда-нибудь добьются грамматических правил», — писал Хогард Вильям (Мастера искусства об искусстве, 1937. Т. 2, с. 97).

Балансирование между общим, типологическим и индивидуальным, попытка в конкретном двигательном акте передать все три плана — одна из задач настоящего художника. Фердинанд Ходлер отмечал: «Разнообразие, как и параллелизм, тоже относится к элементам прекрасного, но при том условии, если им не злоупотребляют. Ибо самое строение нашего глаза требует того, чтобы мы вносили разнообразие в предмет, полный абсолютного единства. Художник это хорошо знает. ... Через произведения искусства откроется новый порядок, присущий имманентно вещам, и в нем будет идея единства» (Мастера искусства об искусстве, 1937, с. 572).

Есть простые и примитивные лица, с простыми и примитивными эмоциями. Их изображать достаточно просто. Основные правила изображения эмоций можно прочитать в соответствующих трактатах об искусстве. Например, Шарль Лебрен в трактате «О методе изображения страстей» писал: «...выражение есть также та сторона живописи, которая отмечает движение души, то, что делает видимым и действия страсти. ...Когда брови поднимаются посередине, это движение вверх выражает приятное переживание. Следует заметить, что когда бровь приподымается в середине, рот приподымается в углах, а при печали — в середине. Но когда бровь опускается в середине, это движение означает телесное страдание и тогда производит обратное впечатление, потому что углы рта опускаются. В смехе все части лица следуют друг за другом, ибо брови, опускаясь к центру лба, заставляют нос, рот и глаза совершать то же движение. При плаче движения сложны и противоречивы, потому что бровь опускается в сторону носа и глаз, а рот приподымается в эту же сторону. Следует еще

отметить, что когда сердце безжизненно, то таковы же и все черты лица. И, наоборот, когда сердце испытывает какую-либо страсть, оно разогревается и напрягается, и это движение передается всем чертам лица, в особенности рту, что доказывает, как я уже говорил, что эта часть лица наиболее сильно отражает движения сердца. Ибо можно заметить, что когда оно ноет, рот опускается в углах, когда оно довольно, углы рта поднимаются кверху, когда оно чувствует отвращение, рот выпячивается вперед и приподымается в середине» (Мастера искусства об искусстве, 1937. Т. 1, с. 589–594).

Когда же художник хочет проникнуть в суть характера, личности, мировоззрения человека, его духовных исканий — задача усложняется кратно. Развивая эту мысль в письме В.М. Гаршину, И.Н. Крамской писал: «Кто возьмется определить, что даже действительное лицо живого человека, не говоря о картине, выражает только вот это, без примеси чего-то другого? Конечно, есть состояния, когда человек крупными буквами изображает на своем лице охватившее его чувство, но такие состояния, сколько я понимаю, относятся к категории наиболее простых. А те душевные движения, которые слишком сложны и в то же время глубоки до того, что глаз, будучи открытым, не передает уже никаких световых впечатлений мозгу, — такие состояния определяемы быть не могут, по крайней мере, при настоящих наших знаниях». В этом же письме Крамской поднимает тему о мировоззренческой установке самого художника — его фундаментальном типе — субъектцентрированном или объектцентрированном. «Художников существует две категории, редко встречающихся в чистом типе, но все же до некоторой степени различных. Одни — объективные, так сказать, наблюдающие жизненные явления и их воспроизводящие добросовестно, точно; другие — субъективные. Эти последние формулируют свои симпатии и антипатии, крепко осевшие на дно человеческого сердца, под впечатлениями жизни и опыта. Я, вероятно, принадлежу к последним» (Мастера искусства об искусстве, 1937. Т. 3, с. 257–261).

Удивительный факт, что разговор о душе человека присутствует в большей мере в трудах русских художников. «Терпеть не могу наших портретов — они все неверны, разве редкие, писанные великим мастером. Можно ли уловить душу человека, пришедшего именно с той целью, чтобы с него писали портрет? Что такое выражает лицо его во время сеанса? Чем он занят? Чем развлечен? Сидит, не смея шевельнуться. Великие художники имеют способность презирать и улавливать душу даже в такие глупые моменты бессмысленной

неподвижности», — писал П.А. Федотов (Мастера искусства об искусстве, 1937. Т. 3, с. 173). Обсуждая в письме к В.В. Стасову выставку живописи в Париже, И.Н. Крамской отмечал: «Для нас прежде всего (в идеале, по крайней мере) — характер, личность, ставшая в силу необходимости в положение, при котором все стороны внутренние наиболее всплывают наружу» (Мастера искусства об искусстве, 1937. Т. 3, с. 248–257).

Выводы

Проведенный нами анализ эмпирически полученных фактов, а также выводов, полученных на основе глубокого проникновения в проблему мастерами художественного творчества разных поколений и школ, позволил обозначить проблемы визуальной диагностики по портрету человека и сделать следующие выводы:

1. Проблема восприятия человека по его портрету имеет междисциплинарный характер.

2. Поиск объективных показателей мировоззренческой установки в выразительных движениях лица человека осложняется многомерностью связей элементов, их свойств в целостной системе «Я — Тело — Душа — Мир».

3. Два принципиально разных способа восприятия и обработки информации о себе и мире и их соотношение — осознаваемый (контролируемый) и неосознаваемый (неконтролируемый) способы определяют установку как воспринимающего, так и воспринимаемого.

4. Две мировоззренческие установки сознания и бессознательного — субъектцентрированность и объектцентрированность (и их вариации) — фиксируются как факт на уровне воспринимающего и воспринимаемого по его портрету.

5. Результаты анализа эмпирических исследований позволили сформулировать основные стратегии восприятия и оценки людей с объектцентрированной и субъектцентрированной неосознаваемой мировоззренческой установкой.

6. Чем глубже и шире масштаб личности, тем богаче палитра держательной стороны переживаний.

7. Данные психологических исследований согласуются с анализом работы художниками-портретистами по передаче характеристик личности человека в его портрете.

Литература

Абрамкин И.А. Женский образ в портретной живописи русского сентиментализма на рубеже XVIII–XIX веков: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2018.

Айламазьян А.М. Свободный танец как культурноисторическая практика импровизации // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 175–192. doi: 10.11621/npj.2021.0114

Алферова Н.В. Функции портрета в русской культуре: автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2006.

Артемова Н.Г. Восприятие психологических характеристик человека по «разделенному лицу»: автореф. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Артемова Н.Г., Ильясов И.И. Особенности восприятия психологических характеристик человека по его лицу: дифференциальный подход // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 3. С. 54–65.

Артемова Н.Г., Нагибина Н.Л. Рациональные и иррациональные системы в структуре психики. Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2009. М.: Институт психоанализа, 2009.

Артемова Л.С. Репрезентации «чувствительности» в литературном и живописном портретах в России второй половины XVIII века: автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2005.

Белкина И.Н. Особенности социальной перцепции портретной живописи различными социальными группами (на материале художественных классических портретов XIX века): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.

Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. СПб., 2015.

Вдовин Г.В. Становление «Я» в русской культуре XVIII века и искусство портрета: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2004.

Долгов С.В. Разработка методов распознавания и построение информационно-поисковых систем идентификации человека по его фотопортрету: автореф. дисс. ... канд. технических наук. М., 2003.

Ильясов И.И., Нагибина Н.Л. Модель инсайта с учетом индивидуальных различий в познании. Перспективы психологической науки и практики: сб. ст. Международной науч.-практ. конф. М., 2017.

Ильясов И.И., Нагибина Н.Л. Системная модель психики в контексте общего, частного и единичного. Социофизика и социоинженерия — 2018: Труды второй Всероссийской междисциплинарной конференции. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2018.

Ильясов И.И., Нагибина Н.Л., Намазбаева Ж.И. Развитие жизнотворчества поликультурной личности XXI века. Берлин; Москва; Алматы: АНО ДПО «Центр развития человека», 2020.

Казакова С.К. Образ литератора в русском живописном портрете эпохи романтизма: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2011.

Крузе С.В. Автопортрет как форма самопознания личности художника / автореф. дисс. ... канд. философских наук. Ростов н/Д, 2004.

Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры: коллективная монография / отв. ред.: К.И. Ананьева В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2020–2021.

Локк К.Э. Живописный портрет как источник антропологической информации (методические аспекты): автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011.

Марченко А.Г. Портретно-остеологічна ідентифікація особи з використанням теле-відеокomp'ютерних засобів дослідження: автореф. дис. ... канд. медичних. Київ, 1999.

Матисс А. Заметки живописца. 1908 // Золотое руно. 1909. № 6. С. IV–X. [Электронный ресурс] // URL: https://rozanova.net/second_page.pl?id=591&catid=14 (дата обращения: 10.05.2022).

Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. В 4 т. / Под общ. ред. Д. Аркина и Б. Терновца. М.: ИЗОГИЗ, 1937.

Матюнина Д.С. Литераторы Серебряного века в портретах художников «Мира искусства»: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2004.

Нагибина Н.Л. Познание человека сквозь призму рациональности и иррациональности // Человек. Искусство. Вселенная. 2014. № 1. С. 71–76.

Нагибина Н.Л. Представления Вильгельма Вундта о физиологии и психологии тактильного восприятия // Человек. Искусство. Вселенная. 2021. № 2. С. 19–23.

Нагибина Н.Л. Психология типов. Системный подход. Психологические методики. Ч. 1. М.: Изд-во Ин-та молодежи, 2000.

Нагибина Н.Л., Артемцева Н.Г. Проблема рационального и иррационального в методологии научного познания // Человек. Искусство. Вселенная. 2020. № 1. С. 22–34.

Нагибина Н.Л., Машьянов И.С. Восприятие субъектцентрированных и объектцентрированных по их фотопортрету // Человек. Искусство. Вселенная. 2021. № 1. С. 96–105.

Невская П.В. Портрет в пространстве семиотики: вербальное и невербальное: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения. Саратов, 2013.

Палий О.И. Разработка и исследование систем корреляционной идентификации человека по его фотопортрету : автореф. дисс. ... канд. технических наук. СПб., 2006.

Стародынова С.М. Восприятие портретной живописи как средство формирования представлений о человеке : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Стукалова С.Т. Способы репрезентации картины мира в портрете (на примере итальянской и французской школ живописи XVII–XVIII веков): автореф. дисс. ... канд. философских наук. М., 2008.

Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлёва, В.А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Чалый С.А. Теоретические и методические основы формирования обобщенного видения натуры в живописи портрета у студентов художественно-графических факультетов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2007.

Черняк Е.А. Детский портрет в европейской живописи XV–XVI веков: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2013.

Эзиева С.Т. Формирование художественного образа в передаче характерных особенностей живописи портрета у студентов художественно-графических факультетов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2014.

Юрьева Т.С. Портрет в американской живописи. Процесс формирования и развития: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения. М., 1989.

Якобсон П.М. Психология чувств. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.

Brunswik, E., Reiter, L. (1937). Eindruckscharaktere schematisierter Gesichter. *Zeitschrift für Psychologie*, 67–134.

Dikiy, I.S., Dikaya, L.A., Karpova, V.V., Lavreshina, A.Y., & Kagramanyan, M.R. (2018). Psychological characteristics of art specialists with a highly productive creative imagination. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (2), 134–147.

Lersch, Ph. (1952). Einführung in die Psychodiagnostik unter besonderer der Ausdruckspsychologie. München.

Plutchik, R.A. (1961). Study of facial Expression in the light of a new Theory of Emotion. Der Bericht über sechzehnten internationalen Kongress. Amsterdam.

References

Abramkin, I.A. (2018). Zhenskii obraz v portretnoi zhivopisi russkogo sentimentalizma na rubezhe XVIII–XIX vekov: avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniya. (Female image in portraiture of Russian sentimentalism at the turn of the 18th–19th centuries: dissertation). Ph.D. (Art History). Moscow. (In Russ.).

Ailamaz'yan, A.M. (2021). Svobodnyi tanets kak kul'turnoistoricheskaya praktika improvizatsii. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. (National Psychological Journal)*. (41), 175–192. doi: 10.11621/npj.2021.0114 (In Russ.).

Alferova, N.V. (2006). Funktsii portreta v russkoi kul'ture: avtoref. diss. ... kand. kul'turologii. (Portrait functions in Russian culture: dissertation). Ph.D. (Cultural science). Saint-Peterburg. (In Russ.).

Artem'eva, L.S. (2005). Rerezentatsii «chuvstvitel'nosti» v literaturnom i zhivopisnom portretakh v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka: avtoref. diss. ... kand. kul'turologii. (Representations of “sensitivity” in literary and picturesque portraits in Russia in the second half of the 18th century: dissertation). Ph.D. (Cultural science). Moscow. (In Russ.).

Artemtseva, N.G. (2003). Vospriyatie psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po «razdelennomu litsu»: avtoref. ... kand. psikhol. nauk. (Perception of a person's psychological characteristics by “divided face”: dissertation). Ph.D. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Artemtseva, N.G. Nagibina, N.L. (2009). Ratsional'noe i irratsional'noe sistemy v strukture psikhiki. Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya. *Ezhegodnik (Year-book)*. M.: Institut psikhoanaliza. pp. 110–154. (In Russ.).

Artemtseva, N.G., Il'yasov, I.I. (2009). Osobennosti vospriyatiya psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po ego litsu: differentsial'nyi podkhod. *Vestnik*

Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. (Moscow University Psychology Bulletin), 3, 54–65. (In Russ.).

Belkina, I.N. (2004). Osobennosti sotsial'noi pertseptsii portretnoi zhivopisi razlichnymi sotsial'nymi gruppami (na materiale khudozhestvennykh klassicheskikh portretov XIX veka): avtoref. ... kand. psikhol. nauk. (Features of the social perception of portraiture by various social groups (based on the material of artistic classical portraits of the 19th century: dissertation). Ph.D. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Bodalev, A.A. (2015). Perception of a person by a person. SPb. (In Russ.).

Brunswik, E., Reiter, L. (1937). Eindruckscharaktere schematisierter Gesichter. *Zeitschrift für Psychologie*, pp. 67–134.

Chalyi, S.A. (2007). Teoreticheskie i metodicheskie osnovy formirovaniya obobshchennogo videniya natury v zhivopisi portreta u studentov khudozhestvenno-graficheskikh fakul'tetov: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. (Theoretical and methodological foundations for the formation of a generalized vision of nature in portrait painting among students of art and graphic faculties: dissertation). Ph.D. (Pedagogics). Moscow. (In Russ.).

Chernyak, E.A. (2013). Detskii portret v evropeiskoi zhivopisi XV–XVI vekov: avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniya. (Children's portrait in European painting of the XV–XVI centuries: dissertation). Ph.D. (Art criticism). Moscow. (In Russ.).

Dikiy, I.S., Dikaya, L.A., Karpova, V.V., Lavreshina, A.Y., & Kagramanyan M.R. (2018). Psychological characteristics of art specialists with a highly productive creative imagination. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (2), 134–147.

Dolgov, S.V. (2003). Razrabotka metodov raspoznvaniya i postroenie informatsionno-poiskovykh sistem identifikatsii cheloveka po ego fotoportretu: avtoref. diss. ... kand. tekhnicheskikh nauk. (Development of recognition methods and construction of information and search systems for identification of a person by his photo portrait: dissertation). Ph.D. (Technical science). Moscow. (In Russ.).

Ezieva, S.T. (2014). Formirovanie khudozhestvennogo obraza v peredache kharakternykh osobennostei zhivopisi portreta u studentov khudozhestvenno-graficheskikh fakul'tetov: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. (The formation of an artistic image in the transmission of the characteristic features of painting a portrait among students of art and graphic faculties: dissertation). Ph.D. (Pedagogics). Moscow. (In Russ.).

Basic and Applied Research in Modern Psychology: Outcomes and Development Perspectives. (2017). In A. L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. Moscow: Izd-vo Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

Ilyasov, I.I., Nagibina, N.L. (2017). Prospects of psychological science and practice: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (pp. 470–472). (In Russ.).

Ilyasov, I.I., Nagibina, N.L. (2018). Proceedings of the Second All-Russian Interdisciplinary Conference (pp. 219–220). Moscow: Institut problem upravleniya im. V.A. Trapeznikova RAN; Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova. (In Russ.).

Il'yasov, I.I., Nagibina, N.L., Namazbaeva, Zh.I. (2020). *Razvitie zhiznetvorchestva polikul'turnoi lichnosti XXI veka*. Berlin; Moskva; Almaty: ANO DPO "Tsentrazvitiya cheloveka". (In Russ.).

Kazakova, S.K. (2011). *The image of the writer in the Russian picturesque portrait of the era of romanticism*. Ph.D. (Art criticism). M. (In Russ.).

Kruze, S.V. (2004). *Self-portrait as a form of self-discovery of the artist's personality*. Ph.D. (Philosophy). Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Lersch, Ph. (1952). *Einführung in die Psychodiagnostik unter besonderer der Ausdruckspsychologie*. München.

The face of man in the contexts of nature, technology and culture: Collective monograph. In K.I. Anan'eva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov (Eds.). Moskva: Kogito-Tsentr. (In Russ.).

Lokk, K.E. (2011). *Zhivopisnyi portret kak istochnik antropologicheskoi informatsii (metodicheskie aspekty): avtoref. diss. ... kand. biol. nauk. (Painting portrait as a source of anthropological information (methodological aspects))*. Ph.D. (Biology). M. (In Russ.).

Marchenko, A.G. (1999). *Portretno-osteologichna identifikatsiya osobi z vikoristannyam tele-videokompyuternikh zasobiv doslidzheniya: avtoref. dis. ... kand. medichnikh. (Portrait and osteological identification of the face using tele-video computer means of examination)*. Ph.D. (Medicine). Kiv.

Masters of Art on Art. Selected excerpts from letters, diaries, speeches and tracts (1937). Izbrannye otryvki iz pisem, dnevnikov, rechi i traktatov. In D. Arkina i B.Ternovtza. Moscow: IZOGIZ. (In Russ.).

Matiss, A. (1909). *Zametki zhivopistsa. Golden Fleece*, 6, IV–X. (Retrieved from: https://rozanova.net/second_page.pl?id=591&catid=14) (review date: 10.05.2022). (In Russ.).

Matyunina, D.S. (2004). *Literatory Serebryanogo veka v portretakh khudozhnikov "Mira iskusstva": avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniya. (Writers of the Silver Age in portraits of artists "World of Art")*. Ph.D. (Art criticism). Moscow. (In Russ.).

Nagibina, N.L. (2000). *Psychology of types. System approach. Psychological techniques. PART 1*. Moscow: Izd-vo In-ta molodezhi. (In Russ.).

Nagibina, N.L. (2014). *Poznanie cheloveka skvoz' prizmu ratsional'nosti i irratsional'nosti. Chelovek. Iskusstvo. Vselennaya (Human. Art. Universe)*, 1, 71–76. (In Russ.).

Nagibina, N.L. (2021). *Predstavleniya Vil'gel'ma Vundta o fiziologii i psikhologii taktil'nogo vospriyatiya. Chelovek. Iskusstvo. Vselennaya (Human. Art. Universe)*, 2, 19–23. (In Russ.).

Nagibina, N.L., Artemtseva, N.G. (2020). *Problema ratsional'nogo i irratsional'nogo v metodologii nauchnogo poznaniya. Chelovek. Iskusstvo. Vselennaya (Human. Art. Universe)*, 1, 22–34. (In Russ.).

Nagibina, N.L., Mash'yanov I.S. (2021). *Vospriyatie sub'ektsentrirovannykh i ob'ektsentrirovannykh po ikh fotoportretu. Chelovek. Iskusstvo. Vselennaya (Human. Art. Universe)*, 1, 96–105. (In Russ.).

Nevskaya, P.V. (2013). Portret v prostranstve semiotiki: verbal'noe i neverbal'noe: avtoref. diss. ... d-ra iskusstvovedeniya. (Portrait in the space of semiotics: verbal and non-verbal). Doctoral dissertation. (Art criticism). Saratov. (In Russ.).

Palii, O.I. (2006). Razrabotka i issledovanie sistem korrelyatsionnoi identifikatsii cheloveka po ego fotoportretu: avtoref. diss. ... kand. tekhnicheskikh nauk. (Development and Investigation of Human Correlation Identification Systems by Photo Portrait). Ph.D. (Technical science). Saint-Peterburg. (In Russ.).

Plutchik, R. (1961). A Study of facial Expression in the light of a new Theory of Emotion. Der Bericht über sechszehnten internationalen Kongress. Amsterdam.

Starodynova, S.M. (2000). Vospriyatie portretnoi zhivopisi kak sredstvo formirovaniya predstavlenii o cheloveke: avtoref. ... kand. psikholog. nauk. (Perception of portraiture as a means of forming ideas about a person). Ph.D. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Stukalova, S.T. (2008). Sposoby reprezentatsii kartiny mira v portrete (na primere ital'yanskoi i frantsuzskoi shkol zhivopisi XVII–XVIII vekov): avtoref. diss. ... kand. filosofskikh nauk. (Ways of representing a picture of the world in a portrait (using the example of the Italian and French schools of painting of the XVII–XVIII centuries)). Ph.D. (Philosophy). Moscow. (In Russ.).

Vdovin, G.V. (2004). Stanovlenie «Ya» v russkoi kul'ture XVIII veka i iskusstvo portreta: avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniya. (The formation of “I” in Russian culture of the 18th century and the art of portrait). Ph.D. (Art criticism). Moscow. (In Russ.).

Yakobson, P.M. (1956). Psychology of feelings. M.: Izd-vo APN RSFSR (In Russ.).

Yur'eva, T.S. (1989). Portret v amerikanskoi zhivopisi. Protess formirovaniya i razvitiya: avtoref. diss. ... d-ra iskusstvovedeniya. (Portrait in American painting. Process of formation and development). Doctoral dissertation. (Art criticism). Moscow. (In Russ.).

Статья получена: 24.05.2022;

принята: 20.06.2022;

отредактирована: 30.08.2022.

Received: 24.05.2022;

accepted: 20.06.2022;

revised: 30.08.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемова Наталия Георгиевна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии Института психологии РАН, artemcevang@ipran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9212-0234>

Ильясов Илья Имранович — доктор психологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры психологии образования факультета психологии Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова, ilyasov-i@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-4822>

Нагибина Наталия Львовна — доктор психологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра психологии и развития человека «Новые технологии», centerhd.nagibina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7674-3474>

ABOUT AUTHORES

Nataliya G. Artemtseva — PhD in Psychology, Associate Professor, Senior Research Associate, Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, artemcevang@ipran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9212-0234>

Илья И. Ильясов — Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, ilyasov-i@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-4822>

Nataliya L. Nagibina — Doctor of Psychology, Professor, Director Scientific Research Center of Psychology and Human Development “New Technologies”, centerhd.nagibina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7674-3474>

УДК: 159.9.072, 159.99
doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

Научная статья

ПОНИМАНИЕ ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ¹

Х.С. Ключуков

Силезский университет, Катовице, Польша
hkyuchukov@gmail.com, hristo.kyuchukov@us.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-1965-8908>

Актуальность. То, как двуязычные дети понимают ложные убеждения других людей, является актуальной, новой темой в области психологии развития. Этот вопрос очень важен, потому что от него зависит, насколько рано у двуязычных детей разовьется «теория сознания». В литературе на этот счет имеются противоречивые данные. По-видимому, это зависит от языка, на котором говорят дети, их культуры и общения с членами семьи. Почему развитие понимания заданий на ложные убеждения у детей-билингвов имеет такое значение? Дело даже не в том, что это важно для специалистов по психологии развития, данные соответствующих исследований окажутся полезными и для педагогов. Дети, у которых развито понимание психических процессов других людей, намного лучше подготовлены к процессу овладения грамотой в начальных классах.

Цель — изучить связь между теорией сознания и развитием некоторых грамматических категорий в родном и втором языках двуязычных детей.

Методы. Данная статья анализирует результаты исследования, в котором участвовали 120 детей, являющихся представителями болгарских национальных меньшинств. Среди них — 60 детей из ромско-болгарских семей и 60 из семей турецко-болгарского происхождения в возрасте от 3 до 5 лет. Были проведены классические тесты, в том числе два с использованием невербальных методик, тест с уточняющими вопросами, использующий глагол «говорить» для выражения субъективного отношения, и тест на эвиденциальность как на родном языке (турецком и ромском), так и на втором

¹ Термины «теория сознания» и «модель психического состояния» используются автором как синонимы в качестве русскоязычного перевода термина «theory of mind». В русскоязычной психологической литературе встречаются также другие варианты перевода, в частности, «модель психического» (Е.А. Сергиенко), «имплицитная теория разума» (Е.В. Дубяга, Б.Г. Мещеряков) и др., однако ни один из них нельзя назвать устоявшимся и общепринятым.

(болгарском). Дети с турецкими корнями жили в небольшом городке, а рома — в деревне. Гипотеза исследования состояла в том, что знание определенных грамматических категорий может способствовать развитию теории сознания (модели психического состояния (МПС)) у детей, а место проживания влияет на этот процесс.

Результаты. Полученные данные показали, что дети рома справлялись с одними заданиями лучше детей из турецких семей, но в других уступали им. Также было выяснено, что знание грамматических категорий не влияет на понимание заданий тестов теории сознания. Место проживания также не связано с развитием этой теории у детей-билингвов, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Выводы. Исследование позволило сделать вывод о том, что в ряде культур, где устные традиции играют важную роль в когнитивном и речевом развитии детей, например, у рома, классические тесты для оценки МПС недостаточно эффективны. В таких случаях адекватнее было бы использовать задания, специально адаптированные с учетом культурных особенностей.

Ключевые слова: билингвизм, дети, принадлежащие к национальным меньшинствам, теория сознания, задачи на понимание ложных убеждений, уточняющие вопросы, эвиденциальность, романи, турецкий язык, болгарский язык.

Для цитирования: Кючуков Х.С. Понимание детьми-билингвами психического состояния другого человека в контексте теории сознания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 60–91. doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

Scientific Article

BILINGUAL CHILDREN'S UNDERSTANDING OF THE MENTAL STATE OF THE OTHER PERSON IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF MIND

H.S. Kyuchukov

University of Silesia, Katowice Poland

hkyuchukov@gmail.com, hr isto.kyuchukov@us.edu.pl,

<https://orcid.org/0000-0002-1965-8908>

Background. How the bilingual children understand the false belief of other people is a relevantly new topic in the field of the developmental psychology. This question is very important one, because from it depends how early the bilingual children develop the «theory of mind». The literature shows controversial evidences regarding the age of bilingual children when exactly the start to develop

the theory of mind. It seems it depends on the languages the children speak, their culture and the communication with the members of the families. Why is the development of understanding of false belief tasks in bilingual children so important? It is not important for specialists in developmental psychology only; the relevant research data will be useful for educators as well. Children who develop an understanding of other people's mental states are much better prepared for the process of mastering literacy in the primary grades.

Objective of the paper is to examine the relation between the theory of mind and the development of some grammatical categories in the mother tongue and the second language of bilingual children.

Methods. The article analyzes the results of a study of 120 children from Bulgarian minority backgrounds. Among them were 60 children from Romani-Bulgarian families and 60 from families of Turkish-Bulgarian origin between the ages of 3 and 5. Classical tests were conducted, including two using non-verbal tests, a test with qualifying questions using the verb «to say» to express subjective attitudes, and an evidentiality test in both the native language (Turkish and Romani) and the second language (Bulgarian). Children with Turkish background live in a small town and Roma children live in a village. My hypothesis is that knowledge of certain grammatical categories can contribute to the development of the theory of mind (mental state) in children, and the place of residence influences this process.

Results. The data showed that Roma children did better on some tasks than children from Turkish families but were inferior on others. It was also found that the knowledge of grammatical categories does not affect the comprehension of the tasks of the theory of mind tests. The place of residence was also not related to the development of theory of mind of bilingual children belonging to national minorities.

Conclusion. The study led to the conclusion that in several cultures where oral traditions play an important role in the cognitive and language development of children, such as the Roma, classical tests to assess mental states are not sufficiently effective. In such cases, it would be more adequate to use tasks specifically adapted to cultural peculiarities.

Keywords: bilingualism, children belonging to national minorities, theory of mind, false belief comprehension tasks, wh-questions, evidentiality, Romani, Turkish, Bulgarian.

For citation: Kyuchukov, H.S. (2022). Bilingual Children's Understanding of the Mental State of the Other Person in the Context of the Theory of Mind. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, X–X. doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

Введение

Болгария — это многонациональная страна. Испокон веков здесь вместе живут турки, рома (цыгане), армяне, евреи, гагаузы, татары, македонцы, румыны, греки, русские, арабы, китайцы, а теперь и украинцы. Однако самыми многочисленными группами меньшинств являются турки и рома. Турецкое меньшинство сосредоточено на северо-востоке и юге страны, в то время как рома живут на территории всей страны. Общеизвестно, что турецкое меньшинство в целом гораздо лучше интегрировано в болгарское общество, чем ромское. Рома по-прежнему живут в сегрегированных поселениях типа гетто. Очень часто ромские дети учатся в школах, которые правительство специально построило для них в этих поселениях. Однако качество образования в данных школах очень низкое. Правительство не уделяет должного внимания школам в ромских поселениях, и поэтому очень часто ромские дети получают базовое образование (8 лет) и все еще не умеют читать и писать.

С другими меньшинствами дело обстоит иначе. Так, например, турецкое меньшинство представлено в политической системе страны, и турки борются за свои человеческие, образовательные, языковые и культурные права. Рома не имеют никакого политического представительства, хотя их численность составляет примерно 800 000 человек, согласно информации ромских организаций. Более трагичным является тот факт, что несколько лет назад университет в городе Велико Търново в Болгарии создал новую программу бакалавриата — начальная школьная педагогика и ромский язык, целью которой был выпуск учителей, способных обучать ромских детей из сегрегированных школ — обучать их родному языку и болгарскому как второму языку, но профессора университета, члены неонацистских партий в стране выступили против программы и против ромских студентов в университете, и университет закрыл программу (Кючуков, 2018). Однако с другим крупнейшим меньшинством — турками — дело обстоит иначе. Дети турецкого меньшинства имеют право изучать свой родной язык — 2 часа в неделю по школьной программе, а в Софийском и Шуменском университетах существуют бакалавриат и магистратура по специальности «Турецкая филология».

Ромские (цыганские) и турецкие дети являются двуязычными/многоязычными. Наряду с родным языком дети изучают болгарский язык, а также другие иностранные языки, такие как русский, английский, французский или испанский. Часто в повседневном общении

дети используют 3–4 языка и диалекта (турецкий или цыганский). Однако их двуязычие/многоязычие не считается чем-то важным, поскольку они говорят на языках, не имеющих высокого престижа в обществе (Кучуков, 2007). В настоящее время существует не так много новых исследований по двуязычию ромских и турецких детей, а если они и есть, то только в области образования и межкультурного образования (Танкова, 2016; Терзиева и Капинова, 2016; Полихронов, 2019).

Исследования по билингвизму детей меньшинств с лингвистической или психологической/психолингвистической точки зрения в течение последних десяти лет не проводились. Таким образом, данная работа является одним из новых исследований в области психологии и психолингвистики.

Билингвизм

По словам М. Экберт, «более глубокое понимание того, как именно различные языки представлены в работе психики билингвов, несомненно, поможет далеко продвинуться в изучении целого ряда теоретических вопросов в таких областях, как изучение языков и теория эффективности» (Ekiert, 2005, p. 7). Все исследовательские работы, существующие в современной лингвистике и посвященные изучению иностранного языка, акцентируют внимание скорее на наблюдаемом, а не скрытом использовании языка. Лингвисты разделяют наблюдаемую устную и письменную речь на соответствующие категории, делают выводы о значимых взаимоотношениях, предлагают объяснения и пытаются выявить адекватные исследовательские переменные, которые можно было бы применять для оценки расхождения показателей как разных испытуемых, так и одного и того же субъекта по прошествии определенного периода времени.

Согласно Ф. Грожеану (Grosjean, 2013), половина мирового населения говорит на двух и более языках. Билингвизм влияет как на когнитивные и лингвистические функции, так и на повседневную жизнь людей. В большинстве исследований билингвов использовались опросники для самоотчета. К сожалению, они не могут считаться адекватным инструментом для оценки уровня билингвизма респондента. Следовательно, ряд специалистов предлагает использовать одну и ту же тестовую методику, но на обоих языках, которыми владеет испытуемый (Anderson et al., 2017). В своем исследовании, проведенном с разными возрастными группами респондентов из разных социальных групп, Дж. Андерсон (там же) продемонстрировал, что

билингвизм действительно воздействует на когнитивные функции на протяжении всей жизни, начиная с подросткового возраста и заканчивая пожилым (проявляясь, например, в способности бороться с деменцией). Это открытие существенно повлияло на восприятие билингвизма в системе образования, общественного здравоохранения и социальной политики в целом.

Л. Сабурин (Sabourin et al., 2016) в своем исследовании объединяет и по-новому интерпретирует ряд данных, полученных в серии экспериментов, проведенных с целью переоценки целого ряда факторов, которые раньше считались значимыми для развития билингвизма. В частности, его анализ сводит воедино данные исследований «возраста погружения» (ВП), способа изучения языка (СИЯ), уровня владения языком и контекста билингвизма. Это необходимо для того, чтобы: (1) исследовать организацию билингвального ментального лексикона и (2) определить саму природу взаимодействия между билингвизмом и когнитивным контролем. Авторы предполагают, что естественное изучение языка способствует усвоению билингвального ментального лексикона, а возраст погружения сам по себе не влияет на эти процессы (хотя он может стимулировать более естественное усвоение языка). Наконец, билингвы с интегрированным билингвальным лексиконом (то есть те, кто изучил язык естественным способом), находясь в двуязычной среде, демонстрируют более высокий уровень развития когнитивного контроля.

Согласно Х. Кючукову (Kuchukov, 2016), в ряде групп, состоящих из представителей нацменьшинств, культура играет крайне значимую роль в развитии когнитивных и лингвистических способностей детей. В разных культурах родители используют свои уникальные стратегии обучения детей языку: чтение книг, взаимодействие с игрушками, разнообразная совместная деятельность. Традиционно дети усваивают язык, занимаясь деятельностью, типичной для конкретной культуры. В одной — это чтение книг, игра в компьютерные игры или среда, обеспечивающая доступ к большому количеству игрушек. В других культурах доминируют устные традиции, и именно благодаря им дети усваивают язык. Таким же образом они учатся использовать глаголы, выражающие внутреннее состояние, которые так важны для понимания психических процессов других людей (Kuchukov, 2020).

Из краткого обзора литературы по билингвизму становится ясно, что для национальных меньшинств, которые в большинстве случаев двуязычны, важную роль играет культура и родной язык. Проверая знания билингвов, мы должны учитывать культуру данного кон-

кретного меньшинства и его родной язык. Тестирование билингвов из меньшинств должно проводиться не только на официальном языке страны/втором языке для носителей, но и на родном языке билингвов. Тестирование на родном языке часто дает информацию о когнитивном и психологическом развитии билингвов, которую не может дать тестирование на втором языке.

Теория сознания

Теория сознания, согласно Дж. Пернеру (Perner, 1995, p. 205) — это «общее направление исследовательской области, которая занимается психологическими понятиями, относящимися к выражению собственного внутреннего состояния и состояния других у разных народов, т.е. что мы знаем, думаем, хотим, чувствуем и т.д.». Другими словами, теория сознания или модель психического состояния человека (англ. ТОМ, рус. МПС) ставит своей целью прояснить / изучить / проанализировать / исследовать способности человека понимать намерения, желания и убеждения других людей. У детей понимание состояния окружающих появляется уже в раннем возрасте, но в связи с этим закономерно возникает вопрос: все ли дети, развивающиеся в любой культуре, овладевают этой способностью в одном и том же возрасте? Проходит ли развитие этой способности у моно- и билингвальных детей по одному и тому же пути, в один и тот же период жизни? Какие факторы влияют на процесс становления понимания намерений и желаний окружающих, и в целом, культуры, в которой растет ребенок? Вот лишь некоторые из множества актуальных вопросов, которыми заняты исследователи всего мира на протяжении последних десятилетий.

Понимание теории сознания развивалось на базе основополагающих работ Ж. Пиаже ранних 1920-х и 1930-х годов. В этот период исследователь опубликовал ряд работ (Piaget, 1926, 1928, 1929), в которых описывается детское понимание реального мира. На протяжении второго и третьего года жизни дети начинают демонстрировать интерес к своим чувствам, желаниям, внутреннему состоянию и беседам об их собственном поведении. Другими словами, их когнитивное развитие переходит на тот уровень, когда они способны понять психические процессы. Исследовательский интерес к пониманию ребенком его собственной психики возник в 1980-е годы и развивался на протяжении последних трех десятилетий. За этот период были опубликованы работы, посвященные задачам на понимание ложных убеждений, психическим процессам самого человека и восприятию

чужих. И количество этих публикаций только растет. Ряд работ посвящен пониманию общих вопросов теории сознания (du Preez, 1991; Astington, 1993, 2000; Dunn, 1988; 1995; Bartsch, Wellman, 1995; Carpendale, Muller, 2004; Carpendale, Lewis, 2006; Doherty, 2008; Carpendale, Lewis, Muller, 2018).

Противоречия в изучении билингвизма и модели психического состояния

Один из вопросов, определенно нуждающихся в дальнейшем изучении, касается того, как именно дети-билингвы развивают понимание психического состояния других людей. В течение последних десяти лет появился целый ряд публикаций, посвященных тому, как языки, которые используют дети-билингвы, способствуют их пониманию общественной жизни, чувств, мыслей и желаний окружающих.

Исследование Дж. Пернера и М. Айхорна (Perner, Aichhorn, 2008) позволило предположить возможность культурного или лингвистического влияния на локализацию функций мозга и оспорить утверждение о созревании врожденно заданных нейронных субстратов. Авторы исследования ссылаются на эффекты развития речи, билингвизм и культурные различия в контексте развития модели психического состояния.

П. Гетц (Goetz, 2003) в своей работе делает попытку выяснить, влияет ли знание языка индивидом (конкретного языка или в рамках билингвального развития) на развитие модели психического состояния. В исследовании участвовали трех- и четырехлетние дети-монолингвы, говорившие на английском языке, дети-монолингвы, владеющие китайским языком, и билингвы, говорящие как на китайском, так и на английском. Респондентам предлагались задачи на «кажущуюся реальность», задачи, оценивающие способность понимать точку зрения других, и задачи на понимание ложных убеждений. Все дети проходили тестирование дважды с разницей в неделю. Билингвы выполняли задания на двух языках. Четырехлетние респонденты во всех группах показали лучшие результаты, чем трехлетние. Обе монолингвальные группы продемонстрировали примерно одинаковые результаты и обе группы билингвальных детей — намного более высокие показатели, чем группы детей, владеющих одним языком. Однако когда результаты первой и второй серии тестирования были проанализированы по отдельности, выяснилось, что во второй раз

билингвы продемонстрировали тенденцию к более успешному выполнению, которая была лишь близка к значимому уровню.

Возможным объяснением может служить то, билингвы имеют преимущество, заключающееся в более высоком сдерживающем контроле, лучше развитом метаязыковом понимании и в повышенной восприимчивости к социолингвистическому взаимодействию с собеседником.

Дж. Бергуно и Д. Боулер (Berguno, Bowler, 2004) провели исследование со 140 монолингвальными и 57 билингвальными испытуемыми (возраст составил 3–4 года) для изучения влияния конкретных паттернов взаимодействия на понимание детьми репрезентаций, а также связи между владением вторым языком и моделью психического состояния. Участникам предлагалось вводящее в заблуждение задание в рамках трех экспериментальных условий. Основным открытием стало то, что знание второго языка существенно повышало уровень понимания детьми как психических, так и непсихических репрезентаций. Более того, полученные результаты указывают на то, что упоминание экспериментатором вводящего в заблуждение взаимодействия значительно облегчало понимание ложных убеждений трехлетними детьми И. Чо (Cho, 2020) в своей работе делает акцент на изучении взаимосвязи между моделью психического состояния (МПС) и регуляторными функциями (РФ). На первой и второй стадии эксперимента была осуществлена проверка того, воздействуют ли факторы, традиционно влияющие на индивидуальные различия в развитии РФ (билингвизм, страна происхождения) на модель психического состояния. Если модель психического состояния и регуляторные функции — две стороны одной медали, тогда паттерны различий в развитии этих функций в контексте социокультурных факторов и паттерны развития МПС должны быть сравнимы между собой. Полученные результаты показали, что страна происхождения (но не количество языков) действительно влияла на развитие РФ (этап 1). В противоположность этому ни страна происхождения, ни би-/монолингвизм не были связаны с МПС (этап 2). В исследованиях с участием билингвальных детей рома и детей турецкого происхождения, проведенных Х. Кючуковым (Kyuchukov, 2010) и Х. Кючуковым и Ж. Де Вийлерсом (Kyuchukov, de Villiers, 2009), было обнаружено различие между уровнем владения различными категориями основного или второго языка и пониманием задач на ложные убеждения.

Работы, посвященные связи билингвизма и модели психического состояния, разнообразны и противоречивы. В связи с этой лакуной,

существующей в исследовательском поле, целью настоящей работы стало изучение влияния языков, используемых детьми с раннего возраста, на процесс решения задач на понимание ложных убеждений. Ответ на поставленный вопрос станет ценным вкладом в существующую литературу о теории сознания.

С учетом предыдущих работ, посвященных различным типам билингвизма, и противоречий, существующих в научной литературе, относительно связи модели психического состояния и билингвизма у детей, для текущего исследования мы выдвинули следующие гипотезы:

- Владение определенными грамматическими категориями может выступать как фактор, способствующий развитию у детей модели психического состояния.
- Структура языков, используемых ребенком-билингвом, облегчает более раннее понимание задач на ложные убеждения.
- Низкий уровень владения вторым языком усложняет понимание задач, связанных с моделью психического состояния.
- Место проживания детей влияет на развитие модели психического состояния у детей-билингвов.

Выборка

Данное исследование проводилось в Болгарии. В нем участвовало 120 детей билингвов (60 детей из рома-болгарских семей и 60 из семей турецко-болгарского происхождения).

Возраст участников исследования составил от 3 до 5 лет. Дети с турецкими корнями жили в небольшом городке, а рома — в деревне. Все дети на момент исследования посещали детский сад и общались как на родном языке, так и на болгарском, используя его как второй язык.

Общее количество участников исследования приведено в табл. 1.

Таблица 1

Общее количество участников исследования

Возрастная группа	Турки	Средний возраст	Рома	Средний возраст
3,7–4,0	20	3,8	20	3,7
4,1–4,6	20	4,4	20	4,5
4,7–5,0	20	4,10	20	4,11
Всего	60	4,3	60	4,4

Table 1

The total number of the children in the study

Age group	Turkish children	Mean age	Roma children	Mean age
3.7–4.0 years old	20	3,8	20	3.7
4.1–4.6 years old	20	4,4	20	4.5
4.7–5.0 years old	20	4.10	20	4.11
Total	60	4.3	60	4.4

Участники отбирались случайным образом, но с соблюдением определенных критериев. В исследование не были включены дети с задержкой речевого развития или с отклонениями умственного развития, а также дети, не владевшие болгарским языком в достаточной степени для понимания тестовых заданий. Дети из обеих этнических групп происходили из семей с низким социально-экономическим статусом.

Описание хода исследования

Тестирование проводилось индивидуально с каждым ребенком в группе детского сада, который посещали участники. Тестирование выполнялось как на родном языке детей (турецком или романи), так и на втором языке (болгарском). С целью избежать влияния языкового фактора на результаты в первую встречу часть заданий проводилась на одном языке, а другая часть — на втором. Во вторую встречу языки менялись.

Методы

Задания на МПС

Заданий, связанных с МПС, было четыре: две классические задачи на понимание ложных убеждений, задействованных в предыдущих исследованиях МПС («Неожиданное содержание» и «Изменение местоположения») и два невербальных теста из батареи МПС с серией картинок:

1. Задание МПС-1 — «Неожиданное содержание»;
2. Задание МПС-2 — «Изменение местоположения»;
3. Задание МПС-3 — невербальный тест МПС;
4. Задание МПС-4 — невербальный тест МПС.

Первые две методики широко известны в исследовательской литературе. Невербальные тесты МПС были разработаны самим исследователем на основе классических заданий схожего типа.

Языковые тесты

Языковые тесты были двух типов: тест с уточняющими вопросами и тест на понимание эвиденциальности (8 заданий в каждом). В первом использовался глагол «говорить» для выражения внутреннего состояния, например:

«Ребенок сказал, что рисует брата, а рисует он облака.

«Что сказал ребенок про то, что он рисует?»

Оба теста (на эвиденциальность и с уточняющими вопросами) были разработаны автором на основе схожих методик, использовавшихся в аналогичных исследованиях с другими языками и МПС.

Языковой тест и тест МПС не были стандартизированы для болгарского, романи и турецкого языков. Все адаптации тестовых материалов на соответствующем языке были сделаны автором исследования.

Зависимые и независимые переменные описаны и объяснены в табл. 2.

Таблица 2

Зависимые и независимые переменные

Зависимые переменные	Число факторов
Классические задания на МПС	2
Невербальные задания на МПС	2
Языковые тесты	2
Независимые переменные	
Место проживания	город и деревня
Возрастные группы	1 группа: 3,6–4,0 2 группа: 4,1–4,6 3 группа: 4,7–5,0
Языки	Болгарский, романи, турецкий

Table 2

The dependent and independent variables

Dependent variables	Number of factors
Classical Theory of Mind tasks	2
Nonverbal Theory of Mind tasks	2

Dependent variables	Number of factors
Language tests	2
Independ variables	
Residence	town and village
Age groups	1 gr.: 3.6–4.0 2 gr.: 4.1–4.6 3 gr.: 4.7–5.0
Languages	Bulgarian, Romani and Turkish

Результаты

Полученные данные проанализированы методом ANOVA.

Выполнение заданий на родном языке

Задания на МПС

Как дети понимали задания на МПС на родном языке? С выполнением задания «Неожиданное содержание» дети рома справились лучше, чем дети турецкого происхождения. Влияние фактора родного языка на первичные результаты выполнения задания МПС-1 на родном языке статистически значимы ($F=18,53$; $p<0,00004$). Размер эффекта средний ($\eta^2=0,15$).

Однако статистически значимого влияния фактора родного языка на первичные результаты задания МПС-2 обнаружено не было. Дети из обеих языковых групп выполнили тест на приблизительно одинаковом уровне.

Влияние фактора родного языка на первичные результаты выполнения задания МПС-3 также оказались статистически значимыми ($F=11,73$; $p<0,000$). Размер эффекта был малым ($\eta^2=0,10$). Дети турецкого происхождения справились с заданием 3 лучше детей рома (невербальный тест). Это означает, что первые лучше поняли задание. Различия статистически значимы ($F=11,729$; $p<0,000$).

Влияние фактора родного языка на первичные результаты задания МПС-4 (невербальный тест) на родном языке также статистически значимо ($F=6,05$; $p<0,01$). Дети рома этот тест выполнили лучше. Размер эффекта оказался малым ($\eta^2=0,06$).

Рассмотрим результаты выполнения заданий в зависимости от возрастной категории.

На рис. 1 показано статистически значимое влияние фактора возраста на первичные результаты выполнения задания МПС-1 на родном языке ($F=3,99$; $p<0,05$), однако размер эффекта оказался

малым ($\eta^2=0,07$). Чем старше были участники, тем лучше они понимали задания. Различия между возрастными группами также статистически значимы.

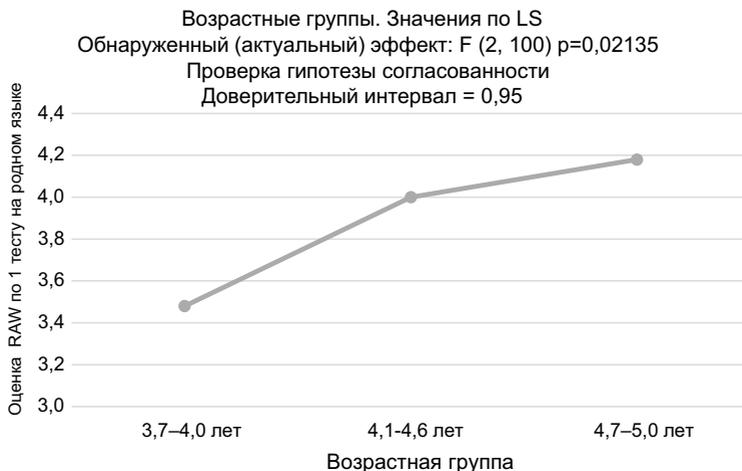

Рис. 1. Влияние возраста на первичные результаты задания МПС-1 на родном языке

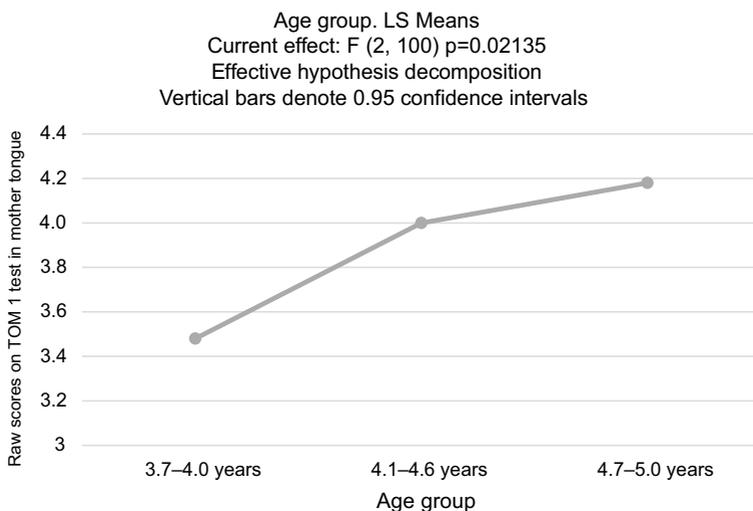

Fig. 1. Influence of Age group on raw scores on TOM 1 test in Mother Tongue

В случае с выполнением задания МПС-2 (вербальный тест) и задания МПС-3 (невербальный тест) статистически значимых различий между возрастными группами обнаружено не было, причем это касается обеих этнических групп. Дети из турецких семей и дети рома одинаково хорошо понимали и выполняли задание.

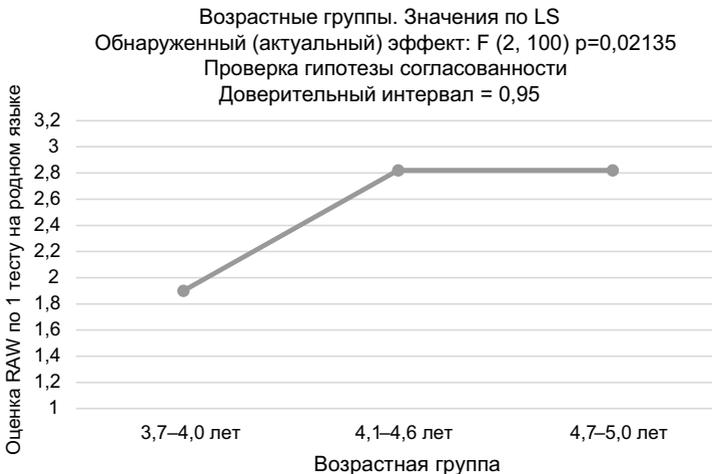

Рис. 2. Влияние возраста на первичные результаты задания МПС-4 (невербальный тест)

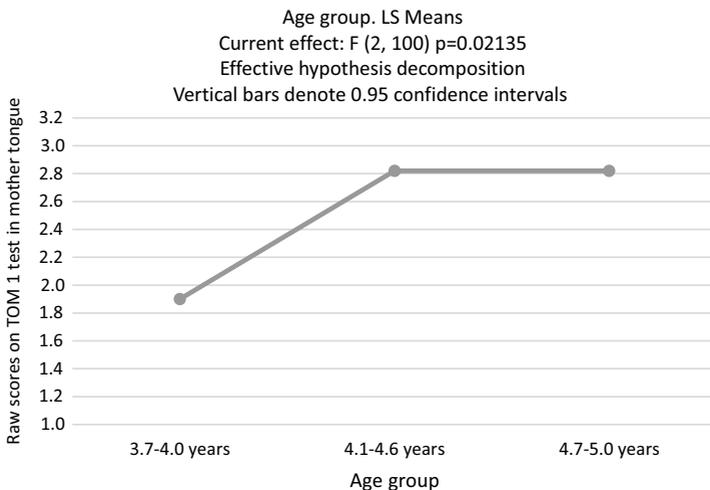

Fig. 2. Influence of age group on raw scores on TOM 4 — nonverbal test

Однако различия наблюдались в результатах выполнения последнего задания (невербальный тест), что показывает рис. 2.

Влияние возрастного фактора на первичные результаты выполнения задания МПС-4 (невербальный тест) на родном языке оказалось статистически значимым ($F=8,84$; $p<0,000$). Размер эффекта средний ($\eta^2=0,15$). В обеих этнических группах чем старше были дети, тем лучше они справлялись с заданием.

Языковые тесты

В ходе исследования были использованы языковые тесты двух типов: с уточняющими вопросами (с использованием глагола «говорить» для выражения внутреннего состояния) и задания на эвиденциальность. Всего в обоих тестах было 8 заданий.

На рис. 3 представлены результаты теста с уточняющими вопросами.

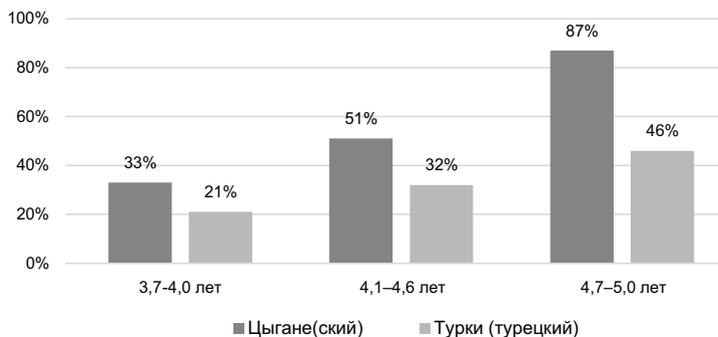

Рис. 3. Понимание уточняющих вопросов на родном языке (процент правильных ответов)

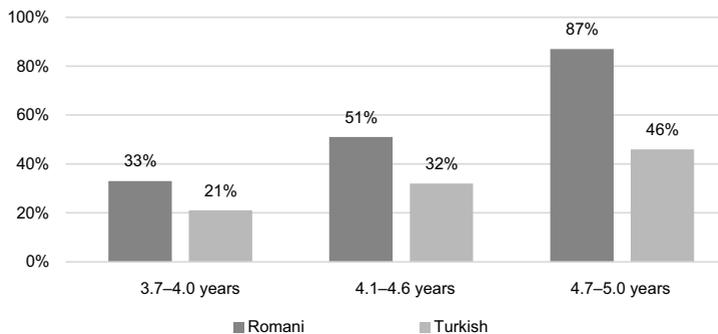

Fig. 3. Comprehension of wh-questions in Mother Tongue

Дети рома справились с заданием лучше, чем дети из турецких семей. В романи уточняющее слово может располагаться как в начале, так и в середине предложения (удаленно), а в турецком у него есть свое фиксированное место. Дети в возрасте 4,7–5,0 лет показали очень иллюстративные результаты: 87% рома и 46% турок правильно ответили на вопросы, и различия между группами оказались статистически значимыми ($t=6,78$; $p>0,001$). Различия в показателях объясняются именно структурой родного языка.

Результаты теста на понимание *эвиденциальности* показаны на рис. 4.

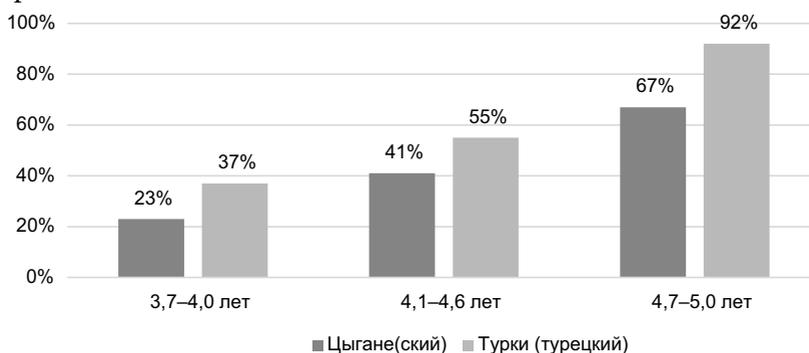

Рис. 4. Понимание задания на эвиденциальность на родном языке (процент правильных ответов)

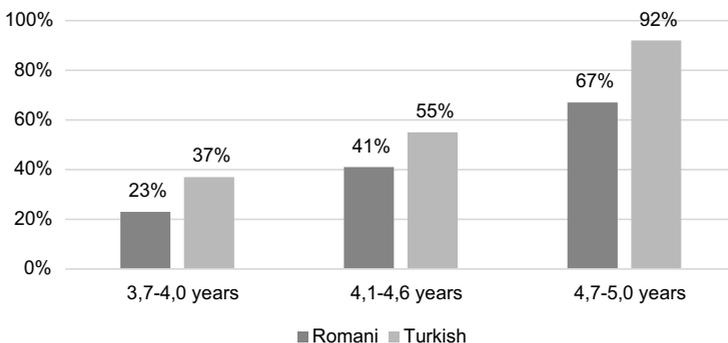

Fig. 4. Comprehension of Evidentiality task in Mother Tongue

Эвиденциальность — лингвистический феномен, присутствующий во всех трех языках: турецком, болгарском и романи. Это грамматическая категория, которая используется для устного или

письменного пересказа сообщения с применением особых языковых морфем. При изучении степени владения этой грамматической категорией испытуемыми, была поставлена задача проверки существования связи между ее использованием и пониманием заданий на теорию сознания.

Результаты показывают, что дети турецкого происхождения справились с заданием лучше, чем дети рома. Возможно, дело в том, что в языке романи эвиденциальные конструкции в таком раннем возрасте не используются, а возникают гораздо позже. Различия между группами были статистически значимы ($t=4,58$; $p>0,001$).

Взаимосвязь уровня выполнения языковых тестов и показателей по заданиям МПС

Влияние фактора понимания уточняющих вопросов, заданных на родном языке, на первичные результаты задания МПС-1 оказалось статистически значимым. В случае с результатами заданий 2, 3 и 4 (последние два — невербальные тесты) значимого влияния не обнаружено.

Влияние фактора понимания эвиденциальности в родном языке на первичные показатели было статистически значимым в случае с первичными результатами заданий МПС-1 (на родном языке), 3 и 4. Дети турецкого происхождения справились лучше, чем дети, чей основной язык — романи.

Влияние фактора родного языка на первичные показатели невербального задания МПС-3 статистически значимо ($F=4,04$; $p<0,05$), но размер эффекта малый ($\eta^2=0,04$). Дети, чьим основным языком являлся турецкий, справились с заданием лучше, чем дети, владевшие романи. Можно утверждать, что показатели выполнения заданий на родном языке влияют на успешность выполнения невербальных тестов.

Рисунок 5 демонстрирует статистически значимое влияние фактора возрастной группы на первичные результаты выполнения невербального задания МПС-3 ($F=3,73$; $p<0,05$), но размер эффекта малый ($\eta^2=0,07$).

Результаты свидетельствуют о влиянии возраста: чем старше дети, тем лучше они понимают эвиденциальность и это способствует более успешному выполнению невербальных заданий на МПС.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в случае с невербальным заданием МПС-4 (рис. 6).

Данный рисунок демонстрирует тот факт, что понимание и результаты выполнения невербального задания МПС-4 улучшались

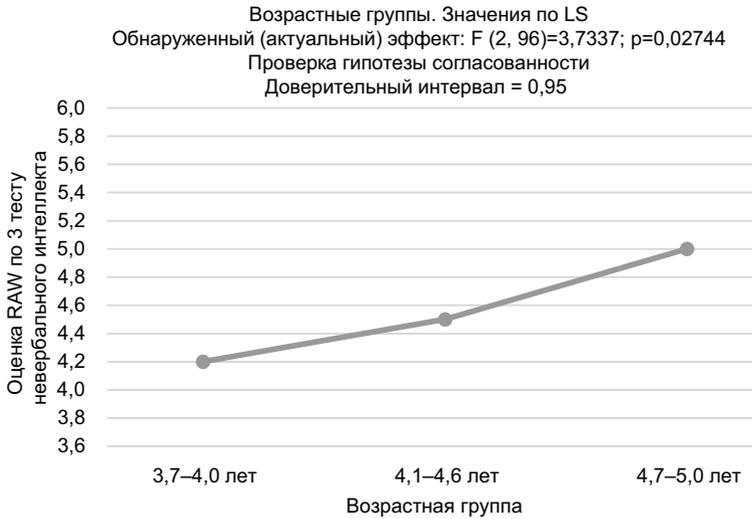

Рис. 5. Влияние фактора возрастной группы на первичные результаты выполнения невербального задания МПС-3

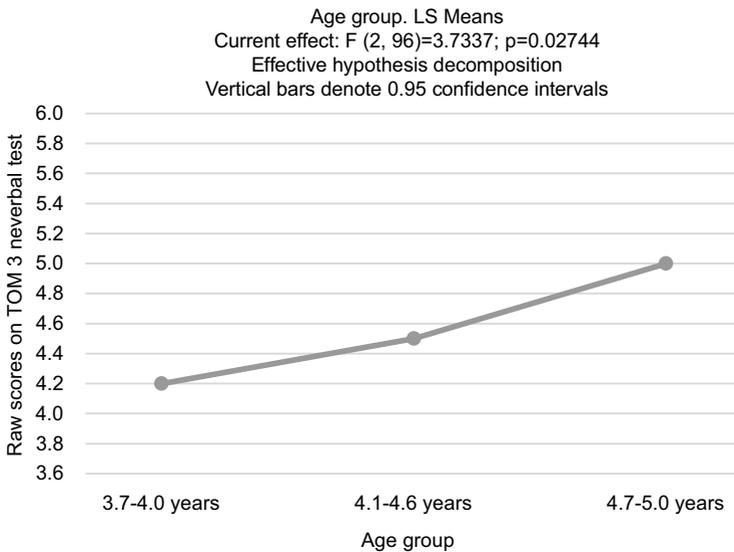

Fig. 5. Influence of age group on the raw scores on TOM 3-nonverbal test

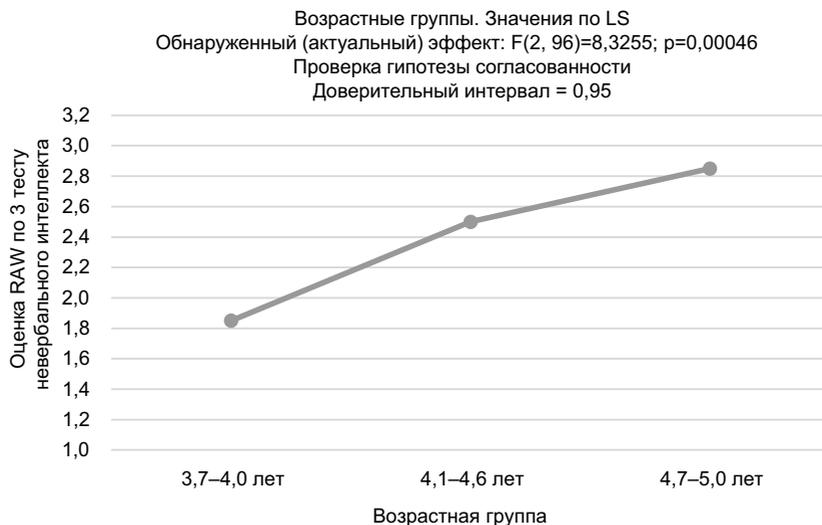

Рис. 6. Влияние фактора возрастной группы на первичные результаты выполнения невербального задания МПС-4

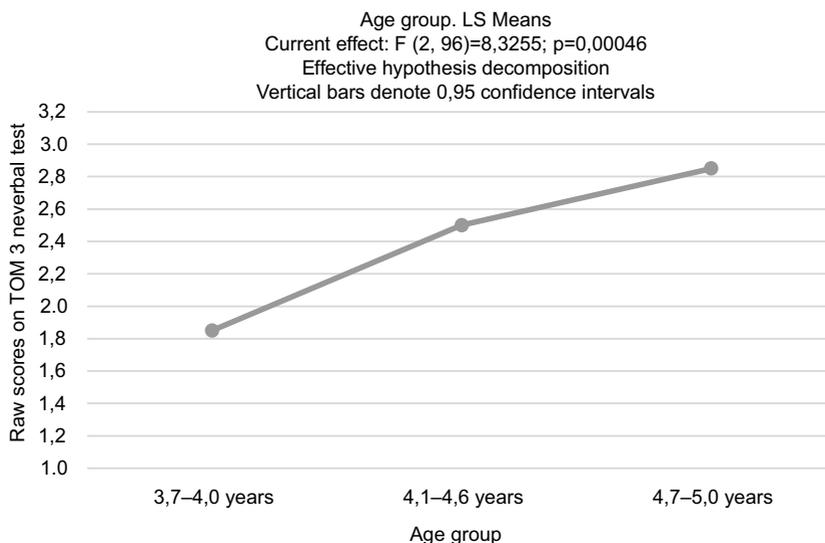

Fig. 6. Influence of age group on the raw scores on TOM 4-nonverbal test

у детей старшего возраста. Различия были статистически значимы ($F(2, 96) = 8,3255, p = 0,00046$).

Выполнение заданий на болгарском языке

Испытуемые выполнили те же задания на МПС и языковые тесты и на болгарском языке. Полученные результаты представлены ниже.

Задания на МПС

На рис. 7 представлены результаты выполнения задания МПС-1. Влияние фактора возрастной группы на первичные показатели в данном задании статистически значимо ($F=6,11; p<0,005$), размер эффекта средний ($\eta^2=12$). Можно отметить, что средние группы справились с заданием хуже, чем группы младшего и старшего возраста, однако расхождение не так уж велико. В целом было обнаружено, что чем старше ребенок, тем лучше он понимает задания на МПС на втором языке (болгарском).

Различия между возрастными группами в результатах выполнения заданий МПС-2, 3 и 4 не имеют статистической значимости, когда дети выполняют тесты на болгарском языке.

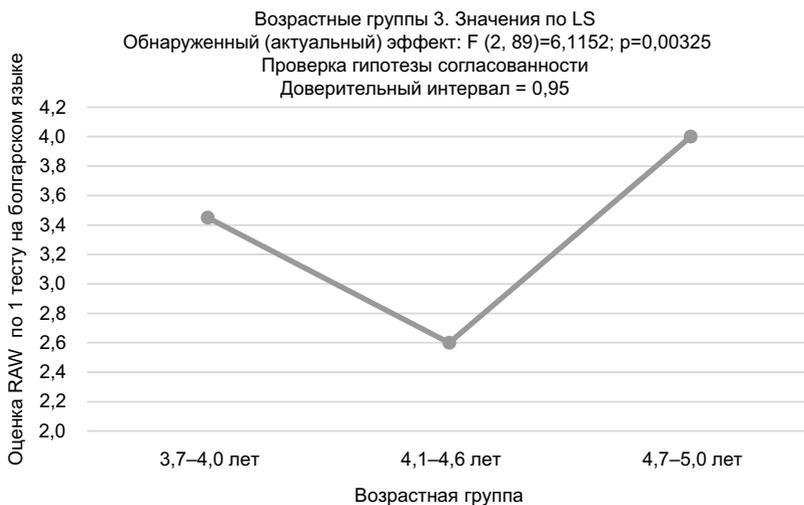

Рис. 7. Влияние возрастного фактора на первичные результаты теста МПС-1 на болгарском языке

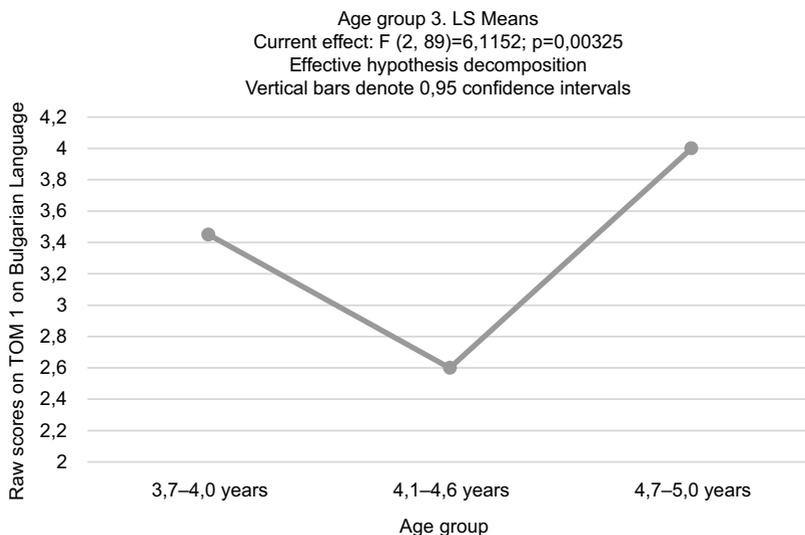

Fig. 7. Influence of age group on the raw scores on TOM 1 test in Bulgarian

Языковые тесты

Задания, ранее представленные на турецком языке и романи, были переведены на болгарский.

Результаты выполнения заданий на *уточняющие вопросы* на болгарском языке представлены на рис. 8.

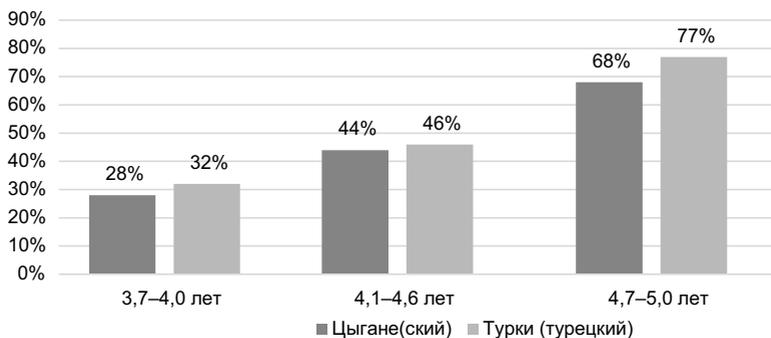

Рис. 8. Понимание уточняющих вопросов на болгарском языке (процент правильных ответов)

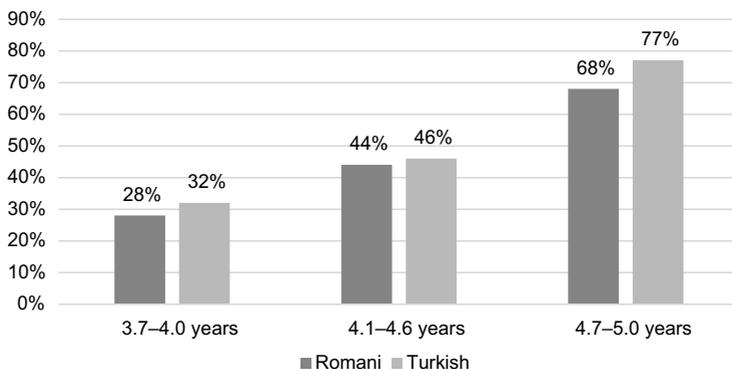

Fig . 8. Comprehension of wh-questions in Bulgarian

Интересно отметить, что дети из обеих этнических групп справились с заданием на уточняющие вопросы примерно одинаково. Статистически значимые различия наблюдались только между первой и третьей возрастной группами. Дети из турецких семей были чуть более успешны, чем рома, но значимых различий не наблюдалось. Только в третьей группе разница между турецкими и ромскими детьми оказалась значимой: дети рома дали 68% правильных ответов на это задание, дети турки 77%. Видно, что в этом возрасте есть разница в понимании вопросительных предложений на болгарском языке.

Результаты выполнения задания на *эвиденциальность* на болгарском языке представлены на рис. 9.

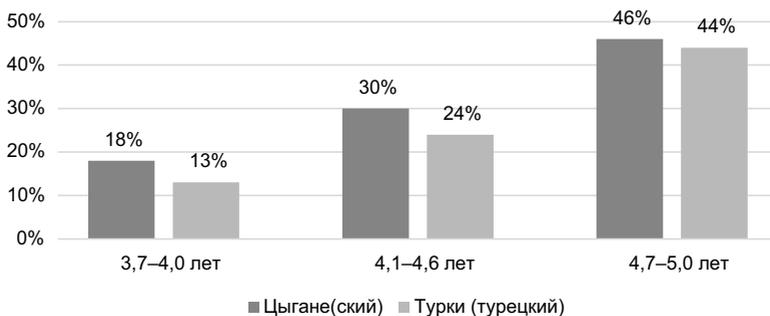

Рис. 9. Понимание заданий на эвиденциальность на болгарском языке (процент правильных ответов)

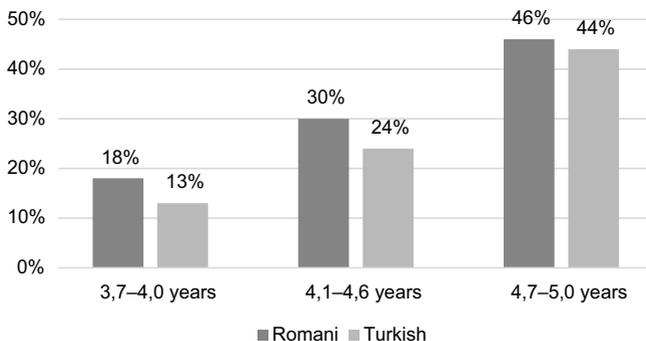

Fig. 9. Comprehension of Evidentiality task in Bulgarian

В данном случае дети ромского происхождения справились с заданием лучше, чем турки, но различия не имеют статистической значимости. Значимыми оказались расхождения только между первой и третьей возрастными группами. Как можно заметить, в возрасте около пяти лет дети из обеих этнических групп примерно одинаково владеют эвиденциальностью: 46% ромских детей и 44% из турецких детей успешно выполнили задание на болгарском языке.

Взаимосвязь результатов выполнения языковых тестов на болгарском языке и заданий на МПС

Влияние фактора понимания уточняющих вопросов на болгарском языке на первичные результаты выполнения заданий МПС-1, 2 и 3 (невербальный тест) оказалось статистически незначимым. Аналогичный результат был получен для влияния возрастного фактора. Тем не менее влияние фактора понимания уточняющих вопросов на болгарском языке на результаты задания МПС-4 (невербальный тест) статистически значимо ($F=7,95$; $p<0,006$). Размер эффекта малый ($\eta^2=0,08$).

Влияние фактора понимания эвиденциальности в болгарском языке на первичные показатели выполнения заданий МПС-1, 2 и 3 статистически незначимо.

Однако фактор родного языка ребенка значимо влиял на результаты выполнения невербального теста МПС-4 ($F=4,38$; $p<0,05$). Размер эффекта был малым ($\eta^2=0,04$).

Незначимым оказалось и влияние фактора возрастной группы на первичные результаты выполнения заданий МПС-1, 2 и 3 на болгарском языке. Однако для теста МПС-4 на болгарском языке это

влияние было значимым ($F=3,47$; $p<0,05$), хотя размер эффекта малый ($\eta^2=0,07$) (рис. 10).

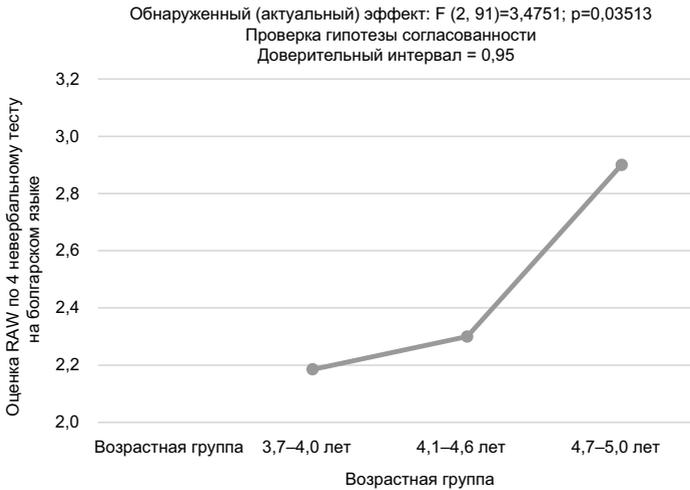

Рис. 10. Влияние возрастного фактора на первичные результаты выполнения невербального задания МПС-4 на болгарском языке

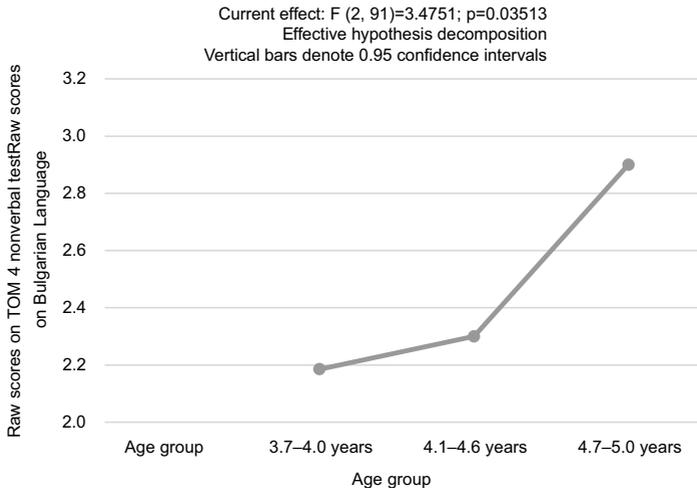

Fig. 10. Influence of the factor age group on the raw scores on the TOM 4-nonverbal test in Bulgarian

Обсуждение результатов

Данные, полученные в этом исследовании, несомненно представляют интерес для дальнейшего обсуждения.

Дети выполняли задания как на родном языке, так и на болгарском. Дети рома продемонстрировали лучшие результаты в задании МПС-1 на романи. Понимание вопросительных предложений связано с успешностью выполнения данного задания. Однако дети турецкого происхождения успешнее справились с невербальным тестом МПС-3 на турецком. При выполнении задания МПС-4 имело значение влияние родного языка, и дети рома выполнили его лучше. Возраст играет важную роль в выполнении заданий МПС-1 и МПС-4.

Что касается задания на эвиденциальность и взаимосвязи его результатов с результатами выполнения задания МПС-1, то выявились следующие тенденции.

Родной язык влияет на результаты невербального теста МПС-3: дети из турецких семей справлялись с ним лучше, чем рома. Понимание задания на эвиденциальность играет важную роль в связи с результатами выполнения заданий МПС-1, 3 и 4. Возраст определяет успешность выполнения невербальных заданий МПС-3 и 4.

При выполнении заданий на болгарском языке были получены следующие данные. В отношениях между пониманием уточняющих вопросов и выполнением заданий на МПС возраст играет важную роль только для задания МПС-1, в результатах которого наблюдаются статистически значимые различия между группами. Тем не менее никакого влияния понимания уточняющих вопросов на успешность выполнения заданий МПС-1, 2 и 3 на болгарском языке зафиксировано не было. При выполнении невербального задания МПС-4 наблюдалось определенное воздействие фактора родного языка на показатели испытуемых: дети рома справились лучше, чем их сверстники из турецких семей. При выполнении этого задания возраст играл важную роль вместе с пониманием уточняющих вопросов. Чем старше были дети, тем успешнее они справлялись с задачей, и различия между возрастными группами можно считать статистически значимыми.

Что касается взаимоотношений между результатами выполнения тестов на эвиденциальность и МПС на болгарском языке, то несмотря на то, что дети, говорящие на романи, лучше справлялись с первым заданием, их показатели не имели статистически значимого влияния на успешность выполнения болгарской версии заданий МПС-1, 2 и 3. Важно отметить существующую взаимосвязь тестов на эвиденциаль-

ность с результатами невербального теста МПС-4. При выполнении этого задания возраст также играет важную роль. Понимание категории эвиденциальности в болгарском языке напрямую связано с успешностью выполнения задания МПС-4.

Выводы

Основная цель работы была достигнута. За последние десять лет в мире увеличилось количество психологических исследований, посвященных теории сознания у детей с низким социальным статусом. Но впервые исследование этой проблемы проводится на примере ромских детей, которые не только имеют низкий социальный статус, но и подвергаются сильной дискриминации в обществе в плане школьного образования и сегрегации. Сравнение результатов ромских детей с турецкими детьми в Болгарии, которые также имеют невысокий социальный статус, показывает, что, несмотря на различия двух групп детей в социальном статусе, обе группы относительно хорошо справляются с данными тестами. В психологической и психолингвистической литературе на данном этапе нет подобных исследований — сравнения двух групп с низким социальным статусом, но одна из которых подвергается более высокой дискриминации, и в этом смысле наша работа представляется новаторской.

Исследования определенно показали, что существует связь между пониманием тестов теории СОЗНАНИЯ и языком. Дети лучше понимают тесты на родном языке, потому что их знания по родному языку лучше. По мере взросления они также продемонстрировали понимание психологических задач на болгарском языке (их втором языке), который они приобрели в детском саду. Таким образом, социальный статус детей не играет роли в формировании теории сознания. Здесь важна степень развития родного и второго языков.

Первая гипотеза о том, что владение определенными грамматическими категориями может выступать в качестве фактора, помогающего детям-билингвам понимать модель психического состояния, отчасти подтвердилась. Понимание уточняющих вопросов и эвиденциальности как грамматической категории родного языка помогает детям в лучшем выполнении отдельно взятых вербальных и невербальных тестов на МПС.

Вторая гипотеза о структуре языков, используемых детьми-билингвами, и ее влиянии на более раннее развитие понимания заданий на ложные убеждения также отчасти подтвердилась. Однако в данном исследовании не было обнаружено доказательств того, что

дети, говорящие на романи и понимающие категорию уточняющих вопросов и эвиденциальности в родном языке, лучше справлялись с вербальными и невербальными тестами. То же самое справедливо и для детей из турецких семей.

Гипотеза о том, что низкий уровень владения болгарским как вторым языком усложняет процесс понимания заданий на МПС, подтвердилась частично. В большинстве случаев недостаточное владение языком мешало лучшему пониманию заданий на ложные убеждения на болгарском. Зато с невербальными тестами дети успешно справлялись.

Последняя гипотеза, предполагавшая, что место жительства детей может служить фактором, влияющим на развитие МПС, не подтвердилась. Обе группы билингвов продемонстрировали схожие тенденции в выполнении заданий, и оттого, где они жили, это не зависело.

Исследование также позволило сделать вывод о том, что в ряде культур, где устные традиции играют важную роль в когнитивном и речевом развитии детей, например, у рома, классические тесты для оценки МПС недостаточно эффективны. В таких случаях адекватнее было бы использовать задания, специально адаптированные с учетом культурных особенностей (Kyuchukov, de Villiers, 2009).

Почему развитие понимания заданий на ложные убеждения у детей-билингвов имеет такое значение? Дело даже не в том, что это важно для специалистов по психологии развития, данные соответствующих исследований окажутся полезными и для педагогов. Дети, у которых развито понимание психических процессов других людей, намного лучше подготовлены к процессу овладения грамотой в начальных классах, потому что, как пишет де Виллиерс в некоторых из своих публикаций (de Villiers, Pyers, 2002; de Villiers, 2004; de Villiers, de Villiers, 2014), язык и особенно развитый синтаксис попомагает пониманию психических процессов.

Литература

- Кючуков Хр. (2018). Предизвикателството. Велико Търново: Faber.
- Полихронов Д. (2019). Ограмотяване в мултикултурна среда в първи клас-педагогически модел // Годишник на СУ «Св. Кл. Охридски». Кн. Педагогика. Т. 112. С. 165–231.
- Танкова Р. (2016). Методика на обучението по български език и литература в началното училище. Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски».

Терзиева М., & Капинова Е. (2016). Приказките на различни етноси и народи в езиково-литературното обучение на децата от три до десетгодишна възраст. София: Бит и техника.

Anderson, J. et al. (2017). The language and social background questionnaire: assessing degree of bilingualism in a diverse population. *Behaviour Research Methods*, 50, doi:10.3758/s13428-017-0867-9

Astington, J. (2000). *Minds in the Making*. Malden: Blackwell Publisher.

Astington, J. (1993). *The child's discovery of the mind*. Cambridge: Harvard University Press.

Bartsch, K., Wellman, H. (1995). *Children talk about the mind*. Oxford: Oxford University Press.

Berguno, G., & Bowler, D. (2004). Communicative Interactions, Knowledge of a Second Language, and Theory of Mind in Young Children. *The Journal of Genetic Psychology*, 165(3), 293–309. doi: 10.3200/GNTP.165.3.293-309.

de Villiers, J. (2004). Cultural and linguistic fairness in the assessment of semantics. *Seminars in Speech and Language*, 25(1), 73–90. doi: 10.1055/s-2004-824827.

de Villiers, J., Pyers, J. (2002). Complements to cognition: a longitudinal study of the relationship between complex syntax and false-belief-understanding. *Cognitive Development*, 17(1), 1037–1060.

de Villiers, J. and de Villiers, P. (2014). The role of language in theory of mind development. *Topics in Language Disorders*, 34(4), 313–328. doi: 10.1097/TLD.0000000000000037.

Doherty, M. (2008). *Theory of Mind. How children understand the Others' Thoughts and Feelings*. Hove: Psychology Press.

Dunn, J. (1988). *The beginnings of social understanding*. Cambridge: Harvard University Press.

Du Preez, P. (1991). *A science of mind*. London: Academic Press.

Ekiert, M. (2005). The bilingual brain. Teachers College, Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics, 3(2). from <http://journals.tclibrary.org/index.php/tesol/article/view/31> (review date: 06.04.2020).

Goetz, P. (2003). The effect of bilingualism on the theory of mind development. *Bilingualism: Language and Cognition*, 6(1), 1–15.

Carpendale, J., Lewis, Ch. (2006). *How children develop social understanding*. Malden: Blackwell.

Carpendale, J., Muller, U. (2004). *Social interaction and the development of knowledge*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Carpendale, J., Lewis, Ch., Muller, U. (2018). *The development of children's thinking. Itssocial and communicative foundations*. London: SAGE Publications.

Cho, I. (2020). *The Relationship between Theory of Mind and Executive Function: Are They Two Facets of the Same Process or Two Distinct Processes?* Electronic Thesis and Dissertation Repository (Retrieved from <https://ir.lib.uwo.ca/etd/6810>).

Grosjean, F. (2013). Bilingualism: A short introduction. In Grosjean, F. & Li, P. (Eds.), *The psycholinguistics of bilingualism* (pp. 5–25). Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Kyuchukov, H. (2007). Turkish and Roma children learning Bulgarian. V. Tarnovo: Faber.

Kyuchukov, H. (2020). Are the Mental State Verbs Important for Roma Children's Understanding of false Belief Task. *Psycholinguistics*, 27(1), 181–194.

Kyuchukov, H. (2010). Cognitive Development and Theory of Mind in Bilingual Children. In B. Bokus (Eds.), *Studies in the Psychology of Language and Communication* (pp. 211–225). Warsaw: Matrix.

Kyuchukov, H. and de Villiers, J. (2009). Theory of Mind and Evidentiality in Romani-Bulgarian Bilingual children. *Psychology of Language and Communication*, 13(2), 21–34.

Kyuchukov, H. (2016). Bilingualism and cross-cultural study of language and cognitive development. *Psycholinguistics*, 20 (1), 154–161.

Piaget, J. (1926). *The language and thought of the child*. London: Kegan Paul.

Piaget, J. (1928). *Judgement and reasoning in the child*. London: Kegan Paul.

Piaget, J. (1929). *The child's conception of the world*. London: Kegan Paul

Perner, J. (1995). Theory of Mind. In Bennett, M. (Eds.), *Developmental Psychology* (pp. 205–230). Philadelphia: Psychology Press.

Perner, J. and Aichhorn, M. (2008). Theory of mind, language and temporoparietal junction mystery. *Trends in Cognitive Science*, 12(4), 123–126.

Sabourin, L. et al. (2016). Language processing in bilinguals. Evidence from lexical organization and cognitive control. *EUROSLA Yearbook*, 16 (1), 1–24 <https://doi.org/10.1075/eurosla.16.01sab>

References

Anderson, J. et al. (2017). The language and social background questionnaire: assessing degree of bilingualism in a diverse population. *Behaviour Research Methods*, 50. doi:10.3758/s13428-017-0867-9

Astington, J. (2000). *Minds in the Making*. Malden: Blackwell Publisher.

Astington, J. (1993). *The child's discovery of the mind*. Cambridge: Harvard University Press.

Bartsch, K., H. Wellman (1995). *Children talk about the mind*. Oxford: Oxford University Press.

Berguno, G., Bowler, D. (2004). Communicative Interactions, Knowledge of a Second Language, and Theory of Mind in Young Children. *The Journal of Genetic Psychology*, 165 (3), 293–309, doi: 10.3200/GNTP.165.3.293-309

de Villiers, J. (2004) Cultural and linguistic fairness in the assessment of semantics. *Seminars in Speech and Language*, 25(1), 73–90. doi: 10.1055/s-2004-824827

de Villiers, J., Pyers, J. (2002). Complements to cognition: a longitudinal study of the relationship between complex syntax and false-belief-understanding. *Cognitive Development*, 17(1), 1037–1060.

de Villiers, J. and de Villiers, P. (2014). The role of language in theory of mind development. *Topics in Language Disorders*, 34 (4), 313–328. doi: 10.1097/TLD.0000000000000037

Doherty, M. (2008). *Theory of Mind. How children understand the Others' Thoughts and Feelings*. Hove: Psychology Press.

Dunn, J. (1988). *The beginnings of social understanding*. Cambridge: Harvard University Press.

Du Preez, P. (1991). *A science of mind*. London: Academic Press.

Ekiert, M. (2005). *The bilingual brain*. Teachers College, Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics, 3(2). (Retrieved from <http://journals.tclibrary.org/index.php/tesol/article/view/31> (review date: 06.04.2020)).

Goetz, P. (2003). The effect of bilingualism on the theory of mind development. *Bilingualism: Language and Cognition*, 6(1), 1–15.

Carpendale, J., Lewis, Ch. (2006). *How children develop social understanding*. Malden: Blackwell.

Carpendale, J., Muller, U. (2004) *Social interaction and the development of knowledge*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Carpendale, J., Lewis, Ch., Muller, U. (2018). *The development of children's thinking. Itssocial and communicative foundations*. London: SAGE Publications.

Cho, I. (2020). *The Relationship between Theory of Mind and Executive Function: Are They Two Facets of the Same Process or Two Distinct Processes?* Electronic Thesis and Dissertation Repository (Retrieved from <https://ir.lib.uwo.ca/etd/6810>).

Grosjean, F. (2013). *Bilingualism: A short introduction*. In Grosjean, F. & Li, P. (Eds.), *The psycholinguistics of bilingualism* (pp. 5–25). Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Kyuchukov, H. (2007). *Turkish and Roma children learning Bulgarian*. V. Tarnovo: Faber.

Kyuchukov, H. (2020). Are the Mental State Verbs Important for Roma Children's Understanding of false Belief Task. *Psycholinguistics*, 27(1), 181–194.

Kyuchukov, H. (2010). *Cognitive Development and Theory of Mind in Bilingual Children*. In B. Bokus (Eds.), *Studies in the Psychology of Language and Communication* (pp. 211–225). Warsaw: Matrix.

Kyuchukov, H., de Villiers, J. (2009). *Theory of Mind and Evidentiality in Romani-Bulgarian Bilingual children*. *Psychology of Language and Communication*, 13(2), 21–34.

Kyuchukov, H. (2016). *Bilingualism and cross-cultural study of language and cognitive development*. *Psycholinguistics*, 20(1), 154–161.

Kyuchukov, H. (2018). *The challenge*. V. Tarnovo: Faber.

Piaget, J. (1926). *The language and thought of the child*. London: Kegan Paul.

Piaget, J. (1928). *Judgement and reasoning in the child*. London: Kegan Paul.

Piaget, J. (1929). *The child's conception of the world*. London: Kegan Paul

Perner, J. (1995). *Theory of Mind*. In Bennett, M. (Eds.), *Developmental Psychology* (pp. 205–230). Philadelphia: Psychology Press.

Perner, J. and Aichhorn, M. (2008). *Theory of mind, language and temporoparietal junction mystery*. *Trends in Cognitive Science*, 12(4), 123–126.

Polihronov, D. (2019). *literacy in a multicultural environment in the first grade is a pedagogical model*. *Yearbook of Sofia University "SV. CL. Ohrid". The book of Pedagogy*, 112, 165–231.

Sabourin, L. et al. (2016). Language processing in bilinguals. Evidence from lexical organization and cognitive control. *EUROSLA Yearbook*, 16 (1), 1–24 <https://doi.org/10.1075/eurosla.16.01sab>.

Tankova, R. (2016). Methods of teaching Bulgarian language and literature in primary school. Plovdiv: UI «Paisii Hilendarski».

Terzieva, M., & Kapinova, E. (2016). Fairy tales of different nationalities and peoples in the linguistic and literary education of children from three to 10 years old. Sofia: Bit i tehnika.

Статья получена: 29.04.2022;
принята: 20.06.2022;
отредактирована: 20.11.2022.

Received: 29.04.2022;
accepted: 20.06.2022;
revised: 20.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Христо Славов Кючуков — доктор педагогических наук, доктор по лингвистике Амстердамского университета, профессор общей лингвистики, директор Ромского исследовательского центра Силезского университета, hkyuchukov@gmail.com, hristo.kyuchukov@us.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0002-1965-8908>

ABOUT THE AUTHOR

Hristo Kyuchukov — Doctor of Sciences (DrSc) in the field of Educational Science and Ph.D. in General Linguistics from the University of Amsterdam, Director of the Roma Research Centre, Currently he is Professor at the University of Silesia, hkyuchukov@gmail.com, hristo.kyuchukov@us.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0002-1965-8908>

УДК: 159.923, 316.6
doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

Научная статья

ПРОБЛЕМА КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.А. Ильин¹, Н.Г. Салмина², Е.В. Звонова*³

^{1, 3} Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
va0405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>

² МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
salmina2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7772-0872>

³ zevreturn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9271-8367>

* Автор, ответственный за переписку: zevreturn@yandex.ru

Актуальность. Межкультурное взаимодействие является основой позитивного развития в современном мире. Однако, ситуации конфликтов и кризисов серьезно нарушают кросс-культурную коммуникацию. Анализ результатов исследований, проведенных в разных странах и в разных ситуациях, дает возможность выявить психологические основы преодоления негативных последствий нарушения межкультурного взаимодействия.

Цель. Изучение опыта исследования проблемы кросс-культурной коммуникации.

Метод. Обзор зарубежной литературы.

Результаты. Результаты анализа современных работ, посвященных кросс-культурной коммуникации, выявили следующую проблему. При том что характеристики, обусловленные принадлежностью изучаемых групп к разным культурам, признаются в качестве ведущей детерминанты исследования, отсутствует собственно социально-психологическая типологизация культур, что не позволяет выстраивать прогностический анализ взаимодействия их представителей друг с другом. В исследованиях описаны различные виды непрямого, замещающего контакта, условия которого позволяют устанавливать позитивные взаимоотношения, что особенно актуально в ситуациях затяжных системных политических и экономических кризисов. Исследователи считают, что сложились объективные условия для функционирования интеркультурной психологии, и что для оценки эффективности предлагаемых психологами средств кросс-культурной коммуникации необходимо широкое междисциплинарное сотрудничество.

Выводы. Выявлена роль семиотического подхода в исследовании кросс-культурной коммуникации: поскольку различия существуют на уровне куль-

турных кодов, смысловой аспект взаимодействия представителей разных культур составляет источник возможных непонимания и противоречий. Рассмотрена роль опосредствованного (индирективного, замещающего контакта), создающего условия не только для понимания представителей взаимодействующих групп, но и изменения отношения ко всем представителям иной культуры и даже к представителям тех культур, которые не участвуют в замещающем контакте. Этот эффект рассматривается как интеркультурная компетенция.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, группы, ситуация взаимодействия, тип контакта, интеркультурализм, «диалог культур», искусство, эффективность коммуникации, междисциплинарные исследования.

Для цитирования: Ильин В.А., Салмина Н.Г., Звонова Е.В. Проблема кросс-культурной коммуникации в зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 92–114. doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

doi: 10.11621/vsp.2022.03.04

Scientific Article

THE PROBLEM OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN FOREIGN RESEARCHES

Valery A. Ilyin¹, Nina G. Salmina², Elena V. Zvonova^{3*},

¹ Russian State Social University, Moscow, Russia, va0405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>

² M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, salmina2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7772-0872>

³ Russian State Social University, Moscow, Russia, zevreturn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9271-8367>

* Corresponding author: zevreturn@yandex.ru

Background. Intercultural interaction is the basis of positive development in the modern world. However, situations of conflicts and crises seriously disrupt cross-cultural communication. An analysis of the results of studies conducted in different countries and in different situations makes it possible to identify the psychological foundations for overcoming the negative consequences of violations of intercultural interaction.

Objective. Present the experience of researching the problem of cross-cultural communication.

Methods. Review of foreign literature.

Results. An analysis of modern research on the problems of cross-cultural communication has shown that, with the unconditional recognition of the characteristics of the cultures to which the studied groups belong as the leading determinant of the study, there is no socio-psychological typology of cultures, which does not allow building a predictive analysis of the interaction of representatives of different cultures. The studies describe various types of indirect, substitutive contact, the conditions of which allow establishing positive relationships, which is especially important in situations of protracted systemic political and economic crises. Researchers believe that objective conditions have developed for the functioning of intercultural psychology and that broad interdisciplinary cooperation is necessary to evaluate the effectiveness of the means of cross-cultural communication offered by psychologists.

Conclusion. The role of the semiotic approach in the study of cross-cultural communication is revealed. Since cultural differences are combined at the level of cultural codes, the semantic aspect of the combination of different cultures is a source of possible misunderstandings and contradictions. Mediated, substitute, indirect contacts of people help to overcome misunderstandings and create a basis for active intercultural cooperation. In this case, conditions are created not only for understanding the representatives of contacting cultures, but the understanding of all representatives of a different culture improves. The attitude towards representatives of cultures that do not participate in substitutive contact also improves. This effect is considered as intercultural competence.

Keywords: cross-cultural communication, groups, situation of interaction, type of contact, interculturalism, “dialogue of cultures”, art, communication efficiency, interdisciplinary research.

For citation: Ilyin, V.A., Salmina, N.G., Zvonova, E.V. (2022). The Problem of Cross-Cultural Communication in Foreign Researches. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 92–114. doi: 10.11621/vsp.2022.04.03

Введение

Сотрудничество людей из разных культур стало нормой в эпоху глобализации. Международные проекты, профессиональные стажировки за границей, поддержка и консультации для мигрантов — во многих областях деятельности важно психологически правильно общаться с людьми другой культуры. Условия и факторы достижения успехов, преодоления ошибок и барьеров кросс-культурной коммуникации являются актуальной темой современной социальной психологии.

Цель работы — представить зарубежный опыт исследования проблемы кросс-культурной коммуникации.

Анализ основных тенденций в исследованиях кросс-культурной коммуникации

Актуальные исследования кросс-культурной коммуникации можно условно поделить на две большие группы. Первая фокусирует свое внимание на фиксации и изучении характеристик поведения отдельных представителей конкретных культурных групп во взаимодействии с представителями иных культур, а также, что, на наш взгляд, принципиально важно, рассматриваются виды опосредствованного взаимодействия в контексте обсуждения и комментирования исторических и социальных процессов. В этой парадигме априори признается, что различия в поведении порождены различиями культуры, которые определяют «образ другого», представителя иной культуры (Crisp, Turner, 2012), что и является основной детерминантой общей направленности отношения и поведения (Dawel et al., 2019). Однако анализ литературы показывает, что многочисленные исследования не позволяют сформулировать фундаментальные выводы, поскольку нет возможности собрать метаданные. Это связано, в первую очередь, с недостаточностью диагностического и иного исследовательского инструментария, что отражается в активных поисках в области методологии, дизайна исследования и измерения в социальной психологии (Kim et al., 2014). Насущная проблема — это определение культурных групп, поскольку есть общности, которые не так часто попадают в ракурсы психологических исследований и сами по себе представляют неоднородные конгломерации очень разных групп (например, коренные жители США, жители Кавказа или Австралии), поэтому данные, полученные в одной или нескольких таких выборках, могут не подтвердиться в других. Существует большая проблема с определением состава группы с учетом вероисповедания. Кроме этого, необходимо признать, что происходит очень быстрое изменение социума практически во всех странах и особенно в развитых, где постепенно снижается число монокультурных групп (там же).

Второй вид исследований изучает «культуру изнутри» (пытается выстроить не отдельно фиксируемые частные различия, а стремится сформулировать фундаментальные, «глубинные», системные причины различий) в рамках исследований групповых и индивидуальных конструкций, которые организуют процесс понимания самого себя,

других, а также процесс создания социальной реальности. В последнее десятилетие данное направление значительно расширилось за счет развития научной рефлексии в самой психологической науке, в первую очередь, в культурно-исторической психологии. Подобные исследования фокусируются на анализе влияния культуры на теоретические и исследовательские парадигмы в психологии (Liu, Gallois, 2014).

Признавая, что психологические теории культурно связаны с научной парадигмой, моделью познаваемого внутреннего мира человека, детерминирующими поведение ценностями, выступающими оригинальной точкой отсчета, маркирующей исторический, философский, политический и религиозный контексты, вектор данных исследований определяет перспективы дальнейшего развития интеркультуры. Непрерывный контакт, эффективная коммуникация и взаимодействие в разных областях является современным контекстом прогресса цивилизации, а кросс-культурная и культурная психология создают методологическую основу для обсуждения становления «межкультурной психологии», которая сможет найти объяснительные парадигмы и теоретическую модель для потенциального исследования общностей любых типов, включая народы Азии, коренных жителей Южной Америки и Австралии (Liu, Gallois, 2014). Такой теоретической моделью может стать, например, типология культур, позволяющая проводить анализ с учетом многих составляющих, в том числе, религии. Предметом межкультурной психологии становится кросс-культурная коммуникация, специфика которой позволяет раскрывать и исследовать процессы развития взаимодействий с другими людьми, отличающимися в культурном отношении. Научно обоснованные знания различий между группами способствуют не только межгрупповым отношениям, но и межкультурному пониманию (Thomas, 2016) и приводят к дальнейшему взаимовыгодному обогащению и развитию.

Роль контекста в исследованиях кросс-культурной коммуникации

Почему вопросы коммуникации не могут рассматриваться и решаться без углубленного, целенаправленного анализа широкого социально-психологического контекста? Во-первых, любое общение, взаимодействие есть в первую очередь акт социально-психологический, включающий не только проявление и фиксацию непосредственного поведения, но рассматривающий поведение как сложный

продукт взаимодействия внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов. Во-вторых, коммуникация осуществляется с помощью специальных вербальных и невербальных средств (звук, слова, знаки, жесты, дистанция и другое), которые не обязательно имеют единую интерпретацию у представителей разных культур (Hornsey, Gallois, Duck, 2008). В-третьих, коммуникация осуществляется в определенном контексте взаимоотношений (куда включается не только отношение к представителю иной культуры, но также и собственное представление о себе самом и о том, как представитель другой культуры относится к другим), и целью коммуникации выступает установление взаимоотношений, способствующих взаимно полезной деятельности. В таком случае социальная психология изучает не только и не столько общий контекст поведенческого набора, сколько направленность поведенческой стратегии, которая обусловлена образом мира, сложившимся у представителей отдельных культур.

Необходимо обратить внимание на то, что сам термин «кросс-культурная коммуникация» появляется, оформляется и развивается в рамках анализа делового (политического, социального, бизнес-) взаимодействия больших групп людей и масс. И отдельный человек в концепции кросс-культурного взаимодействия, прежде всего, рассматривается как представитель отдельной большой группы, принадлежность к которой проявляется не только на осознаваемом и контролируемом уровне, но в большей степени — на макроуровне коллективного бессознательного, архетипического, принимаемого и используемого стихийно в социальных межкультурных контактах.

С самого начала изучения проблема кросс-культурной коммуникации предполагала анализ, «который исследует содержание, структуру, интеграцию и конфигурации культуры» и позволяет выявлять (возможно, и создавать) синтезы культурных систем (Hall, Trager, 1953, p. 3). Установление системы отсчета, позволяющей анализировать любую культуру, выступает ключевым вопросом исследования взаимосвязи между социальными структурами, социальными процессами и принципами опосредствования (использования средств различных языков, в том числе и невербальных), приводящими к созданию символических структур. Таким образом, проблема кросс-культурной коммуникации традиционно опирается на семиотический подход, стремится к установлению принципов кодирования/декодирования в коммуникативном процессе, исходя из «логики культуры». Недопонимание, ложное декодирование, искажение смыслов происходит потому, что кросс-культурная коммуникация

всегда представляет форму «системно искаженной информации» (Hall, 1973).

Следующий вопрос — это вопрос о ситуации, создающей контекст коммуникативного процесса, поскольку большое значение имеет степень внедрения субъекта или группы субъектов в иную культуру, где начинается (или нет) адаптация и аккультурация (Berry, Sam, 1997). И, хотя данные понятия широко используются в социальной психологии, существуют разные мнения и теоретические позиции, каким образом индикаторы указанных процессов формализовать и измерять. До настоящего времени остаются открытыми вопросы, влияет ли аккультурация на все контактирующие группы, можно ли считать адаптацию взаимным процессом, и является ли он необратимым, возможно ли выстраивать экспериментальные планы, подразумевающие одномерную фиксацию, или данные процессы многомерны и допускают возможные вариации (Berry, 2003). Процессы адаптации и аккультурации имеют место в ситуации неравного взаимодействия, когда представитель (или представители) одной культуры стараются влиться и начать функционировать в социуме с уже сложившимися нормами, доминирующими в разных жизненных планах: бытовом, профессиональном, семейном и других.

Обычно в центр внимания исследований, посвященных изучению вхождения представителей одних культур в общество, принадлежащее другой культуре, попадают группы людей (как правило, компактно проживающие, что позволяет собирать репрезентативные данные), изначально обладающие небольшими возможностями не только к аккультурации, но даже к первичной адаптации в принимающем сообществе (недостаточный уровень образования, слабое знание языка, отсутствие интереса к истории и традициям страны, низкий уровень самооценки и представления о самоэффективности, комплекс жертвы, низкий уровень социальной и профессиональной мобильности и пр.). Интересно отметить, что проблемы адаптации, обнаруженные у наиболее уязвимых слоев населения (мигранты, беженцы), выявлены также у студентов из Индии, у которых проявляется социальное несоответствие, а также возникают академические и финансовые сложности (Meghani, Harvey, 2016).

Совершенно иначе обстоит дело с изучением групп людей, обладающих убедительными основаниями для благополучной интеграции в принимающую культуру на индивидуальном или семейном уровне (образование, профессионализм, высокий уровень благосостояния, известность и пр.). Исследования такого рода крайне малочисленны.

Редким примером является изучение адаптации и аккультурации пожилых мигрантов, стареющих в чужой стране (Jetten et al., 2018). Особо следует отметить в этой связи дефицит исследований групп людей, зачастую не имеющих перечисленных выше существенных предпосылок успешной аккультурации, но тем не менее сумевших не только интегрироваться в принимающее сообщество, но и достичь в нем достаточно высокого социального статуса.

Принципиально отличная ситуация межкультурной коммуникации (и это нужно совершенно однозначно разделять) в случае делового (политического, культурного, профессионального и иного) взаимодействия (Hall, Hall, 1987), в котором есть признаваемые и принимаемые участниками коммуникации цели, заданный временной период (продолжительный или краткий, но определенный, оставляющий возможность через некоторое время пересмотреть условия сотрудничества или прекратить его), взаимная выгода и взаимное обогащение. Эта ситуация кросс-культурной коммуникации представляет паритетные, равноправные роли участникам. Реальные результаты в профессиональной (образовательной, бизнес-, культурной) сфере показывают убедительные преимущества коллаборации в области бизнес-образования (Kornfeld, Kara, 2015), открывающие возможность решать технологические, ресурсные и социальные проблемы на уровне реального кросс-культурного сотрудничества (Stigson, Stigson, 2015). Новые возможности открываются в реализации совместных сложных программ, например, в области космических исследований (Гущин и др., 2020).

По мнению ряда исследователей, взаимно обогащающие (не только в духовном, но и в финансовом, технологическом и иных планах) проекты в области культуры (Niederhauser, 2022) или спорта (Tian et al., 2015) за последние 50 лет в соответствии с ожиданиями цивилизации продемонстрировали преимущества мультикультурализма, позволяющего сохранить и развивать культурные и индивидуальные различия при формировании мультикультурной идентичности (Benet-Martínez, 2012). Концепция интеркультурализма, способности вести межкультурный диалог, не является шагом назад, а показывает способ формирования образа мира, допускающего и включающего в себя иные формы и логические обоснования бытия.

Наделение ситуации делового сотрудничества особым статусом продиктовано хрестоматийными положениями работы Г. Олпорта «Природа предубеждений»: «...благоприятными условиями плодотворного взаимодействия являются равноправные контакты

между группами для достижения общих целей при наличии институциональной поддержки и при условии, что данные контакты ведут к восприятию общих интересов и общей человечности между членами двух групп» (Allport, 1954, p. 281).

Именно эта область паритетного взаимодействия, «индирективного контакта» (Vezzali et al., 2014), строящегося в условиях кросс-культурной коммуникации и совместной деятельности, привлекает внимание исследователей последнего десятилетия. Возможно, это происходит из-за того, что уже выросло поколение «мультикультурных психологов», а результаты их экспериментов опровергают обязательное наличие противостояния культур, отмечая их взаимное дополнение в ситуации деловых кросс-культурных коммуникаций.

В современных исследованиях, посвященных интеграции деловых людей и квалифицированных специалистов, отмечается, что два аспекта модели аккультурации Д. Берри — культура наследия и культура принимающей страны — не вступают в противоречия, а выступают как два измерения, дополняющие друг друга в процессе интеграции. В паритетной, равноправной ситуации взаимодействия в бизнесе принадлежность к большинству или меньшинству не оказывает существенного влияния на эффективность кросс-культурной деловой коммуникации и успешность проектов (Liu, 2011).

Эмпирические исследования бикультурализма, нацеленные на изучение людей (мигрантов и экспатриантов), позиционирующих и ощущающих свою принадлежность к двум культурам, которые ранее в социологических исследованиях представлялись как «маргиналы», застрявшие между двумя мирами, показали, что данный феномен является растущим социальным явлением. И этому явлению уделяется значительное внимание в современной социальной психологии. Результаты метаанализа позволяют говорить о том, что существует значительная, сильная и положительная связь между бикультурализмом, психологической и социокультурной адаптацией (Nguyen, Benet-Martínez, 2013).

В целом в области изучения кросс-культурной коммуникации происходит активное развитие, в котором, при безусловном признании классиков, например, Д. Берри, предложившего принципы исследования идентичности, аккультурации и межкультурных отношений, звучат призывы к расширению диагностического инструментария, поиска новых экспериментальных планов, отказа от слепого следования признанным авторитетам и их мнениям (Ward, 2008). Ожидаемо, что оперативно отозвались на этот призыв специалисты, работающие

в области организационной психологии и менеджмента (Valenzuela, Flinchbaugh, Rogers, 2020), ориентированные на интернациональный бизнес (Peltokorpi, Zhang, 2022).

Профессиональное сотрудничество, творческие и деловые союзы, совместные проекты имеют высокий потенциал успешности в связи с социальной обусловленностью природы человека. Как показали лонгитюдные исследования, проведенные в США и Германии, циничные взгляды на человеческую природу могут нанести ущерб доходам людей. Именно представления о сути равноправной человеческой коммуникации и взаимодействии, мировоззренческий вектор сотрудничества, а не индивидуальные различия, диагностируемые при помощи «Большой пятерки факторов», имеют высокую степень корреляции с экономическими параметрами эффективности (Stavrova, Ehlebracht, 2016). Кроме психологических обоснований можно привести чисто экономические аргументы: люди, не имеющие высоких идеалов и игнорирующие нормы просоциального поведения, с большей вероятностью избегают сотрудничества и доверия, при этом они инвестируют значительные средства не в развитие и инновации, а в мониторинг, контроль, вооружение, средства безопасности и защиты.

Используя данные опроса, проведенного в 41 стране, исследователи представили тенденцию влияния социального контекста на выявленную взаимосвязь. «Связь между цинизмом и доходом зависит от социокультурной среды, в которой живет человек. В частности, в странах с высоким общественным цинизмом, высокими показателями асоциальности и низкими нормами просоциального поведения», циничные представления о природе человека оказывают меньшее статистическое влияние на экономическую успешность (Stavrova, Ehlebracht, 2016, p. 126).

Роль опосредствованных контактов в кросс-культурной коммуникации

Основным условием исследований кросс-культурной коммуникации выступает разделение межгрупповых контактов на различные виды. Поскольку существуют ситуации, когда стратегии, основанные на прямом контакте, трудно реализовать (например, в условиях сегрегации, затяжного конфликта, агрессии), а именно такой контекст социального взаимодействия и требует исследований, происходит поиск средств, способствующих установлению непрямого контакта и одного из его видов — замещающего контакта. Исследования

в этой области, опирающиеся на социально-когнитивную теорию А. Бандуры, начатые С. Райтом и его коллегами в 1997 году (Wright et al., 1997), в основном представляли собой экспериментальные разработки (Goldstein, Cialdini, 2007). Однако фундаментальная работа, основанная на анализе и собственных экспериментальных сериях, позволила Л. Веццали с коллегами разработать и представить обобщенную модель замещающего контакта, которая включила как обязательный компонент формы опосредствованного социального взаимодействия (Vezzali et al., 2014). Сравнение характеристик восприятия «модераторов» коммуникации (артефактов, замещающих людей), представляющих характеристики иных групп, например, специально снятых видеоклипов (Mazziotta, Mummendey, Wright, 2011) или чтения художественной литературы (Vezzali, Stathi, Giovannini, 2012), позволило выявить равновеликие по силе воздействия результаты, повлекшие изменения поведения респондентов. Знакомство с иной культурой посредством видеоклипов или художественной литературы оказалось столь же успешным как непосредственное общение с представителями других культур. Предложенная Веццали с соавторами (Vezzali et al., 2014) модель учитывает когнитивные и аффективные процессы, происходящие на индивидуальном уровне (включение «другого в себя», самораскрытие в процессе понимания другого) и на уровне группы. Критериями оценки результатов выступают изменения поведения, которые в ситуации отсутствия непосредственного взаимодействия с аутгруппой проявляются в характеристиках готовности сделать выбор артефакта иной культуры для знакомства, расширения круга увлечений, обращения к наследию других культур и т.п. В современных исследованиях подчеркивается роль искусства как вспомогательного средства косвенного контакта с другой культурой, актуализирующего модель «эмпатия — отношение — действие» (Taylor, Glen, 2019).

Готовность, стремление к кросс-культурной коммуникации возникает в среде, свободной от страха перед незнакомым, а также при наличии взаимопонимания и переживания эмпатии. Создание подобной среды определяется в гораздо большей степени аффективно-эмоциональными, чем рационально-познавательными процессами (Rodenberg, 2019).

Интересно отметить, что современные исследователи указывают на недостаточность четырех условий успешной коммуникации, выделенных Г. Олпортом (Pettigrew, Tropp, 2006), не акцентируя, что автором названо еще пятое гуманистическое условие («пятый эле-

мент») — комфортный для сторон нравственный и аффективный аспект (Allport, 1954), взаимодействие на уровне высших человеческих смыслов, которые может транслировать искусство.

Развитие средств массовой информации и средств коммуникации позволяет изучать расширяющиеся возможности непрямого, индирективного контакта, выделяя его отдельные виды, как, например, парасоциальный контакт, который включает в себя простое знакомство с чужой группой через средства массовой информации (White et al., 2021). Многообещающие результаты демонстрируют метааналитические исследования еще одной формы непрямого контакта, которая приобрела актуальность в последние годы (Miles, Crisp, 2014). Это форма кросс-культурной коммуникации, состоящая в мысленном моделировании позитивного взаимодействия между собой и воображаемым партнером чужой группы (Crisp, Turner, 2012). Такая ситуация непрямого контакта с потенциальной возможностью мысленного моделирования возникает в социальных сетях (White, Maunder, Verrelli, 2020), где совместное онлайн-взаимодействие просто на уровне синхронного чата демонстрирует высокий уровень эффективности даже в ситуациях застарелого многолетнего конфессионального противостояния в Северной Ирландии (White et al., 2018).

Современные средства массовой информации создают большие возможности для замещающего контакта в целях нормализации взаимоотношений. Средством опосредствованного взаимодействия становится искусство. Так, например, в 1994 году организация LaBenevolencia в Руанде в течение года организовывала радиотрансляцию мьльной оперы, где жизненные перипетии сталкивали, влюбляли, разлучали, воссоединяли и т.д. представителей враждующих народов. Исследователи отмечают, что это была удачная попытка способствовать примирению между народами хуту и тутси (Paluck, 2009).

Контакт при помощи искусства отличается от воображаемого, моделируемого контакта, так как в искусстве расставлены нравственные оценки, довольно прозрачна коллизия, художественные средства управляют эмоциональной оценкой, тогда как в воображаемом контакте модераторами могут выступать собственный опыт и сформировавшиеся предубеждения (Bagci, Stathi, Piyale, 2019).

Эффективность замещающего, индирективного, опосредствованного контакта в кросс-культурной коммуникации подтверждают результаты метаанализа, проведенного в 2006 году на материале более 500 исследований (Pettigrew, Tropp, 2006). Авторы отмечали, что меняется отношение не только к непосредственным участникам,

но и в целом к другой культуре, членам групп другой культуры и даже к тем группам, которые не участвовали в контакте.

Однако вопрос оценки качества вмешательства, его долговременная перспектива остается проблемной. Современные социальные психологи считают, что необходимо разделять результат, полученный в условиях эксперимента, и результат перенесения нового опыта коммуникации и взаимодействия в реальную жизнь. Для достоверной оценки социальной ситуации необходимо проводить междисциплинарные лонгитюдные исследования (Paluck, Green, Green, 2019).

Перспективы дальнейших исследований

Проведенный анализ позволяет обобщить положения о некоторых проблемных точках исследований кросс-культурной коммуникации:

1. Хотя в представленных работах ученые признают, что основной, смысловнесущей характеристикой, определяющей поведение, отношения, оценки представителей разных групп, является культура, отсутствует более-менее убедительная, обобщенная классификация (или типологизация) культур, позволяющая фиксировать своеобразие характеристик модели мира, свойственной определенной культуре. Также налицо явный дефицит углубленных исследований механизмов опосредствования культурой мировоззренческих установок и поведенческих паттернов ее носителей. Традиционно данные вопросы рассматриваются в рамках семиотического подхода. Одним из наиболее перспективных в данном ракурсе вариантов решения проблемы является типология культур, основанная на положениях теории В.С. Библера, предлагавшего определять тип культуры по принципам опосредствования, поскольку данные принципы соответствуют характеристикам типов мышления, протекания мыслительного процесса, детерминированного образом (моделью) мира (Салмина, Звонова, 2018). Использование объяснительной модели типологии культур позволит систематизировать многочисленные эмпирические данные и провести метаанализ, который не просто зафиксирует факт различий, но поможет выявлять, измерять и прогнозировать специфику реакции и устойчивых моделей поведения в зависимости от типа общества. Целенаправленное использование такой типологии будет способствовать более эффективному выделению и операционализации переменных в кросс-культурных исследованиях.

2. Исследователи кросс-культурной коммуникации признают роль смыслового аспекта во взаимодействии представителей разных

общностей, поскольку различия существуют на уровне условных кодов. Различное «наполнение», неверное декодирование, «системно искаженная информация» (Hall, 1973) приводит к непониманию — одной из важных причин межнациональных, межконфессиональных и иных конфликтов. Анализ содержания исследований культурных кодов позволяет выделить коды двух уровней, а именно: макроуровень, содержащий глубинные, универсальные, общечеловеческие темы и образы, которые затрагивают архетипичное, неизменное и общее для всех культур, что составляет основное зерно выстраиваемого смысла; и микроуровень, который создается разными системами языков (не только на уровне естественного языка, но и с помощью невербальных средств). Однако именно на уровне языков, присущих отдельным культурам (микроуровне), смысл фиксируется разными способами, что при неверном или пристрастном (под влиянием личного опыта, этноцентризма, предрассудков, предубеждений и стереотипов) декодировании приводит к искажению исходного посыла. Поэтому именно макроуровень, как глубинную общность, общечеловеческие темы существования, «пятый элемент», указывал Г. Олпорт в качестве условия преодоления предрассудков, и именно он является самым важным, системообразующим компонентом кросс-культурной коммуникации, которая может быть эффективной, если ее участники различают общее, общечеловеческое (макроуровень) и культурно обусловленное, микроуровень: средства и форму, структуру представления общечеловеческого контента. Такого рода практические компетенции являются важной составляющей при исследовании малознакомой культуры или анализе эволюции известной системы коммуникации в процессе подготовки специалистов в области международных, межнациональных или межконфессиональных отношений.

3. В исследованиях кросс-культурной коммуникации отмечается необходимость разделять, организовывать и исследовать разные виды ситуации взаимодействия: непосредственного (директивного контакта) и опосредствованного (индирективного или замещающего контакта во всех его многообразных проявлениях). Неоспоримое достоинство различных индирективных контактов в том, что они формируют доброе отношение и взаимопонимание не только людей, включенных во взаимодействие, но ко всем представителям иной культуры, и даже к тем культурам, которые не участвуют в замещающем контакте. Такой эффект можно рассматривать как интеркультурную компетенцию (Thomas, 2016). Ведущие представители

исследований в области замещающего контакта — например, его основоположник С.К. Райт — в настоящее время ратуют за сохранение, изучение всех, даже самых малочисленных культур и информирование о них, поскольку процессы глобализации ведут не к унификации, а к интеркультурализму, «диалогу культур», актуальному контексту современного развития. Разработанная на основе метаанализа данных большого количества исследований модель Л. Веццали и соавторов позволяет увидеть, что в ситуацию взаимодействия как одни из основных ее элементов оказываются включенными артефакты, продукты деятельности. Модель взаимодействия, предложенная Л. Веццали с коллегами, также предоставляет возможности: а) учитывать характеристики разного типа контактов, разрабатывая специфические экспериментальные планы и разделяя результаты и наблюдаемые социальные эффекты при исследовании контактов разного типа; б) включать в экспериментальный материал анализ артефактов, культурно значимых продуктов деятельности людей и использовать семиотический подход для их анализа, минимизируя таким образом потенциальные проявления этноцентризма и повышая объективный, безоценочный характер информации. В перспективе исследования интеркультурной компетенции позволят разделить актуальное состояние готовности субъекта к кросс-культурному взаимодействию и уровень потенциальной готовности к нему.

4. Еще одним направлением дальнейшего развития интеркультурной психологии является переход от исследования-констатации к исследованию-формированию, исследованию-развитию с фиксацией долговременного результата в области профилактики и разрешения конфликтов, преодоления негативных последствий сегрегации и изоляции, установлению продуктивного и выгодного взаимодействия. Видится перспективным осуществление на постоянной основе системного мониторинга эмпирических результатов текущих исследований по кросс-культурной проблематике с целью выдвижения на базе полученных данных углубленных гипотез второго уровня с последующей организацией целенаправленной экспериментальной проверки их справедливости.

5. Многочисленные исследования показывают эффективность использования искусства (в том числе направления поп-арт) как средства кросс-культурной коммуникации, что определяется: а) самой природой художественных образов, воплощающих коллективное бессознательное, архетипичное, обобщенно символическое, глубинную общность всего, по сути, человеческого; б) спецификой

средств художественной выразительности, с помощью которых автор сознательно (гениально или более-менее умело) управляет эмоциональной реакцией зрителя. Исследователи кросс-культурной коммуникации отмечают, что аффективно-эмоциональные процессы, запуская цепную реакцию «эмпатия — отношение — действие», играют более значительную роль, чем рационально-познавательные. Еще Л.С. Выготский обращал внимание на важность объективно-аналитического анализа художественных средств, что открывает большие горизонты организации и проведения обширных кросс-культурных экспериментов.

6. Практически во всех рассмотренных выше исследованиях подчеркивается необходимость обновления диагностического материала, а также важность метаанализа результатов многочисленных исследований, организации лонгитюдных исследований и сотрудничества представителей политологии, социологии, антропологии, экономики, маркетинга и иных наук для формулирования существенных выводов. Иными словами, речь идет об обязательном использовании полидисциплинарного подхода при изучении проблем кросс-культурной коммуникации, что в перспективе может привести к формированию отдельной научной дисциплины, предметом исследования которой являются кросс-культурные отношения на макро- и микроуровнях.

Современные творческие исследовательские группы, появление и успешное функционирование нового поколения «мультикультурных психологов», реализация междисциплинарных исследований создают убедительный потенциал для дальнейшего изучения современной кросс-культурной коммуникации.

Литература

Гущин В.И., Швед Д.М., Юсупова А.К., Суполкина Н.С., Чекалина А.И., Савинкина А.О., Лебедева С.А. Влияние моделируемых факторов межпланетного полета на автономизацию коммуникации изолированного международного гетерогендерного экипажа // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. 2020. Т. 54, № 3. С. 28–35. doi: 10.21687/0233-528X-2020-54-3-28-35

Салмина Н.Г., Звонова Е.В. Развитие символической функции в концепции диалога культур // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2018. № 2. С. 24–39. doi: 10.11621/vsp.2018.02.24

Allport, G. (1954). *The nature of prejudice*. New York, NY: Basic Books.

Bagci, S.C., Stathi, S., Piyale, Z.E. (2019). When imagining intergroup contact mobilizes collective action: The perspective of disadvantaged and advantaged

groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 69, 32–43. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.12.003

Benet-Martínez, V. (2012). Multiculturalism: Cultural, social, and personality processes. In K. Deaux, M. Snyder (Eds.), *The Oxford handbook of personality and social psychology* (pp. 623–648). Oxford University Press.

Berry, J.W. (2003). Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, G. Martin (Eds.), *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research* (pp. 17–37). Washington DC: American Psychological Association Press. doi: 10.1037/10472-004

Berry, J.W., Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In J.W. Berry, M.H. Segall, C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology*, vol. 3 (pp. 291–326). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.

Crisp, R.J., Turner, R.N. (2012). The imagined contact hypothesis. *Advances in Experimental Social Psychology*, 46, 125–182. doi: 10.1016/B978-0-12-394281-4.00003-9

Dawel, A., Wong, T.Y., McMorro, J., Ivanovici, C., He, X., Barnes, N., Irons, J., Gradden, T., Robbins, R., Goodhew, S.C., Lane, J., McKone, E. (2019). Caricaturing as a general method to improve poor face recognition: Evidence from low-resolution images, other-race faces, and older adults. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 25 (2), 256–279. doi: 10.1037/xap0000180

Goldstein, N.J., Cialdini, R.B. (2007). The spyglass self: A model of vicarious self-perception. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92 (3), 402–417. doi: 10.1037/0022-3514.92.3.402

Hall, E.T., Hall, M.R. (1987). *Hidden Differences: Doing Business with the Japanese*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday.

Hall, E.T., Trager, G.L. (1953). *The Analysis of Culture*. Washington, DC: Foreign Service Institute / American Council of Learned Societies.

Hall, S. (1973). Encoding and Decoding in the television discourse. Discussion Paper. University of Birmingham, Birmingham.

Hornsey, M.J., Gallois, C., Duck, J.M. (2008). The intersection of communication and social psychology: Points of contact and points of difference. *Journal of Communication*, 58 (4), 749–766. doi: 10.1111/j.1460-2466.2008.00412.x

Jetten, J., Dane, S., Williams, E., Liu, S., Haslam, C., Gallois, C., McDonald, V. (2018). Ageing well in a foreign land as a process of successful social identity change. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 13 (1). doi: 10.1080/17482631.2018.1508198

Kim, S.Y., Shen, Y., Hou, Y., Tilton, K.E., Juang, L., Wang, Y. (2015). Annual review of asian american psychology, 2014. *Asian American Journal of Psychology*. 6 (4), 291–332. doi: 10.1037/aap0000031

Kornfeld, B.J., Kara, S. (2015). Industry-university collaboration in sustainable manufacturing. *Procedia CIRP*, 29, 8 — 12. doi: 10.1016/j.procir.2015.02.207

Liu, S. (2011). Acting Australian and being Chinese: Integration of ethnic Chinese business people. *International Journal of Intercultural Relations*, 35 (4), 406–415. doi: 10.1016/j.ijintrel.2010.04.004

Liu, S., Gallois, C. (2014). Integrating intercultural communication and cross-cultural psychology: Theoretical and pedagogical implications. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2 (1). doi: 10.9707/2307-0919.1129

Mazziotta, A., Mummendey, A., Wright, S.C. (2011). Vicarious intergroup contact effects: Applying social-cognitive theory to intergroup contact research. *Group Processes & Intergroup Relations*, 14 (2), 255–274. doi: 10.1177/1368430210390533

Meghani, D.T., Harvey, E.A. (2016). Asian indian international students' trajectories of depression, acculturation, and enculturation. *Asian American Journal of Psychology*, 7 (1), 1–14. doi: 10.1037/aap0000034

Miles, E., Crisp, R.J. (2014). A meta-analytic test of the imagined contact hypothesis. *Group Processes and Inter-group Relations*, 17 (1), 3–26. doi: 10.1177/1368430213510573

Nguyen, A.-M.D., Benet-Martínez, V. (2013). Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44 (1), 122–159. doi: 10.1177/0022022111435097

Niederhauser, B. (2022). Salzburger Festspiele: Kartenverkauf wie im Rekordjahr 2019. APA — Austria Presse Agentur (Retrieved from <https://volksblatt.at/salzbürger-festspiele-kartenverkauf-wie-im-rekordjahr-2019>) (review date: 05.09.2022).

Paluck, E.L. (2009). Reducing intergroup prejudice and conflict using the media: A field experiment in Rwanda. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96 (3), 574–587. doi: 10.1037/a0011989

Paluck, E.L., Green, S.A., Green, D.P. (2019). The contact hypothesis re-evaluated. *Behavioural Public Policy*, 3 (2), 129–158. doi: 10.1017/bpp.2018.25

Peltokorpi, V., Zhang, L.E. (2022). Host country culture and language identification, and their workplace manifestations: A study on corporate expatriates in China and Japan. *Journal of International Management*, 28 (3), 18. doi: 10.1016/j.intman.2022.100926

Pettigrew, T.F., Tropp, L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90 (5), 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751

Rodenberg, P. (2019). Interkulturelle Wahrnehmung zwischen Angst, Neugier und Empathie. Gießen: Psychosozial-Verlag.

Stavrova, O., Ehlebracht, D. (2016). Cynical beliefs about human nature and income: Longitudinal and cross-cultural analyses. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110 (1), 116–132. doi: 10.1037/pspp0000050

Stigson, B., Stigson, P. (2015). A future resource and pollution constrained world — an agenda for a new partnership between business, governments and academia. *Technological Forecasting and Social Change*, 98, 255–259. doi: 10.1016/j.techfore.2015.05.010

Taylor, L.K., Glen, C. (2019). From empathy to action: Can enhancing host-society children's empathy promote positive attitudes and prosocial behaviour toward refugees? *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30 (2), 214–226. doi: 10.1002/casp.2438.

Thomas, A. (2016). Interkulturelle Psychologie: Verstehen und Handeln in internationalen Kontexten. Göttingen: Hogrefe Verlag.

Tian, L., Li, Y., Li, P.P., Bodla, A.A. (2015). Leader–member skill distance, team cooperation, and team performance: A cross-culture study in a context of sport teams. *International Journal of Intercultural Relations*, 49, 183–197. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.10.005

Valenzuela, M.A., Flinchbaugh, C., Rogers, S.E. (2020) Can organizations help adjust? The effect of perceived organizational climate on immigrants' acculturation and consequent effect on perceived fit. *Journal of International Management*, 26 (3). doi: 10.1016/j.intman.2020.100775

Vezzali, L., Hewstone, M., Capozza, D., Giovannini, D., Wölfer, R. (2014). Improving intergroup relations with extended and vicarious forms of indirect contact. *European Review of Social Psychology*, 25 (1), 314–389. doi: 10.1080/10463283.2014.982948

Vezzali, L., Stathi, S., Giovannini, D. (2012). Indirect contact through book reading: Improving adolescents' attitudes and behavioral intentions toward immigrants. *Psychology in the Schools*, 49 (2), 148–162. doi: 10.1002/pits.20621

Ward, C. (2008). Thinking outside the Berry boxes: New perspectives on identity, acculturation and intercultural relations. *International Journal of Intercultural Relations*, 32 (2), 105–114. doi: 10.1016/j.ijintrel.2007.11.002

White, F. A., Borinca, I., Vezzali, L., Reynolds, K.J., Blomster Lyshol, J.K., Verrelli, S., Falomir-Pichastor, J.M. (2021). Beyond direct contact: The theoretical and societal relevance of indirect contact for improving intergroup relations. *Journal of Social Issues*, 77 (1), 132–153. doi: 10.1111/josi.12400

White, F.A., Maunder, R.D., Verrelli, S. (2020). Text-based E-contact: Harnessing cooperative Internet interactions to bridge the social and psychological divide. *European Review of Social Psychology*, 31 (1), 76–119. doi: 10.1080/10463283.2020.1753459

White, F.A., Turner, R.N., Verrelli, S., Harvey, L.J., Hanna, J.R. (2018). Improving intergroup relations between Catholics and Protestants in Northern Ireland via E-contact. *European Journal of Social Psychology*, 49 (2), 429–438. doi: 10.1002/ejsp.2515

Wright, S.C., Aron, A., McLaughlin-Volpe, T., Ropp, S.A. (1997). The extended contact effect: Knowledge of cross-group friendships and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73 (1), 73–90. doi: 10.1037/0022-3514.73.1.73

References

Allport, G. (1954). *The nature of prejudice*. New York, NY: Basic Books.

Bagci, S.C., Stathi, S., Piyale, Z.E. (2019). When imagining intergroup contact mobilizes collective action: The perspective of disadvantaged and advantaged groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 69, 32–43. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.12.003

Benet-Martínez, V. (2012). Multiculturalism: Cultural, social, and personality processes. In K. Deaux, M. Snyder (Eds.), *The Oxford handbook of personality and social psychology* (pp. 623–648). Oxford University Press.

Berry, J.W. (2003). Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, G. Martin (Eds.), *Acculturation: Advances in theory, measurement, and*

applied research (pp. 17–37). Washington DC: American Psychological Association Press. doi: 10.1037/10472-004

Berry, J.W., Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In J.W. Berry, M.H. Segall, C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology*, vol. 3 (pp. 291–326). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.

Cameron, L., Rutland, A. (2006). Extended contact through story reading in school: Reducing children's prejudice toward the disabled. *Journal of Social Issues*, 62 (3), 469–488. doi: 10.1111/j.1540-4560.2006.00469.x

Crisp, R.J., Turner, R.N. (2012). The imagined contact hypothesis. *Advances in Experimental Social Psychology*, 46, 125–182. doi: 10.1016/B978-0-12-394281-4.00003-9

Dawel, A., Wong, T.Y., McMorrow, J., Ivanovici, C., He, X., Barnes, N., Irons, J., Gradden, T., Robbins, R., Goodhew, S.C., Lane, J., McKone, E. (2019). Caricaturing as a general method to improve poor face recognition: Evidence from low-resolution images, other-race faces, and older adults. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 25 (2), 256–279. doi: 10.1037/xap0000180

Guschin, V.I., Shved, D.M., Yusupova, A.K., Supolkina, N.S. et al. (2020). Effect of modeled exploration mission factors on communication autonomy in an isolated multinational mixed-gender crew. *Aviakosmicheskaya i ekologicheskaya meditsina (Aerospace and Environmental Medicine)*, 54 (3), 28–35. (In Russ.). doi: 10.21687/0233-528X-2020-54-3-28-35

Goldstein, N.J., Cialdini, R.B. (2007). The spyglass self: A model of vicarious self-perception. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92 (3), 402–417. doi: 10.1037/0022-3514.92.3.402

Hall, E.T., Hall, M.R. (1987). *Hidden Differences: Doing Business with the Japanese*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday.

Hall, E.T., Trager, G.L. (1953). *The Analysis of Culture*. Washington, DC: Foreign Service Institute/American Council of Learned Societies.

Hall, S. (1973). *Encoding and Decoding in the television discourse*. Discussion Paper. University of Birmingham, Birmingham.

Hornsey, M.J., Gallois, C., Duck, J.M. (2008). The intersection of communication and social psychology: Points of contact and points of difference. *Journal of Communication*, 58 (4), 749–766. doi: 10.1111/j.1460-2466.2008.00412.x

Jetten, J., Dane, S., Williams, E., Liu, S., Haslam, C., Gallois, C., McDonald, V. (2018). Ageing well in a foreign land as a process of successful social identity change. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 13 (1). doi: 10.1080/17482631.2018.1508198

Kim, S.Y., Shen, Y., Hou, Y., Tilton, K. E., Juang, L., Wang, Y. (2015). Annual review of asian american psychology, 2014. *Asian American Journal of Psychology*. 6 (4), 291–332. doi: 10.1037/aap0000031

Kornfeld, B.J., Kara, S. (2015). Industry-university collaboration in sustainable manufacturing. *Procedia CIRP*, 29, 8–12. doi: 10.1016/j.procir.2015.02.207

Liu, S. (2011). Acting Australian and being Chinese: Integration of ethnic Chinese business people. *International Journal of Intercultural Relations*, 35 (4), 406–415. doi: 10.1016/j.ijintrel.2010.04.004

Liu, S., Gallois, C. (2014). Integrating intercultural communication and cross-cultural psychology: Theoretical and pedagogical implications. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2 (1). doi: 10.9707/2307-0919.1129

Mazziotta, A., Mummendey, A., Wright, S.C. (2011). Vicarious intergroup contact effects: Applying social-cognitive theory to intergroup contact research. *Group Processes & Intergroup Relations*, 14 (2), 255–274. doi: 10.1177/1368430210390533

Meghani, D.T., Harvey, E.A. (2016). Asian indian international students' trajectories of depression, acculturation, and enculturation. *Asian American Journal of Psychology*, 7 (1), 1–14. doi: 10.1037/aap0000034

Miles, E., Crisp, R.J. (2014). A meta-analytic test of the imagined contact hypothesis. *Group Processes and Inter-group Relations*, 17 (1), 3–26. doi: 10.1177/1368430213510573

Nguyen, A.-M. D., Benet-Martínez, V. (2013). Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44 (1), 122–159. doi: 10.1177/0022022111435097

Niederhauser, B. (2022). Salzburger Festspiele: Kartenverkauf wie im Rekordjahr 2019. APA — Austria Presse Agentur. (Retrieved from <https://volksblatt.at/salzbuerger-festspiele-kartenverkauf-wie-im-rekordjahr-2019/>) (review date: 05.09.2022)

Paluck, E.L. (2009). Reducing intergroup prejudice and conflict using the media: A field experiment in Rwanda. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96 (3), 574–587. doi: 10.1037/a0011989

Paluck, E.L., Green, S.A., Green, D.P. (2019). The contact hypothesis re-evaluated. *Behavioural Public Policy*, 3 (2), 129–158. doi: 10.1017/bpp.2018.25

Peltokorpi, V., Zhang, L.E. (2022). Host country culture and language identification, and their workplace manifestations: A study on corporate expatriates in China and Japan. *Journal of International Management*, 28 (3), 18. doi: 10.1016/j.intman.2022.100926

Pettigrew, T.F., Tropp, L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90 (5), 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751

Rodenberg, P. (2019). Interkulturelle Wahrnehmung zwischen Angst, Neugier und Empathie. Gießen: Psychosozial-Verlag.

Salmina, N.G, Zvonova, E.V. (2018). Development of symbolic function in the concept of dialogue of cultures. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 24–39. doi: 10.11621/vsp.2018.02.24. (In Russ.)

Stavrova, O., Ehlebracht, D. (2016). Cynical beliefs about human nature and income: Longitudinal and cross-cultural analyses. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110 (1), 116–132. doi: 10.1037/pspp0000050

Stigson, B., Stigson, P. (2015). A future resource and pollution constrained world — an agenda for a new partnership between business, governments and

academia. *Technological Forecasting and Social Change*, 98, 255–259. doi: 10.1016/j.techfore.2015.05.010

Taylor, L.K., Glen, C. (2019). From empathy to action: Can enhancing host-society children's empathy promote positive attitudes and prosocial behaviour toward refugees? *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30 (2), 214–226. doi: 10.1002/casp.2438.

Thomas, A. (2016). *Interkulturelle Psychologie: Verstehen und Handeln in internationalen Kontexten*. Göttingen: Hogrefe Verlag.

Tian, L., Li, Y., Li, P.P., Bodla, A.A. (2015). Leader–member skill distance, team cooperation, and team performance: A cross-culture study in a context of sport teams. *International Journal of Intercultural Relations*, 49, 183–197. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.10.005

Valenzuela, M.A., Flinchbaugh, C., Rogers, S.E. (2020). Can organizations help adjust? The effect of perceived organizational climate on immigrants' acculturation and consequent effect on perceived fit. *Journal of International Management*, 26 (3). doi: 10.1016/j.intman.2020.100775

Vezzali, L., Hewstone, M., Capozza, D., Giovannini, D., Wölfer, R. (2014). Improving intergroup relations with extended and vicarious forms of indirect contact. *European Review of Social Psychology*, 25 (1), 314–389. doi: 10.1080/10463283.2014.982948

Vezzali, L., Stathi, S., Giovannini, D. (2012). Indirect contact through book reading: Improving adolescents' attitudes and behavioral intentions toward immigrants. *Psychology in the Schools*, 49 (2), 148–162. doi: 10.1002/pits.20621

Ward, C. (2008). Thinking outside the Berry boxes: New perspectives on identity, acculturation and intercultural relations. *International Journal of Intercultural Relations*, 32 (2), 105–114. doi: 10.1016/j.ijintrel.2007.11.002

White, F. A., Borinca, I., Vezzali, L., et al. (2021). Beyond direct contact: The theoretical and societal relevance of indirect contact for improving intergroup relations. *Journal of Social Issues*, 77, 132–153. doi: 10.1111/josi.12400

White, F.A., Maunder, R.D., Verrelli, S. (2020). Text-based E-contact: Harnessing cooperative Internet interactions to bridge the social and psychological divide. *European Review of Social Psychology*, 31 (1), 76–119. doi: 10.1080/10463283.2020.1753459

White, F.A., Turner, R.N., Verrelli, S., Harvey, L. J., Hanna, J.R. (2018). Improving intergroup relations between Catholics and Protestants in Northern Ireland via E-contact. *European Journal of Social Psychology*, 49 (2), 429–438. doi: 10.1002/ejsp.2515

Wright, S.C., Aron, A., McLaughlin-Volpe, T., Ropp, S.A. (1997). The extended contact effect: Knowledge of cross-group friendships and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73 (1), 73–90. doi: 10.1037/0022-3514.73.1.73

Статья получена: 12.09.2022;
принята: 11.11.2022;
отредактирована: 30.11.2022.

Received: 12.09.2022;
accepted: 11.11.2022;
revised: 30.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Валерий Александрович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, факультета психологии Российского государственного социального университета, va0405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>

Салмина Нина Гавриловна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, salmina2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7772-0872>

Звонова Елена Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, факультета психологии Российского государственного социального университета, zevreturn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9271-8367>

ABOUT AUTHORES

Valery A. Ilyin — Doctor of Psychological Sciences, Professor, the Department of Psychology, Conflictology and Behavioral Sciences, the Faculty of Psychology, Russian State Social University, va0405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>

Nina G. Salmina — Doctor of Psychology, Professor, the Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, salmina2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7772-0872>

Elena V. Zvonova — PhD in Pedagogy, Associate Professor, the Department of Psychology, Conflictology and Behavioral Sciences, the Faculty of Psychology, Russian State Social University, zevreturn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9271-8367>

УДК: 159.9.072.43
doi: 10.11621/vsp.2022.04.05

Научная статья

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАК ФАКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Емелин В.А.^{*1}, Рассказова Е.И.², Иванова Т.Ю.³

^{1, 2, 3} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

¹ emelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6289-8288>

² e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

³ tatiana.y.ivanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8011-5275>

*Автор, ответственный за переписку: emelin@mail.ru

Актуальность. В статье рассматриваются такие важные и неотъемлемые характеристики профессиональной идентичности у людей, занимающих разные должности, как отождествление себя с профессионалом, отношение к своей профессии и своей роли в профессиональной деятельности.

Цель. Выявление связи профессиональной идентичности и удовлетворенности профессиональной деятельностью (процессом работы, условиями труда, организацией, выбором профессии и пр.) с благополучием на рабочем месте у людей, занимающих разные должности.

Выборка. 11 558 сотрудников (7373 женщины (63,8%), и 4175 мужчин (36,2%)) крупной энергетической компании Российской Федерации.

Методы. Респонденты заполняли опросник компонентов удовлетворенности трудом, шкалы вовлеченности в работу, скуки на рабочем месте, эмоционального истощения, инициативности.

Результаты. Респонденты наиболее довольны пользой своей работы для людей, своим выбором профессии и самой профессией, а также процессом труда, но менее довольны условиями труда, оплатой, руководством и профессиональными перспективами. У всех опрошенных вовлеченность в работу, низкий уровень скуки и эмоционального истощения, инициативность зависят не только от удовлетворенности условиями труда, оплатой, руководством и профессиональными перспективами, но и от удовлетворенности выбором профессии, самой профессией, ее осмысленностью, пользой для людей и процессом труда.

Выводы. Независимо от должности и удовлетворенности условиями труда, удовлетворенность выбором профессии, ее осмысленностью и пользой для людей, а также процессом труда связаны с благополучием на рабочем месте — в частности, вовлеченностью в работу, инициативностью, низким уровнем эмоционального истощения и скуки на работе.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, удовлетворенность профессией, инициативность, благополучие на рабочем месте, эмоциональное истощение, скука, дезориентация, цифровые технологии, пандемия Covid-19.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01590 «Профессиональная идентичность в условиях развития технологий информационного общества».

Для цитирования: **Емелин В.А., Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю.** Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 115–135. doi: 10.11621/vsp.2022.04.05

doi: 10.11621/vsp.2022.04.05

Scientific Article

PROFESSIONAL IDENTITY AND THE SATISFACTION WITH THE PROFESSIONAL ACTIVITIES AS FACTORS OF WELL-BEING IN THE WORKPLACE

Vadim A. Emelin^{*1}, Elena I. Rasskazova², Tatiana Yu. Ivanova³

^{1,2,3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ emelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6289-8288>

² e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

³ tatiana.y.ivanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8011-5275>

*Corresponding author: emelin@mail.ru

Background. The present paper discusses the relevance of identifying oneself with a professionalism, the attitude to the profession and the role in the professional activity as an integral characteristic of the professional identity among representatives of different positions.

Objective. The identification of the relationship between the professional identity and satisfaction with professional activities (work process, working con-

ditions, organization, choice of profession, etc.) and well-being in the workplace among representatives of various positions.

Sample. 11 558 employees (7,373 women, 63.8%, and 4,175 men, 36.2%) of a large energy company in the Russian Federation.

Methods. The participants filled in the questionnaire on the components of job satisfaction, the scales of the work involvement, the boredom at the workplace, the emotional exhaustion and initiative.

Results. The representatives of different positions are most satisfied with the benefits of their work for people, with their choice of profession and the profession itself and the labour process but they are less satisfied with the working conditions, payment, management and professional prospect. As for representatives of all the positions, involvement in the work, a low level of boredom and emotional exhaustion and initiative depend on not only the satisfaction with working conditions, payment, management and the professional prospect but also on the satisfaction with the choice of profession, the profession itself, its content, the benefit to people and the labour process.

Conclusion. Regardless of the position and satisfaction with working conditions, the satisfaction with the choice of profession, its content and benefits for people and the labour itself predict the involvement in work, initiative, a low level of emotional exhaustion and the boredom at work.

Keywords: Professional identity, satisfaction with the profession, initiative, well-being in the workplace, emotional exhaustion, boredom, disorientation, digital technologies, the Covid-19 pandemic.

Funding. The present study is supported by the Russian Science Foundation, grant No 22-28-01590 «The Professional Identity in the Context of the Development of Information Society Technologies».

For citation: Emelin, V.A., Rasskazova, E.I., Ivanova, T.Yu. (2022). Professional Identity and the Satisfaction with the Professional Activities as Factors of Well-Being in the Workplace. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 115–135. doi: 10.11621/vsp.2022.04.05

Введение

Отождествление себя с профессионалом, отношение к своей профессии и своей роли в профессиональной деятельности — неотъемлемые характеристики профессиональной идентичности (Шнейдер, 2001). Сравнительный анализ публикаций о профессиональной идентичности показывает, что к этому понятию относят

также умения, знания, ценности и этические представления, с ним связаны вопросы личностной и групповой идентичности (Fitzgerald, 2020; Jarvis-Selinger et al., 2019). В некоторых областях формирование профессиональной идентичности эксплицитно рассматривается как одна из ключевых задач обучения — в частности, это относится к медицине, где эта задача звучит как развитие у специалиста умения «думать, действовать и чувствовать, как врач» (Cruess, Cruess, Steinert, 2019).

Современность, с ее изменчивостью, нестабильностью и транзитивностью (Марцинковская, 2015) ставит новые вопросы в области профессиональной идентичности. Так, развитие цифровых технологий заставляет задуматься о цифровой составляющей профессиональной идентичности (Jawed, Mahboob, Yasmeen, 2019), в том числе благодаря тому, что открывает новые сферы профессиональной самореализации, некоторые из которых — например, блогерство — выглядят более простыми, удобными и привлекательными по сравнению с другими профессиями. Социальные и эпидемиологические изменения также способствуют неустойчивости профессиональной идентификации, особенно среди молодежи. В этом смысле период пандемии COVID-19 все чаще называют «дезориентирующими временами» в смысле трудностей становления профессиональной идентичности, особенно у медицинского персонала (Stetson et al., 2020; Brown et al., 2022). В этом контексте можно предполагать, что на первый план в обеспечении благополучия на рабочем месте, наряду с удовлетворенностью организацией и условиями труда, выходят такие факторы, как удовлетворенность процессом труда, своей профессией и ее выбором, пользой работы для людей. С нашей точки зрения, эти аспекты удовлетворенности важны именно как общая составляющая идентичности личности (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2018) для представителей любых профессий, хотя в зависимости от пола, возраста и должности их роль может быть различной (Иванова, Рассказова, 2013).

Таким образом, для постановки гипотез нашего исследования следует обратить внимание на системный характер понятия «профессиональная деятельность», рассматриваемого как многокомпонентный феномен и как общий контекст развития идентичности работника, находящегося под влиянием самых разных факторов на рабочем месте. Известны четыре разные трактовки понятия «профессия»: 1) область приложения сил человека (юриспруденция, медицина,

нефтегазовая отрасль), 2) общность людей (юристы, врачи, нефтяники), 3) подготовленность (знания, умения, навыки, необходимые для работы), 4) сама деятельность как процесс реализации трудовых функций (Климов, 1998). Для нас важно подчеркнуть, что профессиональная деятельность включает психологическую структуру труда, обязательную для всех видов работы, и предполагает особые требования к личности, характерные для профессионала, погруженного в активные социальные взаимодействия. На этом основании нами были выделены две большие группы респондентов — представители рабочих специальностей, которые должны понимать социальную важность и обязательность их работы, использовать соответствующие средства труда, осознавать производственные зависимости, и представители управленческого уровня организации, которые помимо содержательно полных представлений о своей деятельности, должны обладать специфическими личностными компетенциями (Иляшенко, Семенова, 2021; Kowal et al., 2022).

Следует отметить, что состояние человека на рабочем месте в данной статье рассматривается, в соответствии со взглядами У. Шауфели с соавторами (Schaufeli, Taris, Van Rhenen, 2008), не дихотомически, а как спектр возможных состояний — вовлеченности, трудоголизма, скуки, эмоционального выгорания. В частности, в качестве показателей субъективного благополучия мы оценивали вовлеченность в работу, скуку на рабочем месте, эмоциональное истощение и инициативность.

Выдвигались следующие **гипотезы**:

1. Для рабочих, в отличие от специалистов, служащих и руководителей, характерен минимальный уровень вовлеченности в работу и инициативности, но также и низкий уровень эмоционального истощения.

2. Удовлетворенность процессом работы, профессией и ее выбором, организацией и пользой работы для людей предсказывают большую вовлеченность в работу, инициативность, а также меньшие скуку и эмоциональное истощение на рабочем месте, не зависимо от должности респондента.

3. У специалистов и руководителей среднего и высшего звена, по сравнению с рабочими и служащими, субъективное благополучие на рабочем месте сильнее зависит от удовлетворенности профессией, ее выбором, организацией и пользы работы для людей.

Методы

Респонденты заполняли следующие методики:

1. **Опросник компонентов удовлетворенности трудом** (Иванова, Рассказова, Осин, 2012) — методика, созданная на основе более раннего распространенного инструмента оценки удовлетворенности трудом (Батаршев, 2002). Методика ориентирована на дифференциацию социальных (престижность организации и своего рабочего места в обществе), организационных (зарплата, условия, организация труда, руководство, коллектив) и личностных компонентов удовлетворенности (актуальных — удовлетворенность процессом труда, должностным положением, достижениями, и потенциальных — перспективами, возможностями самореализации). В методике выделяются следующие шкалы удовлетворенности: процессом работы, адекватностью оплаты, руководством, перспективами на рабочем месте, организацией, пользой работы для людей, условиями труда, профессией и ее выбором. Отдельно предлагается шкала утраты смысла в работе. В данном исследовании альфа Кронбаха субшкал была достаточной (0,72–0,87) для всех шкал, кроме удовлетворенности руководством, где она была низка (0,59).

2. Оценка **благополучия на рабочем месте** была основана на разделении У. Шауфели и его коллегами (Schaufeli, Taris, Van Rhenen, 2008) различных состояний на работе как компонентов субъективного благополучия (вовлеченности, эмоционального выгорания, скуки, трудоголизма) и включала следующие методики:

А. Из шкалы вовлеченности в работу (Кутузова, 2006) было отобрано шесть пунктов с наилучшей согласованностью по данным предыдущих исследований («Во время работы меня переполняет энергия», «Я ухожу в работу с головой», «Я полон энтузиазма в отношении своей работы», «Моя работа вдохновляет меня», «Я получаю удовольствие, когда интенсивно работаю», «На работе я испытываю прилив сил и энергии»). Альфа Кронбаха в данном исследовании 0,89.

Б. Краткая версия шкалы эмоционального истощения из опросника МВІ К. Маслач (Водопьянова, 2007) использовалась в сокращенном варианте (Осин и др., 2017) и включала следующие три пункта («После работы я чувствую себя, как «выжатый лимон»», «Я чувствую себя усталым, когда встаю утром и должен (должна) идти на работу», «Я чувствую равнодушие и потерю интереса ко многому, что раньше радовало меня в моей работе»). Альфа Кронбаха 0,63.

В. Краткая версия голландской шкалы скуки на рабочем месте (Reijseger et al., 2013) использовалась в варианте (Осин и др., 2017) и включала три пункта («На работе я скучаю», «На работе я бесцельно провожу время», «На работе мне особенно нечем заняться»). Альфа Кронбаха 0,76.

Г. Для диагностики инициативности¹ применялись следующие вопросы: «Когда на работе что-то идет не так, я сразу начинаю искать решение проблемы», «На работе я стараюсь делать больше (лучше), чем от меня требуется», «За последний год я предложил начальству одну (или более) идею по улучшению рабочих процессов, процедур и т.п.», «Если руководитель не понимает меня, я продолжаю попытки донести до него свою мысль». Альфа Кронбаха 0,63.

Выборка

В исследовании приняли участие 11558 сотрудников (7373 женщины (63,8%), и 4175 мужчин (36,2%)) крупной энергетической компании из Центрального и Северо-Западных федеральных округов Российской Федерации, заполнявших методики на местах в рамках анонимного психологического опроса. Возраст сотрудников варьировал от 18 до 77 лет (средний возраст 44,22±12,07 лет), общий стаж работы — от 1 года до 60 лет (средний стаж работы 23,42±12,45 лет).

5281 человек (45,7%) занимали должности рабочих 1–4 разряда, 2460 человек (21,3%) — рабочих 5–6 разряда, 2079 (18,0%) — специалистов, 411 человек (3,6%) были служащими, 809 человек (7,0%) линейными руководителями, 470 человек (4,1%) — руководителями среднего или высшего звена. 48 человек (0,4%) не ответили на вопрос о своей должности.

2308 человек указали, что имеют среднее образование (20,0%), 5156 (44,6%) — среднее профессиональное образование, 538 (4,7%) — неоконченное высшее, 3531 — высшее образование (30,6%). 25 человек (0,2%) не ответили на вопрос об образовании. 7972 человека ответили, что женаты или замужем (69,0%), 1389 (12,0%) — в разводе, 1657 человек (14,3%) — не состоят в браке, 521 человек (4,5%) — вдовы/вдовцы. 19 человек (0,2%) не указали своего семейного положения. 4738 человек ответили, что у них нет детей (41,0%), 4247 человек (36,7%) — что один ребенок, 2524 (21,8%) — что двое и более детей. 49 человек не ответили на этот вопрос (0,4%).

¹ Пункты были сформулированы по просьбе организации.

Результаты исследования

Удовлетворенность трудом у представителей разных должностей

Для выявления различий в удовлетворенности отдельными аспектами профессиональной деятельности у людей, занимающих разные должности, проводился дисперсионный анализ с повторными измерениями 10 (виды удовлетворенности трудом) \times 6 (должности). Общий профиль удовлетворенности трудом имеет сходные черты у всех респондентов (основной эффект вида удовлетворенности трудом $F=5134,89$; $p<0,01$; $\eta^2=0,31$ (рис. 1)): респонденты наиболее довольны пользой своей работы для людей, своим выбором профессии и самой профессией, а также процессом труда, но менее довольны условиями труда, оплатой, руководством и профессиональными перспективами. Показатели утраты смысла низки во всех профессиональных группах.

Различия между сотрудниками разного уровня выражены в меньшей степени (основной эффект должности $F=89,14$; $p<0,01$; $\eta^2=0,04$) и заключаются в том, что руководители среднего и высшего звена — наиболее удовлетворенная группа, тогда как рабочие разных разрядов — наименее удовлетворенная группа. При попарном сравнении по критерию Шеффе можно выделить три крупных категории должностей, различающихся между собой по удовлетворенности трудом ($p<0,01$): рабочие, руководители среднего и высшего звена, другие сотрудники (специалисты, служащие, линейные руководители).

Эффект взаимодействия вида удовлетворенности и должности ($F=54,40$; $p<0,01$; $\eta^2=0,02$) заключается в том, что различия между должностями максимальны при оценке оплаты труда, условий труда, руководства, перспектив и минимальны в оценке пользы для людей, процесса работы и организации, а также по шкале утраты смысла.

Благополучие на рабочем месте у представителей разных должностей

В целом представители разных должностей вовлечены в работу, в средней степени инициативны. Они редко и мало скучают, однако у них отмечается средний уровень эмоционального истощения. Наиболее выраженные различия между должностями касаются инициативности ($F=148,79$; $p<0,01$; $\eta^2=0,06$) и вовлеченности в работу ($F=107,87$; $p<0,01$; $\eta^2=0,05$). Попарные сравнения по критерию Шеффе показывают, что наименее инициативны рабочие 1–4 раз-

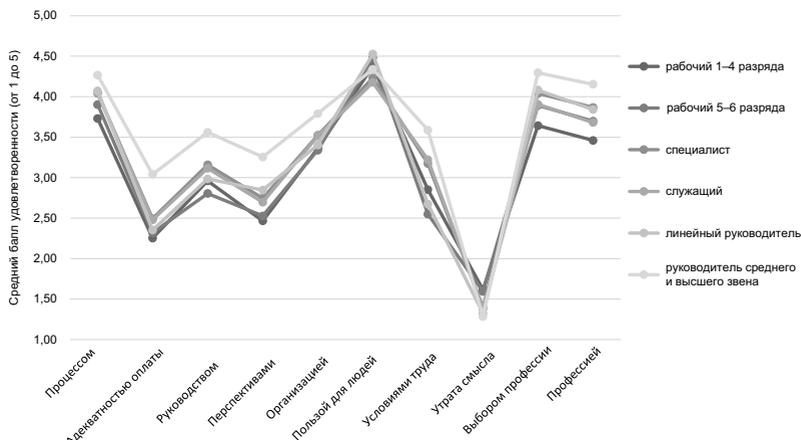

Рис. 1. Удовлетворенность различными аспектами профессиональной деятельности у сотрудников, занимающих разные должности.

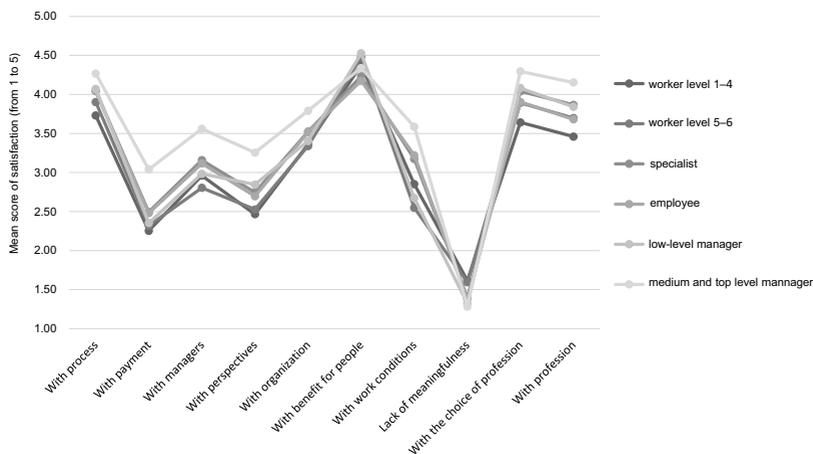

Fig. 1. Satisfaction with various aspects of the professional activity among representatives of different positions.

ряда ($p < 0,01$), следуют за ними рабочие 5–6 разряда, специалисты и служащие, тогда как руководители (как линейные, так и среднего и высшего звена) не различаются значимо по общему уровню инициативности. По вовлеченности в работу наиболее низки показатели рабочих 1–4 разряда, следуют за ними рабочие 5–6 разряда, следую-

шую группу составляют специалисты, служащие и линейные руководители, тогда как руководители среднего и высшего звена отличаются от всех предыдущих групп более высоким уровнем вовлеченности (по критерию Шеффе $p < 0,01$). Различия между респондентами, занимающими разные должности, по показателям скуки на рабочем месте и эмоционального истощения слабые по величине статистического эффекта (рис. 2, $F=24,79$; $p < 0,01$; $\eta^2=0,01$ и $F=27,96$; $p < 0,01$; $\eta^2=0,01$, соответственно). При этом скука у рабочих выше, а эмоциональное истощение менее выражено, чем у респондентов других должностей.

Удовлетворенность различными аспектами профессиональной деятельности как фактор благополучия на рабочем месте: результаты анализа модерации

Для проверки гипотезы о важности удовлетворенности различными аспектами профессиональной деятельности для благополучия на рабочем месте проводился анализ модерации. Зависимыми переменными выступали вовлеченность в работу, скука, эмоциональное истощение, инициативность (табл. 1). На первом шаге в качестве независимых переменных в анализ включались бинарно закодированные переменные должностей (dummy-coded; в качестве референтной группы выступала многочисленная группа рабочих 5–6 разряда). На втором шаге к ним добавлялись переменные удовлетворенности профессиональной деятельностью, а затем проводился пошаговый регрессионный анализ для выявления эффектов модерации (взаимодействия должности и удовлетворенности), достигающих принятого уровня значимости.

Как обсуждалось выше, руководители среднего и высшего звена и специалисты выступают наиболее благополучной группой с точки зрения вовлеченности и низкого уровня скуки, но для них же характерен относительно высокий уровень эмоционального истощения, который не характерен для рабочих. Как линейные руководители, так и руководители среднего и высшего звена оказываются наиболее инициативными сотрудниками.

После статистического контроля эффектов(?) должности, такие показатели как удовлетворенность выбором профессии и самой профессией, процессом, условиями и оплатой труда, руководством и пользой труда для людей значимо предсказывали вовлеченность в работу, низкий уровень скуки и эмоционального истощения, инициативность. Удовлетворенность организацией не была связана с инициативностью, а удовлетворенность перспективами предска-

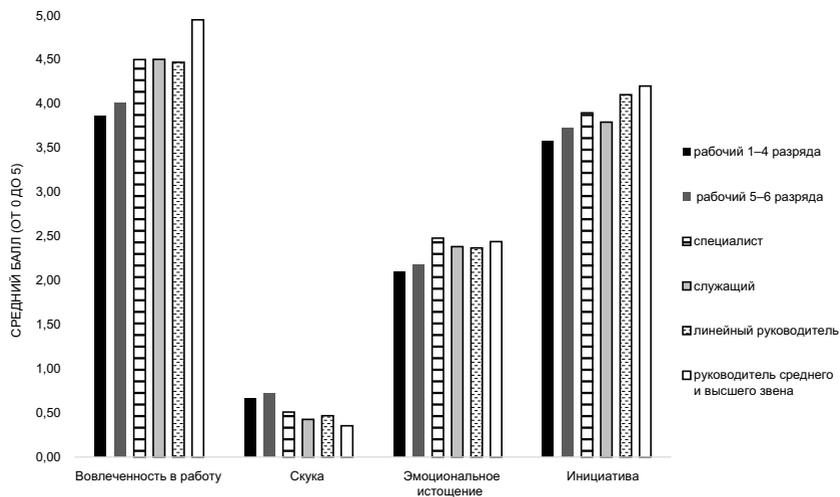

Рис. 2. Вовлеченность в работу, скука, эмоциональное истощение и инициативность у представителей разных должностей (шкала оценки скуки — от 0 до 5, остальных пунктов — от 1 до 5)

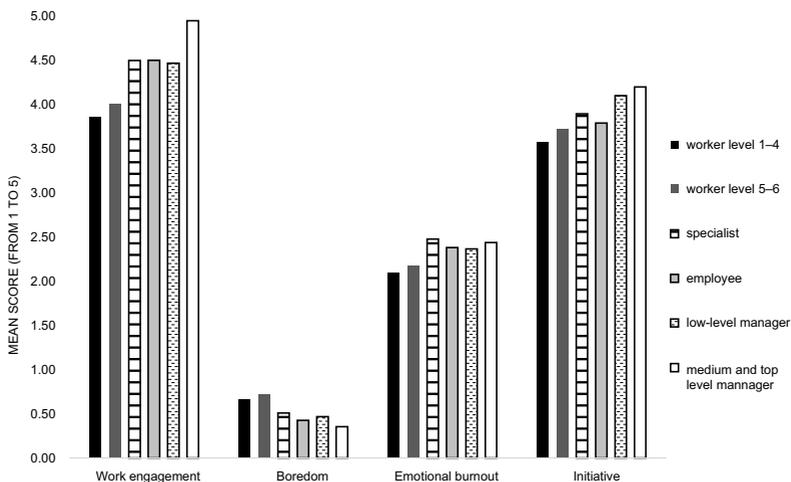

Fig. 2. Work engagement, boredom, the emotional exhaustion and initiative among representatives of different positions (on the boredom scale, the mean value from 0 to 5, on the other scales — from 1 to 5)

зывала более высокий уровень скуки, но и более высокий уровень инициативности.

После статистического контроля основных эффектов должности и удовлетворенности, **вовлеченность в работу** у специалистов (по сравнению с другими должностями) оказалась слабее связана с представлением о пользе своей работы для людей ($\beta=-0,14$; $p<0,01$; $\Delta R^2=0,1\%$) и удовлетворенностью организацией ($\beta=-0,08$; $p<0,01$; $\Delta R^2=0,1\%$).

В отличие от этого, **скука на рабочем месте** по-разному зависела от удовлетворенности у сотрудников разных должностей ($\Delta R^2=0,9\%$). Наиболее яркий эффект модерации заключался в том, что у всех опрошенных скука сильнее зависела от пользы своего труда для людей, чем у референтной группы рабочих 5–6 разрядов ($\beta=0,15-0,46$; $p<0,01$). Иными словами, в данной организации рабочие 5–6 разрядов были той группой, у которой субъективная польза их труда для людей в наименьшей степени снижала скуку, по сравнению с представителями других должностей. Помимо этого, у рабочих 1–4 разрядов, по сравнению с рабочими 5–6 разрядов, скука сильнее зависела от удовлетворенности процессом работы ($\beta=0,22$; $p<0,01$), но слабее зависела от удовлетворенности организацией ($\beta=-0,21$; $p<0,01$). У линейных руководителей также отмечалась более слабая связь удовлетворенности организацией со снижением скуки, по сравнению с рабочими 5–6 разряда ($\beta=-0,12$; $p<0,01$). Для специалистов ($\beta=-0,18$; $p<0,01$) удовлетворенность профессией, а для служащих и руководителей ($\beta=-0,07$ и $\beta=-0,08$; $p<0,01$, соответственно) — удовлетворенность перспективами были не столь важны для снижения скуки на рабочем месте.

Серия эффектов модерации была установлена в отношении **эмоционального истощения** ($\Delta R^2=0,4\%$). В частности, по сравнению с референтной группой рабочих 5–6 разрядов, эмоциональное истощение рабочих 1–4 разрядов сильнее зависит от неудовлетворенности процессом труда ($\beta=0,17$, $p<0,01$) и слабее — от неудовлетворенности организацией ($\beta=-0,08$, $p<0,05$). Эмоциональное истощение у специалистов и служащих сильнее зависит от неудовлетворенности условиями труда ($\beta=0,07$ и $\beta=0,08$, $p<0,01$, соответственно). При этом для специалистов менее важна удовлетворенность выбором профессии ($\beta=-0,17$, $p<0,01$), для служащих — удовлетворенность руководством ($\beta=-0,06$, $p<0,05$), а для руководителей среднего и высшего звена — удовлетворенность перспективами ($\beta=-0,07$, $p<0,05$).

Таблица 1

Удовлетворенность различными аспектами профессиональной деятельности как фактор благополучия на рабочем месте: результаты анализа модерации

Независимые переменные	ЗП: Вовлеченность в работу		ЗП: Скука		ЗП: Эмоциональное истощение		ЗП: Инициативность	
	β	ΔR^2	β	ΔR^2	β	ΔR^2	β	ΔR^2
Шаг 1: НП — Должность								
Рабочие 1–4 разряда	-0,05**	4,5%**	-0,03*	1,1%**	-0,03*	1,2%**	-0,10**	6,1%**
Специалисты	0,12**		-0,08**		0,08**		0,08**	
Служащие	0,06**		-0,05**		0,03**		0,02	
Линейные руководители	0,08**		-0,06**		0,04**		0,13**	
Руководители среднего и высшего звена	0,12**		-0,07**		0,04**		0,12**	
Шаг 2: НП — Удовлетворенность трудом								
УТ — Процессом	0,34**	35,1%**	-0,16**	12,9%**	-0,15**	20,0%**	0,17**	12,9%**
УТ — Адекватностью оплаты	-0,03**		0,12**		-0,06**		-0,08**	
УТ — Руководством	0,05**		-0,07**		-0,09**		0,04**	
УТ — Перспективами	0,01		0,08**		-0,01		0,06**	
УТ — Организацией	0,11**		-0,07**		-0,12**		0,00	
УТ — Пользой для людей	0,10**		-0,20**		-0,03*		0,19**	
УТ — Условиями труда	0,03**		-0,04**		-0,10**		-0,06**	
УТ — Выбором профессии	0,07**		-0,07**		-0,06**		0,04*	
УТ — Профессией	0,10**		0,02		-0,06**		0,04*	

* — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

Table 1

The satisfaction with various aspects of the professional activity as a factor of well-being in the workplace: the results of the moderation analysis

Independent variables (IV)	DV: Involvement in work		DV: Boredom		DV: Emotional exhaustion		DV: Initiative	
	β	ΔR^2	β	ΔR^2	β	ΔR^2	β	ΔR^2
Step 1: IV — Position								
Workers with level 1–4	-0.05**	4.5%**	-0.03*	1.1%**	-0.03*	1.2%**	-0.10**	6.1%**
Specialists	0.12**		-0.08**		0.08**		0.08**	
Employees	0.06**		-0.05**		0.03**		0.02	
Low-level managers	0.08**		-0.06**		0.04**		0.13**	
Medium- and top-level managers	0.12**		-0.07**		0.04**		0.12**	
Step 2: IV — Job satisfaction (JS)								
JS — with the process	0.34**	35.1%**	-0.16**	12.9%**	-0.15**	20.0%**	0.17**	12.9%**
JS — with level of payment	-0.03**		0.12**		-0.06**		-0.08**	
JS — with the authorities	0.05**		-0.07**		-0.09**		0.04**	
JS — with the prospect	0.01		0.08**		-0.01		0.06**	
JS — with the organisation	0.11**		-0.07**		-0.12**		0.00	
JS — with the benefit for people	0.10**		-0.20**		-0.03*		0.19**	
JS — with the working conditions	0.03**		-0.04**		-0.10**		-0.06**	
JS — with the occupational choice	0.07**		-0.07**		-0.06**		0.04*	
JS — with the profession	0.10**		0.02		-0.06**		0.04*	

* — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

Как и в случае вовлеченности в работу, **инициативность** определяется общей удовлетворенностью профессиональной деятельностью сильнее, нежели специфическими для сотрудников, занимающих разные должности, эффектами ($\Delta R^2=0,2\%$). По сравнению с референтной группой рабочих, для инициативности специалистов не столь важна удовлетворенность перспективами ($\beta=-0,12, p<0,01$), а для руководителей среднего и высшего звена — более важна удовлетворенность условиями труда ($\beta=0,07, p<0,05$).

Обсуждение результатов

Благополучие на рабочем месте. В соответствии с первой гипотезой, при относительно высоком уровне благополучия на рабочем месте и крайне низком уровне скуки у всех сотрудников, рабочие менее вовлечены в работу и инициативны, по сравнению со специалистами, служащими и руководителями. Уровень эмоционального истощения у них также наиболее низкий, хотя эти различия невелики по размеру статистического эффекта. С нашей точки зрения, рабочие относятся к своей профессиональной деятельности более технически, как к понятному кругу обязанностей, иногда неинтересных и рутинных. В результате им сложнее быть вовлеченными в свою работу и инициативными, но, по всей видимости, их согласие на эту работу позволяет им и не столь истощаться эмоционально. Говоря метафорически, они меньше вкладываются в эту работу и меньше эмоционально устают от нее. Интересно, что руководители среднего и высшего звена более вовлечены в свою работу, чем специалисты и линейные руководители, но не более инициативны. Иными словами, инициативность одинаково представлена среди специалистов и руководителей, независимо от статуса руководителей. На уровне практики это означает, что, если организации важна инициативность руководителей, необходимо проводить отдельную работу по их обучению, а, возможно, и отбору.

Структура удовлетворенности трудом: роль должности. Установленный в данном исследовании профиль удовлетворенности трудом оказался относительно благополучным и близким для представителей разных профессий. Тот результат, что люди довольны пользой своей работы, профессией и процессом труда характеризует ситуацию в данной организации как благоприятную, хотя, возможно, и требующую улучшений условий труда, оплаты и профессиональных перспектив. Именно по этим показателям максимальны расхождения между сотрудниками, занимающими разные должности.

Профессиональная идентичность и благополучие на рабочем месте. В соответствии со второй гипотезой у всех опрошенных, независимо от должности, вовлеченность в работу, низкий уровень скуки и эмоционального истощения, инициативность зависят не только от удовлетворенности условиями труда, оплатой, руководством и профессиональными перспективами, но и от удовлетворенности выбором профессии, самой профессией, ее осмысленностью, пользой для людей и процессом труда. Этот результат согласуется с данными о важности профессиональной идентичности, в том числе ценностных ориентаций (Fitzgerald, 2020, Jarvis-Selinger et al., 2019). Согласно результатам, у специалистов польза своей работы и удовлетворенность перспективами менее значимы для вовлеченности и инициативы, чем у других сотрудников, но эмоциональное истощение у специалистов и служащих сильнее зависит от неудовлетворенности условиями труда. Иными словами, содержание их деятельности может быть более важно для вовлеченности и инициативности, чем удовлетворенность различными аспектами труда, но когда речь идет об эмоциональном истощении, условия труда выступают на первый план. Рабочие 1–4 разряда более эмоционально истощены, если не удовлетворены процессом труда, тогда как удовлетворенность организацией для них не так важна. Таким образом, даже низко квалифицируемый труд важно рассматривать с точки зрения того, как работник относится к процессу этого труда. Особый интерес представляет группа высококвалифицированных рабочих — у них скука на рабочем месте практически не связана с представлением о пользе своего труда для людей. Возможно, организация могла бы рассмотреть варианты мотивирования сотрудников через описание пользы их труда.

Выводы

Таким образом, сотрудники компании, занимающие самые разные должности, наиболее довольны пользой своей работы для людей, своим выбором профессии и самой профессией, а также процессом труда, но менее довольны условиями труда, оплатой, руководством и профессиональными перспективами. У всех респондентов вовлеченность в работу, низкий уровень скуки и эмоционального истощения, инициативность зависят не только от удовлетворенности условиями труда, оплатой, руководством и профессиональными перспективами, но и от удовлетворенности выбором профессии, самой профессией, ее осмысленностью, пользой для людей и про-

цессом труда. У специалистов вовлеченность в работу была слабее связана с представлением о пользе своей работы и удовлетворенностью организацией. У рабочих 5–6 разрядов скука на работе наиболее слабо связана с представлением о пользе своей работы для людей. У рабочих 1–4 разряда эмоциональное истощение сильнее зависит от неудовлетворенности процессом труда и слабее — от неудовлетворенности организацией. Эмоциональное истощение у специалистов и служащих сильнее зависит от неудовлетворенности условиями труда. При этом для специалистов менее важна удовлетворенность выбором профессии, для служащих — удовлетворенность руководством, а для руководителей среднего и высшего звена — удовлетворенность перспективами. В отношении инициативности специалистов не столь важна удовлетворенность перспективами, а для руководителей среднего и высшего звена — более важна удовлетворенность условиями труда.

Литература

Багаршев А.В. Интегральная удовлетворенность трудом. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Под ред. Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 470–473.

Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания. СПб.: Питер, 2007.

Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 27–38.

Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Осин Е.Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2012. Т. 2, № 3. С. 2–15. [Электронный ресурс] // URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012--3/62021308.html> (дата обращения: 17.08.2022).

Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И. Социально-демографические и организационные факторы удовлетворенности трудом // Психологический журнал. 2013. № 34(6). С. 59–71.

Иляшенко Л.К., Семенова Е.А. Формирование конкурентоспособности будущего инженера по нефтегазовому делу. Перспективы развития высшей школы: материалы II Международной научно-практической конференции. Тюмень: ТИУ, 2021.

Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: ЮНИТИ, 1998.

Кутузова Д.А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2006.

Марцинковская Т.Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (дата обращения: 31.08.2022).

Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова (Мандрикова) Е.Ю. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 4. С. 21–49. [Электронный ресурс] // URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2017-7-4/213472437.html> (дата обращения: 30.07.2022).

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: дисс. ... д-ра психол. наук. Москва, 2001.

Brown, M.E., Lim, J.H., Horsburgh, J., Pistoll, C., Thakerar, V., Maini, A., Johnson, C., Beaton, L., Mahoney, C., Kumar, S. (2022). Identity Development in Disorientating Times: the Experiences of Medical Students During COVID-19. *Medical Science Educator*, 32(5), 995-1004. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s40670-022-01592-z>) (review date: 02.08.2022).

Cruess, S.R., Cruess, R.L., & Steinert, Y. (2019). Supporting the Development of a Professional Identity: General Principles. *Medical Teacher*, 41(6), 641–649. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/0142159X.2018.1536260>) (review date: 01.08.2022).

Fitzgerald, A. (2020). Professional Identity: A Concept Analysis. *Nursing Forum*, 55(3), 447–472. (Retrieved from <https://doi.org/10.1111/nuf.12450>) (review date: 01.05.2022).

Jarvis-Selinger, S., MacNeil, K.A., Costello, G.R.L., Lee, K., Holmes, C.L. (2019). Understanding Professional Identity Formation in Early Clerkship: A Novel Framework. *Academic Medicine*, 94(10), 1574–1580. (Retrieved from <https://doi.org/10.1097/acm.0000000000002835>) (review date: 04.08.2022).

Jawed, S., Mahboob, U., Yasmeen, R. (2019). Digital Professional Identity: Dear Internet! Who am I? *Education for Health*, 32(1), 33–35. (Retrieved from https://doi.org/10.4103/efh.efh_232_17) (review date: 10.09.2022).

Kowal, B., Włodarz, D., Brzychczy, E., Klepka, A. (2022). Analysis of Employees' Competencies in the Context of Industry 4.0. *Energies*, 15(19). (Retrieved from <https://doi.org/10.3390/en15197142>) (review date: 30.10.2022).

Reijseger, G., Schaufeli, W.B., Peeters, M.C.W., Taris, T.W., van Beek, I., Ouweneel, E. (2013). Watching the Paint Dry at Work: Psychometric Examination of the Dutch Boredom Scale. *Anxiety, Stress & Coping: An International Journal*, 26:5, 508–525. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/10615806.2012.720676>) (review date: 29.04.2022).

Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. (2003). Utrecht Work Engagement Scale: Preliminary Manual. Utrecht: Utrecht University.

Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. (2004). Job Demands, Job Resources, and Their Relationship with Burnout and Engagement. *Journal of Organizational Behavior*, 25, 293–315.

Schaufeli, W.B., Taris, T.W., Van Rhenen, W. (2008). Workaholism, Burnout, and Work Engagement: Three of a Kind or Three Different Kinds of Employee Well-being?

Applied Psychology: an International Review, 57(2), 173–203. (Retrieved from <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2007.00285.x>) (review date: 03.05.2022).

Stetson, G.V., Kryzhanovskaya, I.V., Lomen-Hoerth, C., Hauer, K.E. (2020). Professional Identity Formation in Disorienting Times. *Medical Education*, 54(8), 765–766. (Retrieved from <https://doi.org/10.1111/medu.14202>) (review date: 29.04.2022).

References

Batarshev, A.V. (2002). The Integral Satisfaction with Job. In Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., Manuylov, G.M. (Eds.), *Sociopsychological Diagnostics of the Development of Personality and Small Groups* (pp. 470–473). Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii. (In Russ.).

Brown, M.E., Lim, J.H., Horsburgh, J., Pistoll, C., Thakerar, V., Maini, A., Johnson, C., Beaton, L., Mahoney, C., Kumar, S. (2022). Identity Development in Disorientating Times: the Experiences of Medical Students During COVID-19. *Medical Science Educator*, 32(5), 995–1004. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s40670-022-01592-z>) (review date: 02.08.2022).

Cruess, S.R., Cruess, R.L., & Steinert, Y. (2019). Supporting the Development of a Professional Identity: General Principles. *Medical Teacher*, 41(6), 641–649. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/0142159X.2018.1536260>) (review date: 01.08.2022).

Emelin, V.A., Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh. (2018). The Unity and Diversity of the Identity Development. *Voprosy filosofii (Issues of Philosophy)*, 2, 27–38. (In Russ.).

Fitzgerald, A. (2020). Professional Identity: A Concept Analysis. *Nursing Forum*, 55(3), 447–472. (Retrieved from <https://doi.org/10.1111/nuf.12450>) (review date: 01.05.2022).

Ilyashenko, L.K. Semenova, E.A. (2021). The Development of the Competitiveness of the Future Oil and Gas Engineer. Prospects for the Higher School Development: Proceedings of the II International Scientific Conference (pp. 126–130). Tyumen: TIU. (In Russ.).

Ivanova, T.Yu., Rasskazova, E.I., Osin, E.N. (2012). The Structure and Diagnostics of Job Satisfaction: the Development and Testing of the Technique. *Organizatsionnaya psikhologiya (The Organizational Psychology)*, 2(3), 2–15. (Retrieved from <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012--3/62021308.html>) (review date 17.08.2022) (In Russ.).

Ivanova, T.Yu., Rasskazova, E.I. (2013). Sociodemographic and Organizational Factors of Job Satisfaction. *Psikhologicheskiy zhurnal (The Psychological Journal)*, 34(6), 59–71. (In Russ.).

Jarvis-Selinger, S., MacNeil, K.A., Costello, G.R.L., Lee, K., Holmes, C.L. (2019). Understanding Professional Identity Formation in Early Clerkship: A Novel Framework. *Academic Medicine*, 94(10), 1574–1580. (Retrieved from <https://doi.org/10.1097/acm.0000000000002835>) (review date: 04.08.2022).

Jawed, S., Mahboob, U., Yasmeen, R. (2019). Digital Professional Identity: Dear Internet! Who am I? *Education for Health*, 32(1), 33–35. (Retrieved from https://doi.org/10.4103/efh.efh_232_17) (review date: 10.09.2022).

Klimov, E.A. (1998). Introduction to the Labour Psychology. M.: UNITY. (In Russ.).

Kowal, B., Włodarz, D., Brzychczy, E., Klepka, A. (2022). Analysis of Employees' Competencies in the Context of Industry 4.0. *Energies*, 15(19). (Retrieved from <https://doi.org/10.3390/en15197142>) (review date: 30.10.2022).

Kutuzova, D.A. (2006). Organizatsiya deyatelnosti i stil' samoregulatsii kak factory professional'nogo vygoraniya pedagoga-psikhologa: Diss. ... kand. psikhol. nauk. (Activity and the Style of Self-regulation as Factors of the Professional Burnout of a Psychologist). Ph.D. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Martsinkovskaya, T.D. (2015). The Modern Psychology — Challenges of Transitivity. *Psikhologicheskie issledovaniya (The Psychological Research)*, 8(42). (Retrieved from <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533>) (review date: 31.08.2022).

Osin, E.N., Gorbunova, A.A., Gordeeva, T.O., Ivanova, T.Yu., Kosheleva, N.V., Ovchinnikova (Mandrikova) E.Yu. (2017). The Professional Motivation of the Russian Employees: the Diagnosis and the Association with the Well-being and the Successful Activity. *Organizatsionnaya psikhologiya (The Organizational Psychology)*, 7 (4), 21–49. (Retrieved from <http://orgpsyjournal.hse.ru/2017-7-4/213472437.html>) (review date 30.07.2022). (In Russ.).

Reijseger, G., Schaufeli, W.B., Peeters, M.C.W., Taris, T.W., van Beek, I., Ouweneel, E. (2013). Watching the Paint Dry at Work: Psychometric Examination of the Dutch Boredom Scale. *Anxiety, Stress & Coping: An International Journal*, 26:5, 508–525. (Retrieved from <https://doi.org/10.1080/10615806.2012.720676>) (review date: 29.04.2022).

Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. (2003). Utrecht Work Engagement Scale: Preliminary Manual. Utrecht: Utrecht University.

Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. (2004). Job Demands, Job Resources, and Their Relationship with Burnout and Engagement. *Journal of Organizational Behavior*, 25, 293–315.

Schaufeli, W.B., Taris, T.W., Van Rhenen, W. (2008). Workaholism, Burnout, and Work Engagement: Three of a Kind or Three Different Kinds of Employee Well-being? *Applied Psychology: an International Review*, 57(2), 173–203. (Retrieved from <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2007.00285.x>) (review date: 03.05.2022).

Shneider, L.B. Professional'naya identichnost': struktura, genезis i usloviya stanovleniya: Diss. ... kand. psikhol. nauk. (The Professional Identity: Structure, Genesis and the Conditions of Development). Ph.D. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Stetson, G.V., Kryzhanovskaya, I.V., Lomen-Hoerth, C., Hauer, K.E. (2020). Professional Identity Formation in Disorienting Times. *Medical Education*, 54(8), 765–766. (Retrieved from <https://doi.org/10.1111/medu.14202>) (review date: 29.04.2022).

Vodopianova, N.E. (2007). Burnout Syndrome. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Статья получена: 25.09.2022;

принята: 11.11.2022;

отредактирована: 30.11.2022.

Received: 25.09.2022;

accepted: 11.11.2022;

revised: 30.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Емелин Вадим Анатольевич — доктор философских наук, заведующий лабораторией психологии труда, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор РАО, emelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6289-8288>

Рассказова Елена Игоревна — кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

Иванова Татьяна Юрьевна — выпускник факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, tatiana.y.ivanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8011-5275>

ABOUT AUTHORS

Vadim A. Emelin — Doctor in Philosophy, Head of the Laboratory of the Psychology of Labour, Professor of the Department of Labour Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Russian Academy of Education, emelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6289-8288>

Elena I. Rasskazova — PhD in Psychology, Associate Professor, Clinical Psychology Department, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

Tatiana Yu. Ivanova — graduate, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, tatiana.y.ivanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8011-5275>

УДК: 159.99
doi: 10.11621/vsp.2022.04.04

Научная статья

СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ СУБЪЕКТА, ОКРУЖЕНИЕ, РЕСУРСЫ: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

В.А. Толочек

Институт психологии РАН, Москва, Россия
tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Актуальность. Исторически изменяющиеся представления о социальной успешности человека, ее специфичность для представителей разных социальных групп, расширение числа критериев описания этого феномена становятся permanently актуальной научной и научно-практической проблемой. Сопряженно с ней выступает феномен «ресурсов», в объяснении которого остается множество открытых вопросов.

Цель. Изучение пространственных характеристик условий социальной микро- и мезосреды как потенциальных ресурсов социальной успешности субъектов.

Методы. Историко-теоретический анализ, эмпирические исследования (авторская методика — анкета «Динамика стиля профессиональной жизни»), методы параметрической статистики.

Результаты. Анализ данных опроса 482 респондентов, мужчин и женщин в возрасте 30–50 лет (132 государственных служащих, 129 инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий, 221 менеджер) показал, что более высокие оценки субъективной значимости условий окружения как «факторов профессионализма», актуализируемых как ресурсы, и наибольшее число интеркорреляций ($r \geq 0,300$) имели место в выборке государственных служащих; меньшие — инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий и в выборке менеджеров.

Выводы. Разные условия социальной среды неодинаково значимы для всех людей (лиц разного пола, возраста, работающих в разных сферах деятельности, имеющих разный опыт и др.) в их позитивном и негативном влиянии на разные проявления успешности человека. Различия условий среды, отраженных как специфичность корреляционных плеяд для каждой группы, указывают на нераздельное влияние внешних условий на успешность субъекта. Как отдельные условия, так и их комбинации представляют относительно устойчивые, целостные и замкнутые пространства. Условия родительской семьи, своей семьи, формируемые активностью человека в сферах его межличностных отношений, в их субъективном восприятии

и субъективной значимости для разных людей выступают как разные, обособленные пространства.

Ключевые слова: социальная успешность, должность, стаж, факторы, условия, среда, окружение, субъект, пространство, ресурсы.

Финансирование. Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2021-0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов».

Для цитирования: Толочек В.А. Социальная успешность субъекта, окружение, ресурсы: открытые вопросы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 136–158. doi: 10.11621/vsp.2022.04.04

doi: 10.11621/vsp.2022.04.04

Scientific Article

SOCIAL SUCCESS OF THE SUBJECT, ENVIRONMENT, RESOURCES: OPEN QUESTIONS

Vladimir A. Tolochek

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Background. Historically changing ideas about the social success of a person, its specificity for representatives of different social groups, the expansion of the number of criteria for describing this phenomenon are becoming a permanently relevant scientific and scientific-practical problem. Associated with it is the phenomenon of «resources», in the explanation of which there are many open questions.

Object of the study is to study the spatial characteristics of the conditions of the social micro- and mesoenvironment as potential resources for the social success of subjects.

Methods. Historical-theoretical analysis, empirical research (author's method — questionnaire «Dynamics of professional life style»), methods of parametric statistics.

Results. An analysis of the survey data of 482 men and women aged 30–50 years (132 civil servants, 129 engineers and heads of departments of industrial enterprises, 221 managers) showed that higher assessments of the subjective significance of environmental conditions as “professional factors”, updated as resources, and the largest number of intercorrelations (with $r \geq 0.300$) took place in the sample of civil servants; smaller ones — engineers and heads of departments of industrial enterprises and in a sample of managers.

Conclusion. Different conditions of the social environment are not equally significant for all people (persons of different sex, age, working in different fields of activity, having different experience, etc.) in their positive and negative impact on various manifestations of a person's success. Differences in environmental conditions, reflected as the specificity of the correlation pleiades for each group, indicate a non-separate effect on the success of the subject. Both individual conditions and their combinations represent relatively stable, integral and closed spaces. The conditions of the parental family, one's family, formed by a person's activity in the spheres of his interpersonal relations, in their subjective perception and subjective significance for different people, act as different, isolated spaces.

Keywords: social success, position, length of service, factors, conditions, environment, space, resources.

Acknowledgement. The work was carried out in accordance with State Assignment No. 0138-2021-0010 "Regulation of professional interaction in the context of organizational and technological challenges".

For citation: Tolochek, V.A. (2022). Professional Identity and the Satisfaction with the Professional Activities as Factors of Well-Being in the Workplace. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 136–158. doi: 10.11621/vsp.2022.04.04

Введение

Одной из тенденций развития современной психологии в последние десятилетия стало обращение к сложным социально-психологическим явлениям (ресурсы, потенциал, потенциалы, жизнеспособность, духовность, качество жизни и удовлетворенностью ею, благополучие и т.п.), которые не могут представляться как законченный, завершённый фрагмент социальной действительности, научная операционализация которых не может быть строго определенной, исчерпывающе полной.

Другой важной тенденцией развития гуманитарных дисциплин выступают попытки обобщения ранее накопленного знания, поиск интегративных операциональных и методических средств (Дорфман, Калугин, 2021; Мазиллов, 2020; Ушаков, 2020). Одним из феноменов, входящим в зону пересечения двух тенденций, выступают *ресурсы*. Это понятие используется для объяснения крайне широкого круга явлений — неординарных социальных достижений (профессиональных в том числе), состояния человека при вынужденной безработице, стабильной карьеры и профессионального выгорания, устойчивости к действию стрессогенных факторов, жизнеспособности и восхожде-

ния к трансцендентальности, стратегий совладания в семьях с приемными детьми, детьми-инвалидами, условий обучения детей с ОВЗ, выбора и освоения ими профессии и др. (Бонкало, Цыганкова, 2015; Демин, 2021; Ильин, 2008; Кибальченко, Эксакусто, 2021; Tedeschi, Calhoun, 2004).

В понимании ресурсов в научной литературе можно выделить две противоположные позиции. Согласно первой ресурсы есть нечто, уже существующее в человеке и/или его окружении, потенциально доступное и сравнительно легко используемое разными людьми для решения актуальных для них социальных задач (Водопьянова, 2014; Лактионова, 2017; Махнач, 2016; Хазова, Дорьева, 2012; Masten, Obradović, 2006; Cicchetti, Rogosch, 1997; Diener, Fujita, 1995; Taylor, 1995). Соответственно, к ресурсам относят известные и хорошо изученные свойства — индивидуальные особенности человека (физические, психофизиологические, личностные, интеллектуальные), специальные знания, умения и навыки, профессиональные компетенции, стили (эмоциональные, стили деятельности, саморегуляции и пр.), стратегии совладания, равно как и внесубъектные условия — отношение и поддержка близких, уровень развития социальных институтов и пр. Таким образом, ресурсы есть нечто рядоположенное компонентам функциональной системы человека, и вовлечение новых ресурсов есть акты прибавления, приращения, количественного усиления этой системы. Согласно второй позиции, более скромно представленной в научных источниках, ресурсы есть внутренние и/или внешние условия человека, которые он как субъект деятельности может ситуативно актуализировать и использовать для повышения и/или поддержания успешности решения отдельных задач и деятельности в целом; ресурсы есть *процессы*, формирующие и/или поддерживающие функциональные состояния человека как субъекта. При этом различаются ресурсы, поддерживающие функции ранее сформированных систем, формирующие новые системы или изменяющие их структуры. Согласно второй позиции, ресурсы есть катализаторы преобразований или перестройки *функциональных систем* (Толочек, Денисова, Журавлева, 2011; Толочек, Денисова, 2013; Толочек, 2020; 2021). Функциональные системы мы понимаем по В.Д. Шадрикову (2013) как эволюционирующие, иерархически организованные физиологические и/или психологические механизмы, обеспечивающие выполнение конкретной деятельности.

В логике первой позиции утверждается, что ресурсы есть нечто, сохраняющее и восстанавливающее свое значение (величину, силу,

воздействие, влияние) продолжительно долго; есть нечто, легко интегрируемое с другими, легко конвертируемое для обеспечения разных видов деятельности (для обозначения этого аспекта используют понятия «накопление», «интеграция», «усиление» ресурсов); есть нечто универсальное, равно пригодное для разных людей, находящихся в разных ситуациях, решающих разные задачи; ресурсы есть нечто, дающее сходные эффекты — успешное решение социальных задач в трудных ситуациях жизнедеятельности, а сочетание, суммирование разных ресурсов обеспечивает большие количественные изменения и эффекты (в деятельности, в совладании со сложными жизненными ситуациями и пр.). В логике второй позиции полагают, что ресурсы есть внешние и/или внутренние уникальные условия человека, действующие эпизодически (вызывающие эффекты лишь «здесь и теперь», лишь у отдельных людей, в особых ситуациях); ресурсы есть нечто, порождающее некоторый импульс, приводящий к качественной перестройке структуры функциональной системы. Соответственно, аргументами в пользу первой или второй из выделенных выше научных позиций могут выступать величины различий условий среды как потенциальных ресурсов у разных людей, более или менее полно и активно «погруженных» в те или иные социальные пространства, более или менее интегрированных в них, что так или иначе может отражаться на их социальной успешности.

Заостряя выделенные выше различия в понимании учеными феномена «ресурсы», определим **цель** нашего исследования: изучение пространственных характеристик условий социальной микро- и мезосреды как потенциальных ресурсов социальной успешности субъектов.

Гипотезы

1. Разные позитивно влияющие условия социальной среды не равнозначны для людей (работающих в разных сферах деятельности, имеющих разный социальный опыт и др.).

2. Позитивно влияющие условия социальной среды не суммируются и не дают более сильный эффект, а комбинируются в специфические ансамбли при решении человеком разных социальных задач.

Выборка

Было опрошено 482 человека, 307 мужчин и 175 женщин в возрасте 30–50 лет (132 государственных служащих, 129 инженеров

и руководителей подразделений промышленных предприятий, 221 менеджер).

Методы

По ранее проверенной на надежность и валидность авторской методике — анкете «Динамика стиля профессиональной жизни» (ДСПЖ) (Толочек, Денисова, Журавлева, 2011; Толочек, Денисова, 2013) респонденты оценивали роль условий социальной среды как «факторов профессионализма», динамику своего профессионализма от 20 до 65 лет (ретроспективно до актуального возраста и проспективно — прогнозируя динамику последующей эволюции); также фиксировались их социально-демографические и служебно-должностные характеристики.

Описание хода исследования

Открытыми вопросами остаются оценки *эффективности деятельности и успешности субъектов* в разных профессиях, занимающих разные должностные позиции, проживающих в разных регионах, имеющих разные «стартовые условия» — весомую социально-психологическую составляющую (в деятельности руководителей, менеджеров, врачей и др.). Количество возможных критериев таких оценок исторически возрастает: «достаточными и необходимыми» до середины XX в. виделись три критерия — продуктивность работы, психофизиологические затраты, удовлетворенность трудом; к концу столетия их выделяли порядка двадцати (Ильин, 2008; Родина, 1996). Появление феномена «гиг-экономики» (gig economy) и расширение числа и доли гиг-работников (gig worker — независимый исполнитель) — лиц с нестандартной занятостью (неполной, проектной занятостью, сезонной, временной, краткосрочной работой и т.п.) намного усложняет «приведение к общему знаменателю» критериев оценки субъекта и его деятельности. При исторических тенденциях расширения артикулируемых факторов успешности (полная занятость, уверенность в своей трудовой занятости, оценки своего жизненного пути, качества трудовой жизни, успешности карьеры, экономического благополучия и пр.) (Демин, 2021; Venach et al., 2014; Lewchuk, 2017), можно ожидать актуализацию и новых значимых для людей факторов (сохранность и субъективные оценки профессионального здоровья и долголетия, полнота самореализации в профессии и в стадии посткарьеры). Следовательно, обсуждаемая проблема перманентно актуальна.

В границах нашего исследования мы различаем *эффективность деятельности* субъекта и профессиональную *успешность субъекта*, проявляющуюся в позитивных временных изменениях в процессах профессионального становления — в должностном продвижении, в овладении новым опытом (в том числе в управленческой деятельности, при изменении социальной позиции и др.). Формальными и легко измеряемыми характеристиками профессиональной успешности субъекта выступают *должность* (занимаемая им должностная позиция) и *стаж управленческой деятельности*. Предполагается, что с возрастом, с приобретением опыта люди чаще последовательно продвигаются по должностным позициям (специалист — старший, ведущий, главный) и могут переходить на должности руководителей низового, среднего и высшего звена управления. Предполагается, что даже при ограничениях оргструктуры для прямого иерархического должностного продвижения работника наиболее подготовленные и талантливые люди становятся руководителями рабочих групп, то есть в добавление своих основных обязанностей исполняют также и управленческие функции, овладевают опытом управления людьми. Другие критерии профессиональной успешности субъекта (мера материального и морального вознаграждения, стаж работы в организации, удовлетворенность трудом, скорость карьерного роста и др.) требуют дополнительного изучения «контекстов», конкретных обстоятельств, проведения сравнительного анализа; поэтому для решения наших задач мы ограничимся двумя выше названными. Ключевыми составляющими *социальной успешности* субъекта будем считать меру полноты его самореализации в трудовой и в семейной сферах жизнедеятельности. Формальными и сравнительно легко измеряемыми составляющими успешности человека в семейной сфере можно считать состояние в браке, устойчивость брака во времени, рождение детей.

Параметры оценок

Наряду с основными переменными анкеты «Динамика стиля профессиональной жизни» (условиями среды, субъективная значимость которых оценивалась от 0 до 8 баллов) в анализе эмпирических данных использовались социально-демографические и служебно-должностные характеристики респондентов, часть из которых можно отнести к интервальным (оценки значимости «факторов профессионализма», уровень образования, занимаемая должность и др.), часть — к шкалам отношений (возраст, стаж, число детей). Наличный

эмпирический материал позволял проводить многократные деления общей выборки (482 человека) на группы по разным характеристикам (пол, должность, профессиональная сфера, возраст, стаж и др.). В выборке и в каждой профессиональной группе различались три подгруппы (по полу — две) и сопоставлялись данные двух крайних: специалистов и руководителей среднего и высшего звена (руководители низового звена и заместители руководителей относились к промежуточной группе)¹; реализовавшихся в семейной сфере (состоящих в браке не менее 5 лет и имеющих не менее 1 ребенка) и не реализовавшихся (не состоящих в данное время в браке, не имеющих опыта семейной жизни, не имеющих детей).

Результаты исследования

Большая часть эмпирических данных характеризовалась нормальным распределением, значения асимметрии и эксцесса были в пределах [$\leq 1,000$], что позволяет выдвигать и проверять рабочие гипотезы (Наследов, 2007). В предшествующих исследованиях подтверждалась надежность и валидность методики (Толочек, Денисова, Журавлева, 2011; Толочек, Денисова, 2013; Толочек, 2021). 3 группы профессионалов были сходны (по средним, стандартным отклонениям) — по полу (мужчины составляли большинство — от 55 до 79%), возрасту (37,2–44,1 года), занимаемой должности (специалисты, руководители низового и среднего звена), стажу работы (16,2–23,5 года), управленческой деятельности (6,8–9,8 года) и семейной жизни (10,8–18,3 года), числу детей (в среднем 1,1–1,5). В каждой группе имели место выраженные межиндивидуальные вариации по всем анализируемым переменным (социально-демографическим и служебно-должностным характеристикам, по оценкам условий среды как «факторов профессионализма»). Из 6 анализируемых условий *родительской семьи* статистически значимые различия (t-критерий для независимых групп) между госслужащими и инженерами отмечены по 3-м переменным, между инженерами и менеджерами по 4-м,

¹ Индексы должностных позиций субъектов в организации присваивались с учетом их естественной иерархии, начиная с 1 — неквалифицированный работник; 2 — квалифицированный работник (наличие опыта и профессиональной подготовки); 3 — мастер, специалист, инженер, менеджер (лица, имеющие среднее и высшее специальное образование); 4 — руководители низового звена управления, заместители; 5 — руководители среднего звена управления: начальник цеха, отдела, департамента и т.д.; 6–7–8 — руководители высшего звена управления организации, работники министерства.

госслужащими и менеджерами по 4-м. Так, например, образование и занимаемая должность обоих родителей была выше в выборке инженеров, ниже — в выборке менеджеров. Различия субъективной значимости 15 анализируемых «факторов профессионализма» констатировались по 11 переменным (госслужащие/инженеры), 7 (инженеры/менеджеры), 10 (менеджеры/госслужащие), или соответственно по 73%, 47% и 67% рассматриваемых «факторов» (табл. 1).

Таблица 1

Статистики (средние и коэффициенты линейной корреляции) оценок субъективной значимости условий среды как «факторов профессионализма» представителей трех выборок

Условия среды: оценки значимости	Средние			Госслужащие			Менеджеры			Инженеры		
	М1	М2	М3	Д1	СУ1	СС1	Д2	СУ2	СС2	Д3	СУ3	СС3
Отец	5,38	3,94	3,79	0,47	0,31	0,25	0,16	0,12	0,021	0,39	0,11	0,16
Мать	5,69	5,07	4,46	0,16	0,12	-0,04	0,02	-0,06	-0,13	0,14	-0,09	-0,07
Братья/сестры	2,10	1,60	1,25	0,08	0,10	0,11	0,00	-0,07	-0,03	0,03	-0,03	-0,04
Родственники	2,61	1,79	1,58	0,12	0,18	0,10	0,13	0,14	-0,03	0,00	-0,12	-0,20
Друзья	3,36	2,97	2,63	-0,06	0,05	0,00	0,00	0,00	-0,04	0,31	0,11	0,14
Женщины	2,48	2,65	1,76	-0,06	0,03	-0,07	-0,03	-0,09	-0,02	0,02	-0,23	-0,21
Мужчины	3,41	3,34	2,53	0,00	0,03	-0,07	0,21	0,04	0,00	0,13	0,12	-0,09
Супруги	2,99	2,87	2,66	0,14	0,05	0,30	0,14	0,17	0,32	0,36	0,26	0,37
Дети	2,28	1,61	1,57	0,08	0,09	0,27	-0,07	0,00	0,18	0,18	0,18	0,05
Руководители	5,17	4,83	4,12	0,41	0,20	0,08	0,21	0,10	0,09	0,45	0,23	0,10
Рабочие группы	4,41	4,34	3,99	-0,10	-0,08	-0,04	0,06	0,00	-0,05	0,39	-0,05	0,05
Наука	3,42	3,98	2,29	-0,02	-0,02	0,00	0,13	0,03	0,05	0,31	0,11	0,05
Искусство	3,23	3,14	3,12	-0,12	-0,03	0,00	0,06	0,00	0,07	0,17	0,07	0,07
Религия	2,11	2,24	1,68	-0,23	-0,18	0,00	0,06	0,00	-0,06	0,08	-0,06	-0,03
Обстоятельства	1,22	1,57	0,94	-0,10	-0,08	-0,09	0,06	0,00	-0,05	0,00	-0,05	-0,12

Примечание: М1 — государственные служащие (средние по выборке); М2 — менеджеры (инженеры и руководители подразделений промышленных предприятий); М3 — инженеры. Коэффициенты корреляции условий среды: Д1 — с должностью госслужащих; СУ1 — со стажем управленческой деятельности госслужащих; СС1 — со стажем семейной жизни госслужащих; Д2 — с должностью менеджеров; СУ2 — со стажем управленческой деятельности менеджеров; СС2 — со стажем семейной жизни менеджеров; Д3 — с должностью инженеров; СУ3 — со стажем управленческой деятельности инженеров; СС3 — со стажем семейной жизни инженеров.

Table 1

Statistics (averages and linear correlation coefficients) of assessments of the role of social environment conditions as “professionalism factors” of representatives of three

Environmental Conditions: Significance Estimates	Medium			Civil servants			Managers			Engineers		
	M1	M2	M3	P1	ME1	FE1	P2	ME2	FE2	P3	ME3	FE3
Fathers	5.38	3.94	3.79	0.47	0.31	0.25	0.16	0.12	0.02	0.39	0.11	0.16
Mothers	5.69	5.07	4.46	0.16	0.12	-0.04	0.02	-0.06	-0.13	0.14	-0.09	-0.07
Brothers/ sisters	2.10	1.60	1.25	0.08	0.10	0.11	0.00	-0.07	-0.03	0.03	-0.03	-0.04
Relatives	2.61	1.79	1.58	0.12	0.18	0.10	0.13	0.14	-0.03	0.00	-0.12	-0.20
Friends	3.36	2.97	2.63	-0.06	0.05	0.00	0.00	0.00	0.04	0.31	0.11	0.14
Women	2.48	2.65	1.76	-0.06	0.03	-0.07	-0.03	-0.09	-0.02	0.02	-0.23	-0.21
Men	3.41	3.34	2.53	0.00	0.03	-0.07	0.21	0.04	0.00	0.13	0.12	-0.09
Spouses	2.99	2.87	2.66	0.14	0.05	0.30	0.14	0.17	0.32	0.36	0.26	0.37
Children	2.28	1.61	1.57	0.08	0.09	0.27	-0.07	0.00	0.18	0.18	0.18	0.05
Senior officials	5.17	4.83	4.12	0.41	0.20	0.08	0.21	0.10	0.09	0.45	0.23	0.10
Working groups	4.41	4.34	3.99	-0.10	-0.08	-0.04	0.06	0.00	-0.05	0.39	-0.05	0.05
Science	3.42	3.98	2.29	-0.02	-0.02	0.00	0.13	0.03	0.05	0.31	0.11	0.05
Arts	3.23	3.14	3.12	-0.12	-0.03	0.00	0.06	0.00	0.07	0.17	0.07	0.07
Religions	2.11	2.24	1.68	-0.23	-0.18	0.00	0.06	0.00	-0.06	0.08	-0.06	-0.03
Circumstances	1.22	1.57	0.94	-0.10	-0.08	-0.09	0.06	0.00	-0.05	0.00	-0.05	-0.12

Note: M1 — civil servants (sample averages); M2 — managers; M3 — engineers (engineers and heads of departments of industrial enterprises). P1 — coefficients of correlation of environmental conditions with the position of civil servants; ME1 — with experience in management activities of civil servants; FE1 — with experience of family life of civil servants; P2— with a position of managers; ME2 — with managerial experience of managers; FE2 — with experience in the family life of managers; P3 — with the position of engineers; ME3 — with experience in managerial activities of engineers; FE3 — with the experience of family life of engineers.

Ввиду представительности сравниваемых групп (129, 132, 221 человек), их гомогенности, статистическая значимость различий фиксируется уже при различии групповых средних порядка 0,5 балла. Полагая, что различия между представителями выделяемых социальных групп не сводятся к отдельным «факторам», а связаны и согласованы между собой, на следующем этапе исследования проводился корреляционный анализ условий социальной среды (оцениваемых

как субъективно значимые «*факторы профессионализма*»¹). Рассматривая в настоящей статье лишь часть таких связей (10 из 15 «факторов профессионализма», стаж управленческой деятельности, уровень занимаемой должности и стаж семейной жизни), в выборке 132 госслужащих выделено 16 интеркорреляций с $r > 0,3$, в том числе две с $r > 0,5$, и ни одной с $r \geq 0,7$. В выборке 122 менеджеров — 7 корреляций с $r > 0,3$, из них 2 — с $r > 0,5$. В выборке 129 инженеров — 8 корреляций с $r > 0,3$; 2 — с $r > 0,5$; 1 — с $r \geq 0,7$ (табл. 2). Итак, среди анализируемых нами переменных их весомая доля (от 19% до 54%) коррелируют между собой не ниже $r = 0,3$. При этом две из пятнадцати переменных («обстоятельства» и «религия») имели низкие оценки (не превышающие 2,2), незначительные межгрупповые вариации (не более 0,60) и слабо коррелировали с другими переменными. Поэтому в последующем их связи и влияния мы не обсуждаем и в табл. 2 не приводим.

Корреляционный анализ оценок субъективной значимости условий окружения как «факторов профессионализма» и трех критериев социальной успешности (должностной позиции, стажа управленческой деятельности и стажа семейной жизни) показал, что у представителей трех рассматриваемых профессиональных выборок эти связи также разнятся как по величине коэффициентов, так иногда и по знаку (табл. 2).

Обсуждение результатов

В решении задач НИР нами акцентируется внимание не на фактах наличия статистически значимых различий или связей между переменными (в выборках в 100–200 человек они значимы уже при различии средних около 0,5 балла; а теснота связей — при коэффициентах r в диапазоне (0,13–0,15), что для объяснения сложных явлений ничего существенного не добавляет, помимо констатаций, что «все связано со всем»). Но при r от 0,13 до 0,15 коэффициенты детерминации ($R = r^2$) находятся в интервале 0,015–0,022, что соответствует

¹ Ввиду того, что выборки разных социальных групп (инженеры/госслужащие, мужчины/женщины, специалисты/руководители и др.) различаются по размеру, в анализе статистик мы ориентируемся не на констатации факта статистической значимости связи или различия, а на различия величин этих связей, условно выделяя 3 уровня: $r \geq 0,3$, $r \geq 0,5$, $r \geq 0,7$. В литературе их понимают как слабые, средние и сильные корреляции. Кроме того, помимо констатации вероятности связи 2-х переменных, важен и вопрос меры детерминации вариации одной переменной со стороны другой, или коэффициент детерминации (R), который понимается как квадрат коэффициента корреляции — $R = r^2$ (Наследов, 2007; др.).

Таблица 2

Коэффициенты линейной корреляции переменных (оценок субъективной значимости условий среды как «факторов профессионализма») представителей трех выборок

Условия среды: оценки субъективной значимости									
<i>Госслужащие</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отец	-	0,478	-0,007	-0,047	-0,025	0,333	0,029	-0,046	-0,071
2. Мать	—//—		0,018	0,197	0,114	0,292	0,030	0,139	0,104
3. Друзья	—//—			0,373	0,422	0,179	0,486	0,350	0,451
4. Женщины	—//—				0,623	0,283	0,359	0,371	0,466
5. Мужчины	—//—					0,268	0,377	0,444	0,333
6. Руководители	—//—						0,438	0,246	0,107
7. Рабочие группы	—//—							0,423	0,343
8. Наука	—//—								0,684
9. Искусство	—//—								
<i>Менеджеры</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отец	-	0,475	0,005	0,060	0,121	0,017	0,024	0,089	0,134
2. Мать	—//—		0,025	0,056	0,003	-0,025	-0,023	0,000	0,058
3. Друзья	—//—			0,482	0,448	0,292	0,254	0,149	0,187
4. Женщины	—//—				0,553	0,275	0,250	0,285	0,313
5. Мужчины	—//—					0,333	0,271	0,285	0,302
6. Руководители	—//—						0,469	0,336	0,187
7. Рабочие группы	—//—							0,250	0,266
8. Наука	—//—								0,564
9. Искусство	—//—								
<i>Инженеры</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отец	-	0,467	0,180	0,055	0,221	0,291	0,265	0,334	0,192
2. Мать	—//—		0,043	0,140	0,100	0,059	0,132	0,149	0,152
3. Друзья	—//—			0,292	0,311	0,358	0,281	0,185	0,228
4. Женщины	—//—				0,462	0,226	0,219	0,068	0,342
5. Мужчины	—//—					0,192	0,201	0,174	0,309
6. Руководители	—//—						0,772	0,312	0,187
7. Рабочие группы	—//—							0,356	0,254
8. Наука	—//—								0,506
9. Искусство	—//—								

Table 2

Linear correlation coefficients of variables (assessments of the role of environmental conditions as “professionalism factors”) of representatives of three samples

Environmental conditions: assessments of subjective significance									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Civil servants</i>									
1. Fathers	-	0.478	-0.007	-0.047	-0.025	0.333	0.029	-0.046	-0.071
2. Mothers			0.018	0.197	0.114	0.292	0.030	0.139	0.104
3. Friends				0.373	0.422	0.179	0.486	0.350	0.451
4. Women					0.623	0.283	0.359	0.371	0.466
5. Men						0.268	0.377	0.444	0.333
6. Senior officials							0.438	0.246	0.107
7. Working groups								0.423	0.343
8. Science									0.684
9. Arts									
<i>Managers</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Fathers	-	0.475	0.005	0.060	0.121	0.017	0.024	0.089	0.134
2. Mothers			0.025	0.056	0.003	-0.025	-0.023	0.000	0.058
3. Friends				0.482	0.448	0.292	0.254	0.149	0.187
4. Women					0.553	0.275	0.250	0.285	0.313
5. Men						0.333	0.271	0.285	0.302
6. Senior officials							0.469	0.336	0.187
7. Working groups								0.250	0.266
8. Science									0.564
9. Arts									
<i>Engineers</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Fathers	-	0.467	0.180	0.055	0.221	0.291	0.265	0.334	0.192
2. Mothers			0.043	0.140	0.100	0.059	0.132	0.149	0.152
3. Friends				0.292	0.311	0.358	0.281	0.185	0.228
4. Women					0.462	0.226	0.219	0.068	0.342
5. Men						0.192	0.201	0.174	0.309
6. Senior officials							0.772	0.312	0.187
7. Working groups								0.356	0.254
8. Science									0.506
9. Arts									

лишь 1,5–2,2% объясняемой дисперсии. Поэтому в таблицах нами обсуждаются лишь «весомые» коэффициенты корреляции $r \geq 0,3$, объясняющие не менее 9% дисперсии (табл. 1, 2).

В циклах наших предшествующих НИР (Толочек, Денисова, Журавлева 2011; Толочек, Денисова, 2013; Толочек, 2020) регулярно подтверждаются связи между выбором человеком сферы деятельности, успешностью его карьеры и уровнем образования отца и матери, успешностью их карьеры; социальной успешностью субъекта и признания им роли руководителей и рабочих групп, друзей, роли супругов и детей и др. При этом регулярно подтверждаются выраженные межгрупповые различия в оценках субъективной значимости условий окружения как «факторов профессионализма» у людей как представителей определенных социальных групп, выделяемых по разным критериям (мужчин и женщин, специалистов и руководителей и др.). Поэтому более важными для нас выступают не отдельные факты связей или различий, а особенности комбинаций условий окружения как потенциальных ресурсов социальной успешности человека, успешности его самореализации в разных сферах жизнедеятельности.

В этом плане принципиально значимыми оказываются следующие результаты: 1) весомая доля разных условий окружающей среды (от 20 до 80% от числа анализируемых нами переменных), субъективная значимость которых для представителей разных социальных групп достигает пороговых значений; 2) различие отдельных условий в их субъективной значимости для представителей разных групп; 3) своеобразие комбинаций условий среды (от 19% до 53% анализируемых интеркорреляций превышают величину $r = 0,3$) у представителей разных групп; 4) повышение тесноты статистических связей при уменьшении размера выборки; 5) своеобразие комбинаций субъективно значимых условий среды для каждого человека. Другими словами, значительная часть того, что нас окружает, далеко не индифферентна для нас физически и психологически, окружающие условия имеют разную субъективную значимость для каждого, их значимость различается с изменениями возраста, социального статуса и пр.

Безусловно, в НИР обсуждаются не все возможные, а лишь некоторые, концептуально выделяемые фрагменты социальной действительности, концентрированно рассматриваемые на основании опыта предыдущих исследований и литературных данных. Но сам факт того, что значительная доля переменных из числа *анализируемых* условий среды оказывается «статистически значимой», наводит на мысль о том, что и многое, остающееся за пределами данного ис-

следования, также не индифферентно для успешной самореализации человека в разных сферах.

Согласно полученным результатам люди в разной степени ориентируются на разные внешние условия, которые представлены в их социальном окружении, по-разному открыты, расположены, восприимчивы, «чувствительны» к ним. При этом отдельные условия среды выступают для людей как особенные, субъективно значимые, и группируются в своеобразные ансамбли, типичные для представителей данного пола, профессии, самореализации в семейной сфере и пр. И такие группировки отдельных условий среды не всегда имеют знак «плюс». Некоторые из них, позитивно влияя на социализацию человека в одних отношениях и сферах жизнедеятельности, за пределами оных могут выступать как тормозящие, блокирующие условия. Та или иная микро- и мезосреда (родительской семьи или своей семьи, рабочих групп, корпоративной культуры организации и пр.) воздействует на человека не диффузно и не «в целом». Большая часть из рассматриваемых нами «факторов профессионализма» — внешних условий, в целом по выборке нейтральны (братья и сестры, родственники, обстоятельства), другая часть — позитивно (отец, руководители) или слабонегативно (религия, искусство) влияют на разные аспекты социальной успешности человека. Но воздействия немногих из них достаточно, чтобы выступать в качестве ресурсов. Нередко они сопряжены с другими условиями. В каждой социальной группе (профессиональной в том числе) такие плеяды условий различаются по конфигурации и тесноте связей.

Выделим связи условий среды как факторов успешности, проявляющиеся в гомогенных социальных группах. Примечательно, что большую долю интеркорреляций между такими факторами, как отец, друзья, мужчины, женщины, руководители, рабочие группы, мы находим именно в выборке госслужащих и инженеров, которые, в сравнении с менеджерами, имеют профильное базовое (или второе высшее образование), работают в более стабильных коллективах с типовой организационной культурой. Максимальное число корреляций с $r \geq 0,3$ по выше названным факторам — в группе госслужащих (16) при большой доле «сквозных» (универсальных, объединяющих) условий, формирующих 2 «ядра»: «друзья», «мужчины», «женщины»; «руководители», «рабочие группы». В группе инженеров 11 корреляций (ключевыми среди которых выступают такие факторы, как отец, друзья, женщины, мужчины, руководители, рабочие группы) с $r \geq 0,3$, но ни одна переменная не выступает как «сквозная», объединяю-

щая несколько других; такие же 2 «ядра» выражены заметно слабее (табл. 2). В группе менеджеров 7 корреляций с $r \geq 0,3$ при отсутствии «сквозных» факторов и выделенных «ядер». В группе менеджеров наименьшее число интеркорреляций (ключевыми среди которых являются друзья, женщины, мужчины, руководители) объясняется, вероятно, большим разнообразием условий их деятельности, размерами организаций, корпоративной культуры и пр.

Конфигурации корреляционных плеяд также указывают на относительную замкнутость социальных субсред, субпространств — родительской семьи, своей семьи, рабочих групп, устойчивых межличностных связей человека, условий социальной мезосреды. Так, положительно коррелирующие между собой «друзья», «мужчины», «женщины» нередко слабо коррелируют с признанием роли отца и матери, супругов и детей, рабочих групп и руководителей, науки, искусства и религии. Есть основания полагать, что типичные условия разных сфер жизнедеятельности человека, разные «круги» его общения как относительно закрытые пространства поддерживают «статус-кво» их членов — их социальной позиции, ценностных ориентаций и пр.

Корреляция оценок условий окружения как «факторов профессионализма» и трех критериев социальной успешности (занимаемой должности, стажа управленческой деятельности и семейной жизни) показывает, что: 1) разные условия социальной среды в разной степени значимы для представителей разных профессий (для государственных служащих — друзья, женщины, мужчины, руководители, которые выступают и в более тесных связях между собой; для менеджеров — также друзья, женщины, мужчины, руководители, но с другими коэффициентами корреляции; для инженеров — друзья, мужчины, женщины, руководители и рабочие группы, также своеобразно «связанные» между собой); 2) условия, субъективно оцениваемые как значимые (роль матери, родственников), в действительности могут не выступать факторами социальной успешности человека (т. е., при высоких оценках значимости не коррелируют с успешностью); 3) разные условия социальной среды в разной степени значимы для разных видов успешности человека — должностного роста, стажа управленческой деятельности и стажа семейной жизни (согласно результатам t-сравнения и корреляционного анализа у госслужащих и инженеров высокие оценки роли отца и руководителей позитивно проявляются во всех видах успешности, прежде всего — должностного продвижения и стажа управления людьми; высокие оценки роли

друзей — у инженеров; у менеджеров при высоких оценках тех же условий, связи оценок условий с карьерой, стажем управления и семейной жизни слабые); 4) ряд условий, значимых для «нормального», ординарного социального функционирования человека, могут играть как позитивную, так и негативную роль в становлении социальной успешности представителей разных профессий (у всех обследованных высокие оценки роли матери отрицательно связаны с продолжительностью семейной жизни, у инженеров — также и оценки роли родственников; у госслужащих и инженеров высокие оценки роли руководителей коррелируют с должностным продвижением и накоплением управленческого опыта; высокие оценки роли рабочих коллективов положительно коррелируют с должностным продвижением у инженеров; высокие оценки роли религии отрицательно связаны с должностью госслужащих; у всех — оценки роли женщин не коррелируют с должностью, стажем управленческой деятельности и семейной жизни: Обратим внимание: средние групповые оценки большей части «факторов профессионализма» у представителей всех выделяемых групп заметно меньше средней ожидаемой оценки ($M_{cp} = 4,0$). Другими словами, все обследуемые, состоявшие как профессионалы, свою социальную успешность «поддерживают» посредством немногих из доступных им условий окружения (отец или друзья, или коллеги). Чаще других и более «универсально» действующими условиями являются роль отца, членов рабочих групп и руководителей, позитивно проявляющихся в должностном продвижении и накоплении управленческого стажа (табл. 1).

Если, обобщая данные t-сравнения и корреляционного анализа, обратиться к качественному анализу особенностей профессиональной сферы представителей трех рассматриваемых групп, можно представить более общую картину взаимосвязей разных условий социальной среды, включающей «высоту профессиональной иерархии» (число должностных позиций от специалиста до генерального директора), стабильность рабочих групп, долю социально-психологических составляющих в деятельности субъекта, долю межличностных взаимодействий с разными партнерами, особенности продуктов деятельности (услуг). В более широком круге рассматриваемых переменных можно находить дополнительные объяснения обсуждаемым выше фактам. И это задачи будущих исследований.

Следуя поставленной цели, проверяя наши гипотезы и анализируя полученные результаты, мы также провели циклы аналогичных расчетов с выделением других социальных групп (мужчин/женщин,

специалистов/руководителей подразделений, реализовавшихся/не реализовавшихся в семейной сфере) как в общей выборке (482 ч.), так и в границах каждой из рассматриваемых профессиональных групп (132 государственных служащих, 129 инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий, 221 менеджер). Во всех циклах расчетов были получены ожидаемые и сходные результаты. Представители всех выделяемых нами новых групп также различались по: а) субъективной значимости для них условий социальной среды; б) тесноте интеркорреляций анализируемых условий; в) тесноте связей условий и трех критериев успешности (должностной позиции, стажа управленческой деятельности, стажа семейной жизни). Другими словами, паттерны субъективно значимых условий среды сопряжены не только и не столько с узкопрофессиональными различиями людей, но имеют свои особые типовые комбинации для представителей каждой из социальных групп, в большей или меньшей степени влияя на разные проявления их социальной успешности.

Напомним, что большая доля тесных интеркорреляций оценок условий среды имела место именно в выборке госслужащих и инженеров. Другими словами, чем более стабильны условия одних субпространств, тем больше они структурированы и тем более жестко они сопряжены с условиями других субпространств.

Эти отношения можно выразить иначе: чем более стабильно (консервативно в динамике) субпространство, тем более устойчивы и определены социальные позиции субъектов; подобная устойчивость и определенность социальной позиции субъектов транслируется и в другие субпространства. Поэтому в отношении второй гипотезы выделим и добавим следующие «цепочки» причинно-следственных отношений людей и условий окружения: а) разные условия каждого социального пространства (например, родительской семьи или рабочих групп) имеют разную значимость для человека; б) важная роль одних нередко сочетается с «незаметностью» других (важная роль отца или матери, братьев и сестер; мужчин или женщин; руководителей или «рядовых»); в) суммирование «вкладов» всех рассматриваемых условий тех или иных субпространств (родительской семьи или своей семьи, рабочих групп или более широкого круга межличностных отношений) и корреляция таких сумм с выделенными критериями успешности дает более низкие коэффициенты, чем корреляции с отдельными условиями окружения; г) со временем роль одних условий среды в эволюции профессионализма субъекта

сохраняется (отца, мужчин), других (матери, братьев и сестер, родственников, женщин) — снижается.

Завершая обсуждение проблемы признаем, что условия внешней среды как возможные ресурсы человека могут находиться в отдельных друг от друга фрагментах социального пространства и при этом как-то взаимодействовать друг с другом. При этом ряд условий окружения как факторы социальной успешности людей выступает амбивалентно — в комбинациях с другими позитивно и/или негативно влияя на разные аспекты успешности, на успешность в разном возрасте и в разных профессиях.

В отношении феномена «ресурсы» сложно делать «позитивные» констатации, но результаты наших исследований позволяют делать «негативные» — ресурсы (как их должно понимать в психологических исследованиях): а) не являются непосредственно материальными объектами; б) не проявляются кумулятивно («накапливаясь» заблаговременно); в) не передаются непосредственно от человека человеку.

Выводы

1. Разные условия социальной среды неодинаково значимы для лиц разного пола, возраста, работающих в разных сферах деятельности, имеющих разный социальный опыт, в их позитивном и негативном влиянии на разные проявления социальной успешности человека.

2. Множества условий социальной среды, отраженных в специфичности корреляционных плеяд у выделяемых социальных групп, указывают на их нераздельное влияние на социальную успешность субъекта. При этом лишь для некоторых условий каждого из выделяемых нами субпространств (родительской семьи или своей семьи, рабочих групп и др.) оценки субъективной значимости превышают значение средних (4,0 балла), а высокие оценки значимости условий не всегда выступают «факторами профессионализма», не всегда коррелируют с выделенными критериями социальной успешности.

3. Комбинации условий представляют относительно устойчивые, целостные и замкнутые пространства, «круги» социального окружения человека. Относительно закрытые пространства (условия родительской семьи и своей семьи), и условно открытые (условия социальной мезо- и микросреды) в их субъективном восприятии и их субъективной значимости для разных людей выступают как обособленные социальные пространства.

4. Более высокие оценки субъективной значимости условий окружения как «факторов профессионализма» имели место в выборке государственных служащих; наименьшие — инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий; в выборке менеджеров — имели промежуточные значения. Наибольшее число интеркорреляций ($r \geq 0,3$) выделено в выборке госслужащих при большой доле «сквозных» (универсальных, объединяющих) условий, формирующих 2 «ядра» связей («друзья», «мужчины», «женщины»; «руководители», «рабочие группы»); в выборке инженеров — несколько меньше; наименьшее число — в выборке менеджеров при отсутствии «сквозных» факторов и «ядер» интеркорреляций.

Литература

Бонкало Т.И., Цыганкова М.Н. Актуализация личностного и профессионального самоопределения обучающихся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования. М.: Изд-во РГСУ, 2015.

Водошнянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб, 2014.

Демин А.Н. Психология precarious занятости: становление предметной области, основные проблемы и подходы к их изучению // Организационная психология. 2021. Т. 11, № 2. С. 98–123.

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008.

Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В. Психология креативности, одаренности и гениальности. Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2021.

Лактионова А.И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Мазилев В.А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020.

Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Наследов А.Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб: Питер, 2007.

Родина О. Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 1996. Т. 14, № 3. С. 60–67.

Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2020.

Толочек В.А. Технологии профессионального отбора. М.: Юрайт, 2021.

Толочек В.А., Денисова В.Г. Динамика профессионального становления в представлениях субъекта: самооценки как самодостаточные эмпирические данные // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 6. С. 29–39.

Толочек В.А., Денисова В.Г., Журавлева Н.И. Динамика и условия становления субъекта в социономических профессиях // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 6. С. 41–48.

Ушаков Д.В. На пути к целостному видению человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17, № 4. С. 617–629. doi: 10.17323/1813-8918-2020-4-617-629

Хазова С.А., Дорьева Е.А. Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома: Изд-во: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012.

Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Benach, J., Vives, A., Amable, M., Vanroelen, C., Tarafa, G., Muntaner, C. (2014). Precarious employment: understanding an emerging social determinant of health. *Annual Review of Public Health*, 35, 229–253.

Cicchetti, D., Rogosch, F. A. (1997). The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children. *Development and Psychopathology*, 9 (4), 799–817.

Diener, E., Fujita, F. (1995). Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach. *Journal of Social Psychology*, 68 (5), 926–935.

Lewchuk, W. (2017). Precarious jobs: Where are they, and how do they affect well-being? *Economic and Labour Relations Review*, 28 (3), 402–419.

Masten, A. S., Obradović, J. (2006). Competence and resilience in development. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1094, 13–27, doi: 10.1196/annals.1376.003

Taylor, Sh.E. (1995). Health psychology. Boston: McGraw Hills, Inc.

Tedeschi, R. G., Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15 (1), 1–18.

References

Benach, J., Vives, A., Amable, M., Vanroelen, C., Tarafa, G., Muntaner, C. (2014). Precarious employment: understanding an emerging social determinant of health. *Annual Review of Public Health*, 35, 229–253.

Bonkalo, T.I., Tsygankova, M.N. (2015). Actualization of personal and professional self-determination of students with disabilities in the context of inclusive education. Moscow: Izd-vo RGSU. (In Russ.).

Cicchetti, D., Rogosch, F. A. (1997). The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children. *Development and Psychopathology*, 9 (4), 799–817.

Demin, A.N. (2021). Psychology of precarious employment: formation of the subject area, main problems and approaches to their study. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational psychology)*, 11 (2), 98–123. (In Russ.).

Diener, E., Fujita, F. (1995). Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach. *Journal of Social Psychology*, 68 (5), 926–935.

Dorfman, L.Ya., Kalugin, A.Yu. (2021). Individual-intellectual integration of a person. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". (In Russ.).

Ilyin, E.P. (2008). Differential psychology of professional activity. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).

Khazova, S.A., Dor'eva, E.A. (2012). Subject resources: theory and practice of research. Kostroma: Izd-vo: KGU im. N.A. Nekrasova. (In Russ.).

Kibalchenko, I.A., Exakusto, T.V. (2021). Psychology of creativity, giftedness and genius. Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo feder. un-ta. (In Russ.).

Laktionova, A.I. (2017). Vitality and social adaptation of adolescents. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». (In Russ.).

Lewchuk, W. (2017). Precarious jobs: Where are they, and how do they affect well-being? *Economic and Labour Relations Review*, 28 (3), 402–419.

Makhnach, A.V. (2016). Human and family viability: socio-psychological paradigm. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". (In Russ.).

Masten, A. S., Obradović, J. (2006). Competence and resilience in development. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1094, 13–27, doi: 10.1196/annals.1376.003

Mazilov, V.A. (2020). The subject of psychology. Yaroslavl: RIO YAGPU. (In Russ.).

Nasledov, A.D. (2007). SPSS: Computer Data Analysis in Psychology and Social Sciences. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).

Rodina, O. N. (1996). On the concept of "success of labor activity". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 14, Psikhologiya (Psychology)*, 14 (3), 60–67. (In Russ.).

Shadrikov, V.D. (2013). Psychology of human activity. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN»

Taylor, Sh.E. (1995). Health psychology. Boston: McGraw Hills, Inc.

Tedeschi, R. G., Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15 (1), 1–18.

Tolochek, V.A. (2020). Psychology of work. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).

Tolochek, V.A. (2021). Technologies of professional selection. Moscow: Yurayt. (In Russ.).

Tolochek, V.A., Denisova, V.G. (2013). The dynamics of professional development in the views of the subject: self-assessments as self-sufficient empirical data. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 34 (6), 29–39. (In Russ.).

Tolochek, V.A., Denisova, V.G., Zhuravleva, N.I. (2011). Dynamics and conditions for the formation of the subject in socio-economic professions. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 32 (6), 41–48. (In Russ.).

Ushakov, D.V. (2020). On the way to a holistic vision of man. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 17 (4), 617–629. doi: 10.17323/1813-8918-2020-4-617-629 (In Russ.).

Vodopyanova, N.E. (2014). Resursnoye obespecheniye protivodeystviya professional'nomu vygoraniyu sub'yektov truda (na primere spetsialistov "sub'yekt-sub'yektnykh" professiy): Avtoref. diss. ... dokt. psikhol. Nauk. (Resource support for

counteracting professional burnout of subjects of labor (on the example of specialists in “subject-subject” professions). Doctoral dissertation. (Psychology). SPb. (In Russ.).

Статья получена: 20.04.2022;

принята: 20.09.2022;

отредактирована: 15.11.2022.

Received: 20.04.2022;

accepted: 20.09.2022;

revised: 15.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толочек Владимир Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия, tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

ABOUT AUTHOR

Vladimir A. Tolochek — ScD (Psychology), Professor, Leading Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

УДК 316.6
doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

Научная статья

О ВЗАИМОСВЯЗИ ВИДОВ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ С МОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И ТОЛЕРАНТНОСТЬЮ

Н.В. Мешкова*¹, С.Н. Ениколопов², Ю.И. Жаринова³,
Д.Д. Муховнина⁴

^{1, 3, 4} Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия

¹ nmeshkova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3965-9382>

³ zharik178@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0862-315X>

⁴ dashamukovnina0501@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1415-058>

² Научный центр психического здоровья, Москва, Россия
enikolopov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7899-424X>

* Автор, ответственный за переписку: nmeshkova@yandex.ru

Актуальность. Актуальность изучения социальной креативности связана с оптимизацией межличностного взаимодействия в рабочих и учебных группах. Дается определение социальной креативности как способности порождать оригинальные решения проблем в социальном взаимодействии. Предлагается классификация социальной креативности по валентности задачи: просоциальная и асоциальная (задачи с негативной коннотацией) креативность.

Цель исследования состояла в выявлении связи между видами социальной креативности с толерантностью и моральной идентичностью.

Выборка. В исследовании приняли участие старшеклассники и студенты вуза и колледжа (N = 96).

Методы. Использовались методики «Индекс толерантности» (Солдатова и др.), моральной идентичности (Aquino, Americus) и задания на дивергентное мышление, в качестве которых предлагались ситуации с разной коннотацией — просоциальной и негативной. Проверялись гипотезы о положительной связи просоциальной креативности и отрицательной связи асоциальной креативности с толерантностью и моральной идентичностью.

Результаты. Гипотезы подтвердились частично: в задании с просоциальной коннотацией была выявлена положительная связь моральной идентичности с асоциальной креативностью; в задании с негативной коннотацией мести были выявлены отрицательная связь асоциальной креативности с моральной идентичностью и общим индексом толерантности;

положительная связь просоциальных решений с моральной идентичностью и толерантностью.

Выводы. Делаются выводы о возможной регулирующей и сдерживающей функции, которую могут осуществлять толерантность и моральная идентичность в асоциальной креативности: высокие значения параметров соотносятся с отказом от мести, и наоборот, низкие значения соотносятся с идеями мести, при этом регулирующая роль моральной идентичности может не проявляться в просоциальной ситуации.

Ключевые слова: социальная креативность, RWDT, просоциальная креативность, асоциальная креативность, моральная идентичность, толерантность.

Для цитирования: Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Жаринова Ю.И., Муховнина Д.Д. О взаимосвязи видов социальной креативности с моральной идентичностью и толерантностью // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 159–178. doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

Scientific Article

ON THE RELATIONSHIP OF TYPES OF SOCIAL CREATIVITY WITH MORAL IDENTITY AND TOLERANCE

Natalia V. Meshkova*¹, Sergey N. Enikolopov², Yuliya I. Zharinova³, Darya D. Mukovnina⁴

^{1, 3, 4} Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

¹ nmeshkova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3965-9382>

³ zharik178@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0862-315X>

⁴ dashamukovnina0501@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1415-058>

² Scientific Center for Mental Health, Moscow, Russia

enikolopov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7899-424X>

*Corresponding author: nmeshkova@yandex.ru

Background. The article presents the data of an empirical study of the relationship between tolerance, moral identity and social creativity. The definition of social creativity is given as the ability to generate original solutions to problems in social interaction. The classification of social creativity according to the content of the task is proposed: prosocial and asocial (tasks with negative connotation) creativity.

Objective of the study was to identify the relationship between the types of social creative news with tolerance and moral identity.

Sample. The study involved high school students and university and college students (N = 96).

Methods. The methods of “Tolerance Index” (Soldatova et al.), moral identity (Aquino, Americus. II) and tasks for divergent thinking, as which situations with different connotations were proposed — prosocial and negative.

Results. Hypotheses about the positive relationship of prosocial creativity and the negative relationship of a creativity with tolerance and moral identity were tested. The hypotheses were partially confirmed: a positive relationship of moral identity with antisocial creativity in a task with a prosocial connotation was revealed; a negative relationship of antisocial creativity in a revenge situation task with a moral and general tolerance index.

Conclusion are drawn about the regulating and restraining function that tolerance and moral identity can perform in antisocial creativity: high values of parameters correlate with rejection of revenge, and vice versa, low values correlate with ideas of revenge, while the regulating role of moral identity may not be found in a prosocial situation. The ways of further study of social creativity are proposed and the importance for understanding the phenomenon of studying creativity in the case of respondents generating answers-refusals to offer solutions and answers of the opposite valence to the task is noted.

Keywords: social creativity, RWDT, prosocial creativity, antisocial creativity, moral identity, tolerance.

For citation: Meshkova, N.V., Enikolopov, S.N., Zharinova, Yu.I., Muxovnina, D.D. (2022). On the Relationship of Types of Social Creativity with Moral Identity and Tolerance. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 159–178. doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

Введение

Актуальность изучения социальной креативности связана с оптимизацией межличностного взаимодействия в рабочих коллективах (Yip et al., 2018; Zheng et al., 2019) и учебных группах. Мы понимаем под социальной креативностью способность порождать оригинальные решения проблем в социальном взаимодействии. Такие решения могут быть просоциальными или асоциальными, то есть наносить вред — намеренный (антисоциальная креативность — злорадность (malevolent)) или ненамеренный (негативная креативность). При диагностике социальной креативности и ее разновидностей используются задания (Real-World Divergent Thinking Tasks, далее

—RWDT), где нужно придумать как можно больше таких решений социальных ситуаций с разной коннотацией, которые ранее еще никто не придумывал (Okuda, 1991; Kapoor, Khan, 2018; Creativity Testing Services, 2019). Ведется подсчет общего количества предлагаемых идей (беглость), оценивается их оригинальность, а также отдельно подсчитываются просоциальные решения и асоциальные, наносящие вред (Косенкова, Мешкова, 2020). Некоторые авторы полагают, что генерирование негативных идей не является злонамеренным и не носит моральный оттенок, а является всего лишь познавательным процессом, ведущим к оригинальным решениям (Runco, 2017). Учитывая, что эти негативные идеи могут быть осуществлены и зачастую проявляются в буллинге и хакерстве, травле в социальных сетях, важно выяснить причины их порождения у подростков и молодежи.

Д.Г. Думас и А.Л. Стрицканд, исследовавшие связь дивергентного мышления и вредоносности с помощью необычного использования предметов, показали, во-первых, диспропорциональность по количеству недоброжелательных ответов от мужчин при диагностике креативности, а, во-вторых, выявили у респондентов, генерировавших большее количество негативных ответов, более высокую оригинальность в сравнении с теми, кто генерировал меньше таких решений (Dumas, Strickland, 2018). Однако эти данные касаются креативности, выявляемой с помощью объектно-ориентированных задач. Соотношение видов креативности, диагностируемых с помощью объектно-ориентированных задач и задач на дивергентное мышление из реальной жизни (RWDT), исследовали Х. Капур и А. Кхан. Они показали, что оригинальность в случае ненамеренного нанесения вреда (негативная креативность) выше при решении социальных ситуаций из реальной жизни, чем в заданиях, где нужно придумать необычное использование предметов, а ответы на реальные ситуации более негативны (Kapoor, Khan, 2018). Кроме того, была выявлена обратная связь негативной креативности, диагностируемой с помощью RWDT, с добросовестностью (одной из черт «Большой пятерки» — диспозициональной модели личности человека) и прямой — с психопатией и воображением (там же). Следует отметить, что генерирование негативных идей многими исследователями объясняется привлечением данных о расстройствах личности и конструкта «Темной триады». Так, были выявлены связи негативной креативности с шизотимией (Furnham, 2015), с психотизмом (Kapoor, 2015), а в ситуации анонимности мести асоциальная креативность была высокой у импульсивных людей, имеющих высокие показатели агрессивности (Harris,

Reiter-Palmon, 2015). Все эти результаты получены на выборках студентов и взрослых респондентов.

Что касается подростков, то в ряде исследований показано, что для них является характерным предлагать негативные решения в просоциальных ситуациях (Антропова, Мешкова, 2017; Бочкова, Мешкова, 2019; Косенкова, Мешкова, 2020). В тоже время некоторые из подростков отказывались давать негативные решения в ситуациях с негативной коннотацией и предлагали просоциальные решения в ситуациях, связанных с ложью (Косенкова, Мешкова, 2020). Отметим, что ни в одной из найденных нами публикаций российских и зарубежных авторов, посвященных анализу порождения креативных идей, не уделялось внимание отказам респондентов предлагать негативные решения в заданиях и, соответственно, не предпринималась попытка их объяснения у подростков и студентов. Феномен отказа от мести в задании на социальную креативность был выявлен у осужденных за агрессивно-насильственные преступления и объяснялся значимостью для респондентов высших ценностей социального фокуса: «отказ от мести в социальной ситуации с отрицательной коннотацией опосредуется ценностями сохранения статус-кво, самоограничения и порядка, с преодолением личных интересов ради общественных, а также ценностью толерантности с мотивационными целями принятия и понимания других людей, отличающихся от них» (Мешкова и др., 2018а, с. 158).

Представляется важным исследовать взаимосвязь генерирования негативных и просоциальных идей при решении проблем в социальном взаимодействии и отказа генерировать решения негативной коннотации с толерантностью и моральной идентичностью.

По мнению Р. МакЛарен и М. Рунко, креативность и особенно негативные ее виды следует рассматривать, принимая во внимание нравственность и мораль (МакЛарен, 1993; Рунко, 1993). Однако, по мнению У. Шен и коллег, вклад морали в креативность остается неоднозначным (Shen et al., 2019), причем такой вывод касается результатов анализа исследований просоциальной креативности, то есть креативности, направленной на решение легитимной задачи с помощью легитимных способов. Тем не менее эмпирические исследования показывают, что девиантное поведение на рабочем месте характерно для тех креативных работников, у которых моральная идентичность низкая и не занимает центральное место в «Я-концепции» (Zheng et al., 2019), а моральная идентичность может регулировать девиантное поведение, в котором реализуется антисоциальная креативность

(Бочкова, Мешков, Мешкова, 2020). На выборках курсантов было показано, что одним из предикторов креативности, проявляющейся во лжи и злых шутках, является моральная идентичность, причем не низкий уровень ее развития, а средний (Мешкова и др., 2021). В объектно-ориентированных задачах у обладателей негативных моральных качеств более высокие показатели злонамеренной креативности (Lee, Dow, 2011; Gong 2013), однако, связь моральной идентичности с продуцированием негативных креативных идей, наносящих вред в социальном взаимодействии, у подростков и молодежи остается малоизученной.

Что касается связи толерантности и креативности, то исследователи приходят к выводу о том, что большой вклад в креативность вносит толерантность к неопределенности. Однако полученные результаты противоречат друг другу. Например, в одних исследованиях была выявлена положительная связь толерантности к неопределенности с креативностью (Любарт, 2009), в то время как в других — отрицательная связь (Корнилова, 2010; Павлова, 2018). К тому же перечисленные исследования касались вербальной креативности. Что касается креативности в социальном взаимодействии, то исследований связи этого вида креативности с толерантностью не проводилось. Более того, мы полагаем, что в данном случае релевантным является исследование связи с социальной и этнической толерантностью, и наше предположение базируется на двух основаниях. Во-первых, в число предикторов антисоциальной и негативной креативности входит враждебность (Мешкова и др., 2018b). Во-вторых, враждебность, являясь когнитивным компонентом агрессии, вносит большой вклад и в межгрупповую предубежденность, понимаемую как негативное отношение по признаку членства в какой-либо группе (Мешкова, 2012). Соответственно, можно предположить, что толерантность к другим этническим и социальным группам как антипод предубежденности может быть неоднозначно связана с различными видами социальной креативности: положительно с просоциальной креативностью и отрицательно — с асоциальной.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить связь моральной идентичности, толерантности и различных видов социальной креативности. Мы формулируем следующие гипотезы: 1. Просоциальная креативность положительно связана с толерантностью и моральной идентичностью; 2. Асоциальная креативность отрицательно связана с толерантностью и моральной идентичностью.

3. Просоциальные решения в задании с негативной коннотацией места взаимосвязаны с моральной идентичностью и толерантностью.

Методы

В исследовании приняло участие 96 человек (из них 56 — студенты-первокурсники вузов и учащиеся колледжей; 40 — старшие школьники — учащиеся 11–12 классов). Учитывая небольшую разницу в возрасте между респондентами, мы объединили обе выборки в одну для выявления общих закономерностей связи между исследуемыми параметрами.

В исследовании использовались следующие опросники:

— экспресс-опросник «Индекс толерантности», включающий три субшкалы: этническая, социальная толерантность и толерантность как личностная черта (Солдатова и др., 2002). Опросник предназначен для диагностики общего уровня толерантности и состоит из утверждений, отражающих общее отношение к окружающему миру и другим людям, социальные установки в различных сферах взаимодействия, где проявляются толерантность и интолерантность человека. Субшкала «Этническая толерантность» выявляет отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия. Субшкала «Социальная толерантность» позволяет исследовать толерантные и интолерантные проявления в отношении различных социальных групп (меньшинств, преступников, психически больных людей), а также изучать установки личности по отношению к некоторым социальным процессам. Субшкала «Толерантность как черта личности» включает пункты, диагностирующие личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру (там же).

— опросник К. Аяуино и А. Реед, (Aquino, Reed, 2002) “Moral Identity”. Для диагностики моральной идентичности респонденты представляли в воображении человека, который обладает девятью характеристиками (заботливый, сострадательный, справедливый, дружелюбный, щедрый, помогающий, трудолюбивый, честный, добрый), а затем должны были согласиться или не согласиться с утверждениями по семибалльной шкале. Опросник состоит из двух шкал: первая — «Интернализация» данных качеств респондентом (насколько они важны для респондента, хотел бы он ими обладать и т.д.), вторая — «Символизация», то есть проявление этих качеств в волонтерстве или оказании помощи другим (там же). Опросник

был переведен нами на русский язык и проверен на надежность внутренней согласованности (альфа Кронбаха = 0,85). Под моральной идентичностью авторы опросника понимают степень важности в «Я-концепции» обладания качествами морального человека. Чем важнее качества морального человека для респондента, тем сильнее их связь с моральными убеждениями и моральными действиями (там же).

Для анализа порождения количества и оригинальности просоциальных и негативных идей, наносящих вред, респондентам были предложены три задания. Респондент должен был придумать как можно больше таких решений, которые ранее никто не придумывал в предложенных ситуациях: просоциальной (придумать, как отпраздновать 1 апреля в школе) и двух ситуациях с отрицательной коннотацией (солгать, чтобы не высадили из транспорта за отсутствие билета; отомстить человеку, облившему респондента компотом). В данном случае под просоциальным мы понимаем такое задание, коннотация которого не предполагает решение, наносящее вред другим людям или объектам. Просоциальная коннотация празднования 1 апреля в школе прежде всего проявляется в розыгрышах, не причиняющих ущерб и не предполагающих нанесение вреда. При выполнении заданий подсчитывалась беглость — количество предлагаемых решений в каждом задании и количество негативных ответов в каждом задании. Оригинальность выявлялась с помощью трех экспертов (преподаватель и два студента, прошедшие обучение по креативности), оценивавших по пятибалльной шкале степень оригинальности решения. Далее мы производили расчет коэффициентов внутриклассовой корреляции (ИСС) оценок экспертов по каждой ситуации. Полученные значения коэффициентов (0,913; 0,910; 0,880, соответственно) позволили усреднить оценки экспертов по каждой ситуации для подсчета среднего значения оригинальности для каждого испытуемого (Кароор, Хан, 2018).

Результаты обрабатывались с помощью программы SPSS 13.0.

Результаты исследования

Описательные статистики представлены в табл. 1.

Прежде всего, отметим, что решения, не соответствующие валидности задачи, встречались во всех трех заданиях: в ответах на просоциальную ситуацию встречались варианты, которые можно квалифицировать как наносящие вред другим, а в ответах на ситуацию лжи и мести — просоциальные решения. Исходя из этого, мы

Таблица 1

Описательные статистики выборки и значимые взаимосвязи по Спирмену между переменными (N = 96)

Параметры	Mcp±SD	7	9	13	15
1. Моральная идентичность (интеприоризация)	24,76 ±4,374	-	-	0,413**	-
2. Моральная идентичность (символизация)	21,16 ±6,976	-	-	-	-0,225*
3. Этническая толерантность	30,36 ±6,398	-	-	-	-
4. Социальная толерантность	30,22 ±5,790	-	-	-	-
5. Толерантность как черта личности	29,71 ±5,022	-	-	-	-
6. Индекс толерантности	90,29 ±13,372	-	-	-	-0,202*
7. Беглость в социальной ситуации 1	1,40 ±,852	-	-	-	-
8. Беглость в социальной ситуации 2	1,21 ±,710	0,538**	-	-	-
9. Беглость в социальной ситуации 3	1,11 ±,663	0,427**	0,427**	-	-
10. Оригинальность в социальной ситуации 1	,77 ±1,071	-	-	-	-
11. Оригинальность в социальной ситуации 2	,55 ±,869	-	-	-	-
12. Оригинальность в социальной ситуации 3	,96 ±,952	-	-	-	-
13. Негативные ответы в ситуации 1	1,15 ±,458	-	-	-	-
14. Негативные ответы в ситуации 2	1,13 ±,700	-	-	0,215**	0,262**
15. Негативные ответы в ситуации 3	1,30 ±,727	-	-	0,275**	-

Условные обозначения: * — корреляция значима на уровне $p < 0,05$; ** — корреляция значима на уровне $p < 0,01$. В таблице представлены только значимые взаимосвязи.

Table 1

Descriptive sampling statistics and significant Spearman relationships between variables (N = 96)

Параметры	Мср±SD	7	9	13	15
1. Moral identity (internalization)	24.76 ±4.374	–	–	0.413**	–
2. Moral identity (symbolization)	21.16 ±6.976	–	–	–	–0.225*
3. Ethnic tolerance	30.36 ±6.398	–	–	–	–
4. Social tolerance	30.22 ±5.790	–	–	–	–
5. Tolerance as a personality trait	29.71 ±5.022	–	–	–	–
6. Tolerance index	90.29 ±13.372	–	–	–	–0.202*
7. Fluency in task 1	1.40 ±.852	–	–	–	–
8. Fluency in task 2	1.21 ±.710	0.538**	–	–	–
9. Fluency in task 3	1.11 ±.663	0.427**	0.427**	–	–
10. Originality in task 1	.77 ±1.071	–	–	–	–
11. Originality in task 2	.55 ±.869	–	–	–	–
12. Originality in task 3	.96 ±.952	–	–	–	–
13. Negative responses in task 1	1.15 ±.458	–	–	–	–
14. Negative responses in task 2	1.13 ±.700	–	–	0.215**	0.262**
15. Negative responses in task 3	1.30 ±.727	–	–	0.275**	–

* — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$. The table shows only significant relationships.

ввели дополнительную переменную «Негативные ответы» для каждого задания и закодировали ответы следующим образом: «1» присваивалась просоциальным ответам, «2» присваивалась негативным ответам.

Были выявлены следующие корреляции по Спирмену: значимо положительные — моральной идентичности (интериоризации) с негативными ответами в просоциальной ситуации ($\rho = 0,413$; $p < 0,01$); значимо отрицательные корреляции — моральной идентичности (символизация) и общего индекса толерантности с негативными ответами в задании 3 (месть) ($\rho = -0,225$; $p < 0,05$ и $\rho = -0,202$; $p < 0,05$, соответственно). Были выявлены корреляции между негативными ответами в ситуациях 1 и 2 ($\rho = 0,215$; $p < 0,05$), 2 и 3 ($\rho = 0,262$; $p < 0,01$), 1 и 3 ($\rho = 0,275$; $p < 0,01$). Кроме того, показатели беглости значимо положительно коррелируют во всех трех заданиях на социальную креативность (в заданиях 1–2: $\rho = 0,538$; $p = 0,000$; в заданиях 1–3: $\rho = 0,427$; $p = 0,000$; в заданиях 2–3: $\rho = 0,427$; $p = 0,000$). Значимые взаимосвязи представлены в табл. 1.

Далее были проведены непараметрические сравнения по критерию Манна-Уитни, выделенных по наличию ($N = 44$) или отсутствию ($N = 37$) мотивации мстить в третьем задании для двух групп. Оказалось, что группы отличаются уровнем моральной идентичности (символизация), уровнем этнической толерантности, индексом толерантности, показателями оригинальности в заданиях с отрицательной коннотацией (ложь и месть). В группе, отказавшейся предлагать решения мести, моральная идентичность и толерантность выше, а оригинальность — ниже. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты непараметрического сравнения групп по критерию Манна-Уитни

Параметры	U	p	Средний ранг в группе 1 (N = 37)	Средний ранг в группе 2 (N = 44)
Моральная идентичность (символизация)	580,000	0,026	47,32	35,68
Этническая толерантность	525,500	0,006	48,80	34,44
Индекс толерантности	598,000	0,040	46,84	36,09
Оригинальность в ситуации лжи	583,000	0,017	34,76	46,25

Оригинальность в ситуации лести	314,000	0,021	25,77	34,65
---------------------------------	---------	-------	-------	-------

Table 2

Results of nonparametric comparison of groups by the Mann-Whitney criterion

Parametres	U	p	Average rank in the group 1 (N = 37)	Average rank in the group 2 (N = 44)
Moral identity (symbolization)	580.000	0.026	47.32	35.68
Ethnic tolerance	525.500	0.006	48.80	34.44
Tolerance index	598.000	0.040	46.84	36.09
Originality in a situation of lies	583.000	0.017	34.76	46.25
Originality in a situation of revenge	314.000	0.021	25.77	34.65

По результатам задания № 1 (просоциальная ситуация) были выделены две группы: 1 — респонденты, предложившие негативные решения в просоциальной ситуации (N = 30), и 2 — респонденты, предложившие просоциальные решения (N = 66). Согласно непараметрическому сравнению по критерию Манна-Уитни респонденты из первой группы значительно отличаются от респондентов второй группы более высоким значением моральной идентичности (U = 554; $p < 0,001$, средние ранги 27 и 23,74, соответственно; размер эффекта — 0,44).

Обсуждение результатов

Цель нашего исследования состояла в изучении связи различных видов социальной креативности с толерантностью и моральной идентичностью. Согласно результатам была выявлена положительная связь моральной идентичности с негативными ответами в задании с просоциальной ситуацией, что согласуется с выводами о неоднозначности связи просоциальной креативности и моральной идентичности, сделанными У. Шен с коллегами (Shen et al., 2019), что, однако, не подтверждает выдвинутую нами первую гипотезу о положительной связи этих характеристик.

Что касается второй частной гипотезы, то отрицательные корреляции ответов с негативной коннотацией в ситуационном задании лести с моральной идентичностью и общим индексом толерантности подтверждают ее. Иначе говоря, помогающее поведение (шкала

символизации) и утверждения, отражающие как общее отношение к окружающему миру и другим людям, так и социальные установки в различных сферах взаимодействия, где проявляются толерантность и интолерантность человека (Солдатова и др., 2002), отрицательно связаны с антисоциальной креативностью. Наши результаты согласуются с результатами С. Ли и Г. Доу (Lee, Dow, 2011) и К. Гонг (Gong, 2013), полученными при использовании объектно-ориентированных заданий: у обладателей негативных моральных качеств более высокие показатели злонамеренной креативности. Полученные нами результаты можно объяснить тем, что чем значимее для респондента моральная идентичность в собственной «Я-концепции», тем выше ее регулирующая роль при генерировании негативных идей. Респонденты, отказавшиеся придумывать негативные решения в ситуации с негативной коннотацией (мести), отличались и значимо более высоким уровнем этнической толерантности, то есть отношением к представителям других этнических групп и установками в сфере межкультурного взаимодействия (Солдатова и др., 2002), и проявлением качеств морального человека в помогающем поведении (Aquino, Reed, 2002). Иными словами, регулирующая роль толерантности и моральной идентичности может проявляться в отказе от генерирования идей мести, в то время как на фоне низких значений этих параметров активно продуцируются негативные идеи нанесения намеренного вреда. Таким образом, третья гипотеза получила свое подтверждение.

В нашем исследовании выявлено, что для некоторых учащихся характерно генерировать негативные решения в социальных ситуациях с различной валентностью, и это соотносится с полученными ранее результатами (Антропова, Мешкова, 2017; Бочкова, Мешкова, 2019; Косенкова, Мешкова, 2020). Новизна состоит в том, что выявлены корреляции негативных ответов в просоциальной ситуации и ситуациях с негативной коннотацией. Иными словами, некоторые учащиеся давали негативные ответы во всех предложенных заданиях («уж если злодей, то во всем») — и это повод задуматься, является ли генерирование таких решений следствием враждебности как когнитивного компонента агрессии, какого-то расстройства личности или же это влияние контекста и общего состояния социума.

Отдельного внимания заслуживает сочетание более высокого уровня моральной идентичности с генерированием негативных ответов в задании на просоциальную ситуацию. Результат оказался неожиданным, особенно, учитывая, что респонденты, предлагавшие просоциальные решения, не отличаются уровнем толерантности

от тех, кто давал негативные ответы в рассматриваемом задании. Объяснить полученный результат можно проанализировав задание, состоявшее в том, чтобы придумать способ празднования 1 апреля в школе, и негативные решения, предлагаемые учащимися. Приведем некоторые из таких решений: «Не приходить в школу в этот день», «Подложить всем одноклассникам в почтовые ящики повестки в суд за шутки в социальных сетях», «Классом коллективно приходить не в те кабинеты», «Никак не встречать, пусть все нервничают, ожидая подянки, которой не будет», «На уроке заказать звонок по телефону и вызвать училку в учительскую», «На один день сделать вид, будто у нас хорошая система обслуживания», «Порадовать учащихся бесплатным пайком», «Натереть доску мылом и кинуть дрожжи в унитазы», «Наклеить клей повсюду». Отметим, что чаще всего встречался ответ «Не приходить в школу». Легко заметить, что, за исключением хулиганских ответов, в большинстве предлагаемых решений учащиеся отражают свое отношение к школе и учителям, и оно не вполне доброжелательное. Несмотря на то, что в их «Я-концепции» важны такие качества, как «заботливый, сострадательный, справедливый, дружелюбный, щедрый, помогающий, трудолюбивый, честный, добрый», к сожалению, данные характеристики не выступают регуляторами генерирования идей, направленных на школу, в которой не хотелось и не хочется находиться.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Моральная идентичность и толерантность взаимосвязаны с генерированием идей мести. В данном случае можно предполагать их регулирующую и сдерживающую функции: высокие значения параметров соотносятся с отказом от мести, и наоборот, низкие значения соотносятся с идеями мести.

2. Моральная идентичность может проявлять регулирующую функцию в генерировании идей в отдельных ситуациях с негативной коннотацией, но может ее не проявлять в просоциальной ситуации.

3. Просоциальные решения в задании с негативной коннотацией мести взаимосвязаны с моральной идентичностью и толерантностью.

4. Социальная креативность является многоплановым феноменом и при его изучении важно учитывать и ответы-отказы, и ответы, по своей валентности не соответствующие коннотации задания.

Полученные результаты подтвердили первую гипотезу частично, а вторую — в полной мере, и поставили ряд новых вопросов, в частности, о том, какие характеристики способствуют генерированию негативных идей сразу в нескольких заданиях с противоположной коннотацией. Хотя исследование имеет ограничение, связанное с возрастом выборки (фактически это были две группы с разницей в возрасте в 1–2 года), тем не менее был выявлен интересный эффект, заслуживающий дальнейшего изучения и позволивший предположить, что существует медиатор положительной связи моральной идентичности и асоциальной креативности. Здесь важно выяснить, что выступает в роли медиатора. В литературе высказывается мнение о том, что в асоциальной креативности важно поведение, в котором она воплощается, а человеком при этом двигают мотивы улучшения собственной репутации, гнев, страх и импульсивность; извращенная логика делать зло во имя добра (Sternberg, Karami, 2021). При этом генерирование идей, наносящих вред в социальном взаимодействии, не связывается с моралью (Runco, 2017) и как бы относится на второй план по значимости. Однако без изучения всего спектра проблем, связанных с социальной креативностью, невозможно быть во всеоружии, оптимизируя межличностное взаимодействие в условиях нестабильности моральных ценностей.

Литература

Антропова М.Ю., Мешкова Н.В. О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 3. С. 175–185. doi: 10.17759/psyedu.2017090318

Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 1. С. 93–106. doi: 10.17759/psyedu.2019110108

Бочкова М.Н., Мешков И.А., Мешкова Н.В. О связи моральной идентичности и антисоциальной креативности у курсантов // Васильевские чтения — 2020: Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: мат. Международ. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 года / Под ред. А.А. Рожкова и др. СПб.: С.-Петербургский ун-т МВД России, 2020. С. 68–71.

Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 6. С. 74–86.

Косенкова Н.М., Мешкова Н.В. Самооценка и виды креативности у подростков: связь и предикторы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 2. С. 45–61. doi: 10.11621/vsp.2020.02.03

Любарт Т., Зенасни Ф., Торджман С. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.

Мешкова Н.В. Исследование личностных и ситуативных особенностей межгрупповой предубежденности // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3, № 1. С. 73–87.

Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления // Психология и право. 2018a. Т. 8, № 1. С. 147–163. doi:10.17759/psylaw.2018080111

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В. и др. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018b. Т. 23, № 6. С. 25–40. doi: 10.17759/pse.2018230603

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т. и др. О предикторах негативной креативности у взрослых на примере курсантов // Психология и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 90–108. doi: 10.17759/psylaw.2021110407

Павлова Е.М. Модель связей самооценки креативности и интеллекта с толерантностью к неопределенности и креативностью // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2018. Т. 15, № 1. С. 69–78. doi: 10.17323/1813-8918-2018-1-69-78

Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е. и др. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф.-аналит. бюл. М., 2002. № 4. С. 59–65.

Aquino, K.F., Reed, A. (2002). The Self-importance of Moral Identity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83 (6), 1423–1440.

CTS. Creativity Testing Services (2019). In M. Runco. ScienceSites: Websites for Scientists. (Retrieved from <https://www.creativitytestingservices.com/products/>) (date of retrieval: 26.09.2021).

Dumas, D.G., Strickland, A.L. (2018). From Book to Bludgeon: A Closer Look at Unsolicited Malevolent Responses on The Alternate Uses Task. *Creativity Research Journal*, 30 (4), 439–450. doi: 10.1080/10400419.2018.1535790

Furnham, A. (2015). The Bright and Dark Side Correlates of Creativity: Demographic, Ability, Personality Traits and Personality Disorders Associated with Divergent Thinking. *Creativity Research Journal*, 27 (1), 39–46. doi: 10.1080/10400419.2015.992676

Gong, Q. (2013). The relationship between negative creativity and moral personality. Master, Nanjing Normal University, Nanjing. (Retrieved from <http://202.119.108.211/lunwen/list.asp?id=29472>) (date of retrieval: 26.09.2022).

Harris, D.J., Reiter-Palmon, R. (2015). Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 9 (1), 54–64. doi: 10.1037/a0038499

Kapoor, H. (2015). The Creative Side of the Dark Triad. *Creativity Research Journal*, 27 (1), 58–67. doi: 10.1080/10400419.2014.961775

Kapoor, H., Khan, A. (2018). Creativity in Context: Presses and Task Effects in Negative Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. June 7.

Lee, S.A., Dow, G.T. (2011). Malevolent creativity: does personality influence malicious divergent thinking? *Creativity Research Journal*, 23 (2), 73–82.

McLaren, R.B. (1993). The dark side of creativity. *Creativity Research Journal*, 6 (1–2), 137–144.

Okuda, S. (1991). Creativity and the finding and solving of real-world problems. *Journal of educational assessment*, 9, 45–53.

Runco, M.A. (1993). Creative morality: Intentional and unconventional. *Creativity Research Journal*, 6 (1–2), 17–28.

Runco, M.A. (2017). Hot topic 2. The dark side of creativity: Potential better left unfulfilled. In J.A. Plucker (Eds.), *Creativity and innovation: Theory, research, and practice* (pp. 49–59). Prufrock Press Inc.

Shen, W. et al. (2019). A Theoretical and Critical Examination on the Relationship between Creativity and Morality. *Curr. Psychol.*, 38, 469–485. doi: 10.1007/s12144-017-9613-9

Sternberg, R.J., Karami, S. (2021). An 8P theoretical framework for understanding creativity and theories of creativity. *Journal of Creative Behavior*, 56, 55–78. doi: 10.1002/jocb.516

Yip, J.A. et al. (2018). Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 144, 125–144. doi: 10.1016/j.obhdp.2017.06.002

Zheng, X. et al. (2019). Will Creative Employees Always Make Trouble? Investigating the Roles of Moral Identity and Moral Disengagement. *J. Bus. Ethics.*, 157, 653–672.

References

Antropova, M.Y., Meshkova, N.V. (2017). On the Situational Characteristics of Creativity in the Social Interaction of High School Students. *Psychological-Educational Studies*, 9, 3, 175–185. doi: 10.17759/psyedu.2017090318. (In Russ.).

Aquino, K.F., Reed, A., II (2002). The Self-importance of Moral Identity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83 (6), 1423–1440.

Bochkova, M.N., Meshkov, I.A., Meshkova, N.V. (2020). O svyazi moral'noi identichnosti i antiso-tsia'noi kreativnosti u kursantov. In YuA. Sharanov (eds.), *Vasil'evskie chteniya — 2020: Aktual'nye problemy psikhologii pravookhrani-tel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasilyevsky readings — 2020: Actual problems of the psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Petersburg (23 aprelya 2020 goda). SPb.: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 68–71. (In Russ.).*

Bochkova, M.N., Meshkova, N.V. (2019). Behavioral Features of Negative and Malevolent Creativity in Adolescents. *Psychological-Educational Studies*, 11, 1, 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108. (In Russ.).

CTS. Creativity Testing Services. (2019). In M. Runco. ScienceSites: Websites for Scientists. URL: <https://www.creativitytestingservices.com/products/> (date of retrieval: 26.09.2021).

Dumas, D.G., Strickland, A.L. (2018). From Book to Bludgeon: A Closer Look at Unsolicited Malevolent Responses on The Alternate Uses Task. *Creativity Research Journal*, 30 (4), 439–450. doi: 10.1080/10400419.2018.1535790

Furnham, A. (2015). The Bright and Dark Side Correlates of Creativity: Demographic, Ability, Personality Traits and Personality Disorders Associated with Divergent Thinking. *Creativity Research Journal*, 27 (1), 39–46. doi: 10.1080/10400419.2015.992676

Gong, Q. (2013). The relationship between negative creativity and moral personality. Master, Nanjing Normal University, Nanjing. URL: <http://202.119.108.211/lunwen/list.asp?id=29472> (date of retrieval: 26.09.2022).

Harris, D.J., Reiter-Palmon, R. (2015). Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 9 (1), 54–64. doi: 10.1037/a0038499

Kapoor, H. (2015). The Creative Side of the Dark Triad. *Creativity Research Journal*, 27 (1), 58–67. doi: 10.1080/10400419.2014.961775

Kapoor, H., Khan, A. (2018). Creativity in Context: Presses and Task Effects in Negative Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. June 7.

Kornilova, T.V. (2010). Novyj oprosnik tolerantnosti k neopredelennosti. *Psikhologicheskij zhurnal*, 31, 6, 74–86. (In Russ.).

Kosenkova, N.M., Meshkova, N.V. (2020). Self-esteem and types of creativity in adolescents: relationship and predictors. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14, Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin. Series 14, Psychology)*, 2, 45–61. doi: 10.11621 / vsp.2020.02.03. (In Russ.).

Lee, S.A., Dow, G.T. (2011). Malevolent creativity: does personality influence malicious divergent thinking? *Creativity Research Journal*, 23 (2), 73–82.

Lyubart, T., Zenasni, F., Tordzhman, S. (2009). *Psikhologiya kreativnosti. Moscow: Kogito-Tsentr*, 215 p.

McLaren, R.B. (1993). The dark side of creativity. *Creativity Research Journal*, 6 (1–2), 137–144.

Meshkova, N.V. (2012). Intergroup Prejudice: Exploring Personality-Related and Situational Characteristics. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social Psychology and Society)*, 3, 1, 73–87. (In Russ.).

Meshkova, N.V., Debolsky, M.G., Enikolopov, S.N., Maslenkov, A.A. (2018a). Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes. *Psikhologiya i pravo (Psychology and Law)*, 8, 1, 147–163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111. (In Russ.).

Meshkova, N.V. et al. (2018b). Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 23, 6, 25–40. doi: 10.17759/pse.2018230603. (In Russ.).

Meshkova, N.V. et al. (2021). Predictors of Negative Creativity in Adults on the Example of Cadets. *Psikhologiya i pravo (Psychology and Law)*, 11, 4, 90–108. doi: 10.17759/psylaw.2021110407 (In Russ.).

Okuda, S. (1991). Creativity and the finding and solving of real-world problems. *Journal of educational assessment*, 9, 45–53.

Pavlova, E.M. (2018). Model of Connections between Self-Esteem of Creativity and Intelligence, Tolerance of Uncertainty and Creativity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15, 1, 69–78. doi: 10.17323/1813-8918-2018-1-69-78 (In Russ.).

Runco, M.A. (1993). Creative morality: Intentional and unconventional. *Creativity Research Journal*, 6 (1–2), 17–28.

Runco, M.A. (2017). Hot topic 2. The dark side of creativity: Potential better left unfulfilled. In: J. A. Plucker (ed.). *Creativity and innovation: Theory, research, and practice* (P. 49–59). Prufrock Press Inc., 2017.

Shen, W. et al. (2019). A Theoretical and Critical Examination on the Relationship between Creativity and Morality. *Curr. Psychol.*, 38, 469–485. doi: 10.1007/s12144-017-9613-9

Soldatova, G.U. , Kravtsova O.A., Khukhlaev O.Ye. (2002). Psikhodiagnostika tolerantnosti (Psychology of tolerance). *Psikhologi o migrantakh i migratsii v Rossii: inf. — analit byulleten' (Psychologists on migrants and migration in Russia: inf. — analyt bulletin)*, 4, 59–65. (In Russ.).

Sternberg, R.J., Karami, S. (2021). An 8P theoretical framework for understanding creativity and theories of creativity. *Journal of Creative Behavior*, 56, 55–78. doi: 10.1002/jocb.516

Yip, J.A. et al. (2018). Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 144, 125—144. doi: 10.1016/j.obhdp.2017.06.002

Zheng, X. et al. (2019). Will Creative Employees Always Make Trouble? Investigating the Roles of Moral Identity and Moral Disengagement. *J. Bus. Ethics.*, 157, 653–672.

Статья получена: 10.10.2022;

принята: 20.11.2022;

отредактирована: 10.12.2022.

Received: 10.10.2022;

accepted: 20.11.2022;

revised: 10.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мешкова Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, nmeshkova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3965-9382>

Ениколопов Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом клинической психологии, Научный центр психического здоровья, enikolopov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7899-424X>

Жаринова Юлия Игоревна — студент факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, zharik178@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0862-315X>

Муковнина Дарья Дмитриевна — студент факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, dashamukovnina0501@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1415-058>

ABOUT AUTHORS

Natalya V. Meshkova — Ph D, Associate Professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, nmeshkova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3965-9382>

Sergey N. Enikolopov — PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Clinical Psychology Department, Mental Health Research Centre, enikolopov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7899-424X>

Yuliya I. Zharinova — Student, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, zharik178@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0862-315X>

Darya D. Mukovnina — Student, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, dashamukovnina0501@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1415-058>

УДК: 159.952, 159.954, 159.942.3, 159.99
doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

Научная статья

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Л. Машков¹, А.Г. Долгих^{*2}, С.В. Голик³, М.В. Самусева⁴

¹ Московская театральная школа Олега Табакова, Москва, Россия
collegetabakova@culture.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-2595>

^{2,3,4} Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

² ag.dolgikh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>

³ golik-sofia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-1620>

⁴ sam.mar.vic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1821-2215>

* Автор, ответственный за переписку: ag.dolgikh@mail.ru

Актуальность. В статье раскрывается актерская игра как деятельность, дается определение метода «психофизических действий» в контексте освоения актерской роли как процесса развития высших психических функций личности артиста.

Цель. В данной статье осуществляется попытка психологической интерпретации технологий актерского мастерства, представленных в работах К.С. Станиславского, а также его учеников и коллег: В.О. Топоркова, М.А. Чехова, Е.Б. Вахтангова, В.Э. Мейерхольда, М.О. Кнебель и др. с точки зрения культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, теории деятельности А.Н. Леонтьева, психологических теорий общения и личности.

Методы. Используя метод критического анализа, авторы статьи рассматривают сценическое общение и развитие личности в ходе освоения роли с точки зрения основ социальной психологии и психологии личности, а также раскрывают психологические механизмы актерской профессии как осознанной непрерывной деятельности, направленной на достижение правдоподобия существования актера на сцене.

Результаты проведенного теоретического исследования позволяют выявить психологические закономерности театральной деятельности и предложить технологии анализа предлагаемых обстоятельств роли в профессии артиста.

Выводы. В качестве заключения приводится аргументированная позиция о необходимости научного изучения актерской деятельности с использованием методологии психологической науки с целью разработки наиболее эффективного метода развития актерской профессии как процесса

формирования высших психических функций у артиста и выбора адекватных психофизических действий в предлагаемых обстоятельствах роли.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, развитие высших психических функций, метод психофизических действий, психология актерской профессии.

Для цитирования: **Машков В.Л., Долгих А.Г., Голик С.В., Самусева М.В.** Методологические основы психологии театральной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 179–199. doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

Scientific Article

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PSYCHOLOGY OF THEATRICAL ACTIVITY

Vladimir L. Mashkov¹, Alexandra G. Dolgikh^{*2}, Sofia V. Golik³,
Marina V. Samuseva⁴

¹ Moscow Oleg Tabakov Theatre School, Moscow, Russia

collegetabakova@culture.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-2595>

^{2,3,4} Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

² ag.dolgikh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>

³ golik-sofia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-1620>

⁴ sam.mar.vic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1821-2215>

* Corresponding author: ag.dolgikh@mail.ru

Background The article reveals acting as an activity, the definition of the method of “psychophysical actions” in the context of mastering the acting role as a process of development of higher mental functions of actors.

Objective. This article attempts to offer a psychological interpretation of the technologies of acting presented in the works of K.S. Stanislavsky, as well as his followers V.O. Toporkov, M.A. Chekhov, E.B. Vakhtangov, V.E. Meyerhold, M.O. Knebel, etc. from the point of view of L.S. Vygotsky’s cultural-historical approach, A.N. Leontiev’s theory of activity, psychological theories of communication and personality.

Methods. The authors of the article analyze stage communication and personality development during the development of the role from the point of view of the basics of social psychology and personality psychology, and also reveal scientifically based psychological interpretations of the acting profession

as a conscious continuous activity aimed at achieving the credibility and organic existence of an actor on stage.

Results. The results of the theoretical analysis allow us to identify the mediation of theatrical activity by psychological patterns and technologies of analysis of the proposed circumstances of the role in the profession of the artist.

Conclusion. As a conclusion, a reasoned position is given on the need for scientific study of acting using the methodology of psychological science in order to develop the most effective method for the development of the acting profession as a process of formation of higher mental functions and the choice of adequate psychophysical actions in the proposed circumstances of the role.

Keywords: cultural-historical approach, development of higher mental functions, method of psychophysical actions, psychology of the acting profession.

For citation: Mashkov, V.L., Dolgikh, A.G., Golik, S.V., Samuseva, M.V. (2022). Methodological Foundations of the Psychology of Theatrical Activity. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 179–199. doi: 10.11621/vsp.2022.04.07

Введение

Овладение психологическими основами своей деятельности позволяет актерам и режиссерам достичь правдоподобия воплощения образа (Станиславский, 1989; Топорков, 1954), более точного и тонкого применения профессионального инструментария. Однако проблемой является недостаточность научной концептуализации средств актерской работы. Терминология, с помощью которой известные театральные педагоги описывают технику актера, носит метафорический характер и требует «перевода» на язык психологических понятий. Кроме того, обучение актерскому мастерству преимущественно направлено на результат, отчего из фокуса внимания ускользает процесс достижения необходимых умений. Раскрытие психологических основ техники актера позволяет: 1) обучать актерскому мастерству системно, направляя упражнения на развитие высших психических функций (памяти, внимания, мышления, речи и т.д.); 2) создавать технологии для формирования действий и операций актера с учетом поставленных целей, задач, мотива (сверхзадачи); 3) с опорой на психологическую структуру деятельности выявлять ошибки в работе, а также способы поиска актером правильных действий, отражающих его роль.

Таким образом, **цель** нашей работы — провести глубинный теоретический анализ театральной деятельности, методов и приемов

актерского мастерства с позиции психологической науки, а именно, деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, психологических теорий общения и личности.

В качестве основного **метода** работы, в соответствии с поставленной целью, мы использовали системный анализ психологических закономерностей и основ театральной деятельности.

Описание хода исследования

I. Актерская игра как деятельность

Важным для достижения подлинного воплощения образа в актерской работе является понимание психологического строения системы деятельности (создания актером образа в контексте общего взаимодействия пьесы) и роли осознанности в ней. Согласно А.Н. Леонтьеву деятельности соответствует мотив, действию — сознательная цель, операции — условия осуществления задачи. Данная структура характерна для внешней (проявляющейся вовне) и для внутренней (разворачивающейся в плане сознания) форм деятельности (Леонтьев, 1977).

Основой актерской игры является сценическое *действие*, подразумевающее единство внешней и внутренней активности (Станиславский, 1989). Психологическая сторона действия состоит в его активной направленности на поставленную цель (Леонтьев, 1977), таким образом, сознательное и осмысленное с точки зрения своего конечного результата действие и является «психофизическим» (Топорков, 1954). Осуществление операций, включенных в действие, происходит со значительным снижением уровня сознательного контроля и до определенной степени автоматизировано (Леонтьев, 1977), к операциям следует отнести простые физические действия, требующие учета условий выполнения, но не обязательно осознанности; а также ремесленные приемы — штампы, которые актуализируются в знакомых обстоятельствах (Топорков, 1954).

По К.С. Станиславскому, все актерские действия, сопровождаемые переживаниями, должны логически исходить из *сверхзадачи* — сути пьесы, ее «всеобъемлющей цели» («ради чего?») (Станиславский, 1989, с. 413). С психологической точки зрения сверхзадача («хотение») представляет собой ведущий смыслообразующий мотив, который должен стать не только понимаемым, но и реально действующим, порождая *сквозное действие* — «стремление, сплошное, непрерывное, проходящее через всю пьесу и роль», направленное к сверхзадаче

(Станиславский, 1989, с. 413). Сверхзадача может быть изначально неосознаваемой, но впоследствии она должна быть найдена и определена режиссером и актерами как общий для всех участников спектакля смысл, соотносимый с авторским замыслом, и направление работы на сцене (Кнебель, 2021; Товстоногов, 1984). Таким образом, подобно мотиву, сверхзадача выполняет смыслообразующую (Леонтьев, 2016), побуждающую и направляющую функции, а также систематизирует деятельность актера.

В.О. Топорков отмечает, что помимо сверхзадачи, актеру необходимо выявить соотносимый с ней мотив, определяющий его роль — *линию борьбы* своего персонажа («Что он отстаивает и в конфликте с кем? Какие группы при этом борются?») (Топорков, 1954, с. 20). Выделение линии борьбы определяет иерархию мотивов персонажа, сближая генезис роли с развитием реальной личности. Определение мотивов — сверхзадачи и предмета борьбы — позволяет актеру осуществлять целеполагание и выстраивать логику действий, необходимых для события с точки зрения личностного смысла персонажа. При этом действия должны вытекать друг из друга: одно порождает другое (Станиславский, 1989).

В описанной нами структуре деятельности актера важное значение имеет осознанность: для органичной игры актеру необходимо осознавать цели и не утрачивать контроля сценических действий. Неверное направление внимания приводит к изменению единиц деятельности: если актер концентрируется на операциях, сценическое действие начинает распадаться; и напротив, действие, в том числе словесное, может быть сведено до операции, когда оно теряет сознательную цель, и его выполнение начинает происходить неосознанно, «автоматизированно» (например, может мешать заучивание текста роли до создания мотивационной основы образа (Топорков, 1964); повторяемое из спектакля в спектакль действие имеет опасность быть сведенным до «штампа»). Кроме того, потеря ведущего мотива (сверхзадачи, линии борьбы) приводит к формированию иной деятельности (в том числе возможен сдвиг мотива на цель) (Леонтьев, 1977).

Понимание значения осознанности в выстраивании деятельности раскрывает, почему актер должен концентрировать внимание на том, *что он делает*, и не на том, *что он чувствует*: если актер ставит целью выразительно показать эмоцию — «страдать ради самого страдания» (Станиславский, 1989, с. 92), то происходит подмена должной цели, и демонстрация эмоции становится действием. При этом логика действий персонажа, необходимая для реализации

события на сцене, разрывается, а демонстрируемая эмоция теряет свои психологические функции (в частности, отражательно-оценочную и побудительную) и реалистичность, сводясь к наигранной экспрессии, лишенной переживания. Согласно К.С. Станиславскому эмоции не следует сознательно «выжимать из себя»: они должны «зажигаться» сами в процессе вхождения в предлагаемые обстоятельства, определения мотивов (сверхзадачи, линии борьбы), осуществления психофизических действий (там же).

II. «Метод психофизических действий» как формирование высших психических функций

Основой направления русского психологического театра является метод работы над ролью, предложенный К.С. Станиславским в начале XX века (Станиславский, 1989). Однако к концу своей жизни К.С. Станиславский основное внимание уделял новому методу «физических действий», который был основан на том, что любое физическое действие идет неразрывно с психологическим (Станиславский, 1957); его последователь В.О. Топорков уточняет название и расшифровывает суть данной актерской техники, также говоря о единстве психофизического действия (Топорков, 1954). Метод психофизических действий (включает в себя систему, элементы которой описаны в данной статье) представляет собой способ исследования, постижения пьесы и вхождения в игру (Benedetti, 2008). Он направлен на формирование роли как системы, в которой физическая и психическая активность в процессе создания образа не могут быть оторваны друг от друга, подобно тому, как это происходит в реальной жизни. Именно психофизическое действие (вербальное или невербальное, подвижное или статичное — актер действует на сцене *всегда* (Топорков, 1954)) в системе метода является центральным: оно и формирует у артиста *высшие психические функции* (восприятие, внимание, память, мышление) в процессе сценического взаимодействия и регулируется ими во внутреннем плане сознания.

Наблюдается заметное сходство представлений К.С. Станиславского и его учеников о генезисе роли с представлениями Л.С. Выготского о развитии высших психических функций личности в рамках культурно-исторического подхода. Во-первых, К.С. Станиславский говорит о соотношении в творческом процессе подсознательного творчества («природы») и сознательной психотехники, подчеркивая, что овладение сознательными приемами сценической работы позволяет верно направлять «подсознание», в котором сконцентрирован

значительный творческий потенциал актера (Станиславский, 1989; Connolly, Ralley, 2007). Л.С. Выготский указывает, что над «инстинктивными» натуральными функциями в процессе активной социализации личности настраиваются произвольные высшие психические функции (ВПФ), которые осуществляют регуляцию протекания первых и позволяют организовывать целенаправленные действия и выстраивать отношения с окружающей средой, прежде всего социальной (Выготский, 2016).

Во-вторых, подчеркивается ключевая роль активности личности во внешнем и внутреннем действии: актер не может находиться вне действия, и даже внешне статичная сцена не должна быть лишена психической активности, целесообразности, подобно тому, как это происходит в жизни (Топорков, 1954). ВПФ являются связующим звеном внешнего поведения и внутренней активности, в которое включены нативные элементы и социальные присвоения (Выготский, 2016).

В-третьих, К.С. Станиславский отмечает, что иной социальный контекст, усложненный по сравнению с привычной жизненной средой (мир сцены со всеми ее «если бы», а также присутствие зрителей), провоцирует у актеров перестройку мышления, памяти и прежде всего внимания (то есть *сформированных ранее ВПФ*): необходимо усиливать их осознанность и произвольность во избежание актерского «вывиха», то есть сведения процесса воспроизведения человеческого поведения к внешнему изображению, лишенному психического наполнения. Наличие зрительного зала задает конкурирующий вектор направления внимания (внимание зрителей устремлено на самих действующих лиц), который актеру важно «обойти» (борьба с «вредным вниманием»), оставаясь в системе сценического взаимодействия и предлагаемых обстоятельств (Станиславский, 1989). Кроме того, сами сценические условия требуют расширения сконструированным в воображении физическим и социальным контекстом для воссоздания правдоподобного восприятия и социальной перцепции. Поэтому перед актером возникает необходимость выработать средства внутреннего управления вниманием, восприятием, памятью, на основе которых также будет формироваться мышление, действия и переживания персонажа. Фактически актер воссоздает процесс формирования ВПФ для своего персонажа, которые *социальны* по происхождению (возникают в процессе сценического взаимодействия с партнерами, с собой, с художественным образом в предлагаемых обстоятельствах), *опосредствованы* по структуре (средства, позволяющие актерам управ-

лать собственным вниманием, восприятием, памятью, мышлением, задаются с помощью специальных техник и упражнений, таких как, например, «круги внимания» (Станиславский, 1989)); *произвольны* по характеру регуляции (позволяют осуществлять целенаправленную активность); *осознаны* (определяются системой значений); *системны* (формируются и функционируют взаимосвязано на основе общих средств и структуры значений) (Выготский, 2016). Потеря любого из свойств произвольности, осознанности, системности ведет к утрате регулятивной функции по отношению к поведению и снижению правдоподобия создаваемого образа.

Процесс формирования ВПФ в ходе создания роли начинается с помещения Я в *предлагаемые обстоятельства*, чем задается *социальная ситуация развития* (ССР) персонажа. Предлагаемые обстоятельства включают элементы физической обстановки (костюмы, освещение, декорации, которые несут определенные функции), систему общения на сцене, а также конструируемые аспекты социального контекста, которые привносятся драматургом, режиссером, достраиваются актером с помощью воображения (особенности образа жизни исторической эпохи; событийная и временная перспектива, определяющая структуру взаимодействия людей и групп, с которыми персонаж себя идентифицирует или противопоставляет; а также предполагаемое прошлое и возможное будущее персонажа и т.д.) (Станиславский, 1989; Benedetti, 2008; Кнебель, 2021). Представление о «предлагаемых обстоятельствах» можно соотнести с понятием социальной ситуации развития (ССР) Л.С. Выготского — специфической системы социальных отношений с внешним миром, которая является источником развития внутреннего плана сознания, личности и ее отношения к среде (Выготский, 2005; Карабанова, 2007). ССР можно рассматривать как систему социальных контекстов, складывающихся во времени (Карабанова, 2014). У. Бронфенбреннер вводит категории социальных групп, описывая экосистему социализации: к микросистеме относятся наиболее близкие группы межличностного общения, к мезосистеме — пересечение групп принадлежности, к экзосистеме — уровень социальных организаций, к макросистеме — уровень общества в целом (государство, культура) (Bronfenbrenner, 1989). Схожим образом Г.А. Товстоногов уточняет социальный аспект предлагаемых обстоятельств, обозначая три круга групп принадлежности роли: большой круг представляет собой макросоциальный контекст (страна, культура, этническая группа, политическое течение, социально-историческое поколение и т.д.), средний круг включает

межличностные отношения и малые группы принадлежности (профессиональное сообщество, ближайшее окружение), малый круг отражает непосредственные взаимодействия с участниками событий здесь и сейчас (Товстоногов, 1984).

По К.С. Станиславскому, именно предлагаемые обстоятельства (условия) заключают в себе смысл и эмоциональную окраску пьесы (является ли пьеса драмой, трагедией или комедией): физическая сторона действия одинакова для разных контекстов, но значение этого действия и переживание, которое оно вызывает, задается предлагаемыми обстоятельствами (Станиславский, 1989). Следуя мысли Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и Л.И. Божович отмечают, что ССР определяет субъективные переживания личности через столкновение ее внутренних потребностей и мотивов с ограничениями, требованиями среды при активном действии в ней и отражении своей социальной позиции (Божович, 1995; Карабанова, 2007). Таким образом, формирование психологической стороны роли — мотивации, мышления, переживаний не предшествует погружению актера в предлагаемые обстоятельства, а активно развивается в них: непрерывно совершая сознательные психофизические действия, актер исследует социальный контекст пьесы, находит свое место в структуре социальных отношений через линию борьбы (мотивацию), выстраивает логику целесообразных действий, которые сопровождаются переживаниями художественного образа (Топорков, 1954; Товстоногов, 1984). Пьеса отражает критический период развития персонажа: в ней заложено динамическое противостояние (конфликт, борьба) между персонажем и социальным контекстом пьесы, сконструированным в том числе в предлагаемых обстоятельствах, (то есть «социальной ситуацией развития» персонажа), в котором и порождаются личностные новообразования (Выготский, 2005; Топорков, 1954).

В предлагаемых обстоятельствах как ССР актер отделяет себя от зрительного зала и использует средства достижения осознанности и произвольности психических функций, выработанные с помощью упражнений. Для направления произвольного восприятия используется ряд вопросов для анализа, например, «кто, что, когда, где, почему, для чего происходит то, что наблюдаете?» (Станиславский, 1989). При формировании произвольного внимания необходимо тренировать снижение ориентировочного рефлекса на фоновые раздражители (зал), а также задать цели внимания и средства управления им — например, «средний и дальний объект-точка», «крути

внимания», по К.С. Станиславскому (Станиславский, 1989), «четыре действия», по М.А. Чехову (Чехов, 2018). От актера требуется овладение умениями удержания и переключения внимания. Понимание Станиславским «чувственного внимания» (Станиславский, 1989), с одной стороны, можно связать с необходимостью развития первой сигнальной системы (Павлов, 1951) путем обогащения всех модальностей восприятия и получения эмоциональных впечатлений в повседневном опыте; с другой стороны, с понятием личностного смысла по А.Н. Леонтьеву: цель вовлеченного активного наблюдения, должна относиться к мотиву — «сверхзадаче» (для чего изучается объект восприятия или социальной перцепции?). Таким образом, внимание становится не объективным, а субъективным. При этом эмоции отражают смысл, который имеют для субъекта события, объекты и люди, находящиеся в фокусе внимания (Леонтьев, 1977).

«Чувственное внимание», осуществляемое на основе личностного смысла, и развитие умения наблюдения (как объектов, так и состояний человека) помогают добиться большей детализации образов и представлений *в памяти*, которые впоследствии актуализируют воспроизведение человеческого поведения через психофизические действия, то есть ВПФ формируются взаимосвязано и системно. В актерской работе активно задействованы процедурная (Squire, et al., 1993) и эпизодическая память (Tulving, 1972), произвольное управление которой позволяет актуализировать эмоции с помощью воображения. Данные процессы связывают с работой первой сигнальной системы: рефлекторная реакция разворачивается на условный раздражитель — образ, представленный в сознании. Однако образ объекта, произвольно используемый актером, может быть рассмотрен и как способ невербальной фиксации смысла (Орбели, 1964; Омеляненко, 2011); так, о необходимости умения произвольного удержания образа и оперирования им в памяти, — пишет М.А. Чехов (Чехов, 2018). Кроме того, условно-рефлекторная реакция может быть связана и с вербальным стимулом, и в этом случае уместно говорить о взаимодействии первой и второй сигнальных систем.

Развитие средств внимания, восприятия, памяти влияет на мышление: логика психофизических действий выстраивается на основе памяти и мотивационной основы роли — «представление, суждение и воле-чувство» (Станиславский, 1989, с. 376) выступают как побудители активности. Установочное действие оказывают элементы воображения — введение приема «если бы» в предлагаемых обстоятельствах, а также «чувство правды и вера» (Натадзе, 1972).

По В.О. Топоркову и К.С. Станиславскому, эмоции актера («подсознательное творчество») порождаются в меньшей степени подготовкой эмоционального состояния к событию на сцене (Топорков, 1964) и в большей степени непрерывными сознательными психофизическими действиями в предлагаемых обстоятельствах, соотнесенных с активным мотивом-сверхзадачей и мотивом борьбы (Станиславский, 1989), таким образом являются отражательно-оценочной реакцией на актуализацию потребностного состояния (Симонов, 1981), сопровождают мотивационное возбуждение и являются результатом обратной афферентации (Анохин, 1975). Правдоподобное переживание порождается единством сознательного и бессознательного: оно имеет предмет, по отношению к которому разворачивается осознание, и не может быть замкнутым во внутреннем мире (Рубинштейн, 2008). При этом, как указывает Станиславский, совпадение «самочувствия» артиста с ролью «по сходству и смежности» необходимо направить через технику на «человеко-роль» (Станиславский, 1989), то есть «опредметить» беспредметную тревогу, тоску и т.д. Близких позиций придерживаются Е.Б. Вахтангов и М.А. Чехов, указывая, что чувство вызывается действием. Однако Чехов отмечает необходимость подготовки своего эмоционального состояния к актерской работе путем включения в общую «атмосферу» спектакля и эмоционального заражения (Чехов, 2018; Evangelatou, 2021). Е.Б. Вахтангов, изначально продвигая направление психологического реализма, видел необходимость в приведении актеров к внутренне сосредоточенным эмоциональным состояниям, лишенным ясности внешнего выражения, а затем, придя к фантастическому реализму, вернул идею яркости внешней формы выражения и органики актерского действия (Whyman, 2018). Фактически и М.А. Чехов, и К.С. Станиславский в своем понимании направления «подсознательного творчества («природы»)» через сознательные техники приближаются к представлению М. Чиксентмихайи об опыте потока — состоянии упорядоченного сознания, в котором вся психическая энергия сосредоточена на достижении поставленной цели (Polanco, Bonfiglio, 2016). В качестве произвольных способов управления эмоциями выступают «темпо-ритм», повторяющиеся эмоции, по К.С. Станиславскому; обратная связь от «психологического жеста», работа с качествами, визуализация, по М.А. Чехову (Evangelatou, 2021).

Эмоциональная вовлеченность актера является не самоцелью, а скорее способом активизации чувств зрителей путем механизма эмпатии, физиологическую основу которой обеспечивают зеркаль-

ные нейроны (Bernhardt, Singer, 2012; Evangelatou, 2021). При этом исследование Х. Такахашаи и коллег выявило согласующийся с психологией метода К.С. Станиславского нейрофизиологический эффект: зеркальные нейроны возбуждаются сильнее, дольше и в более специфических областях при физическом действии (Takahashi et al., 2008; Arp-Dunham 2017). Л.С. Выготский указывает на совместную распределенность эмоциональных переживаний «актер — зритель», связанную с процессом перехода интерпсихических функций в интрапсихические: интериоризация осуществляется зрителем на посткоммуникативном этапе восприятия спектакля (Собкин, 2015).

В результате теоретического исследования метода психофизических действий актера как процесса формирования высших психических функций выявлено, что известные театральные школы связывают осознанность с непрерывностью существования актера на сцене, органичностью, правдоподобием образа, определяющего наиболее эмпатичное восприятие зрителем спектакля. Однако анализ предлагаемых обстоятельств и выбор наиболее адекватных психофизических действий в ходе спектакля не могут обеспечить органичного существования актера на сцене без взаимодействия и коммуникации с партнером, а также получения обратной связи как от зрителя, так и от образа в его предлагаемых обстоятельствах.

III. Сценическое общение

Подход К.С. Станиславского акцентирует социальную природу роли: ее развитие происходит в условиях включенности актера в систему общения на сцене (Топорков, 1954; Станиславский, 1989), таким образом создается «модель» реального процесса социализации, который определяется сложной системой факторов, учитывающей внутреннюю активность и внешний контекст. Согласно Л.С. Выготскому, Д.Б. Эльконину, Э. Эриксону общение имеет детерминирующую силу по отношению к высшим психическим функциям, личности (Выготский, 2005; Карабанова, 2014); этот же принцип интуитивно проводит в своем методе К.С. Станиславский. Он отмечает два ключевых аспекта сценического общения — непрерывность и концентрированность (Станиславский, 1989).

Непрерывность сценического общения связана с динамическим состоянием переходов внимания от одного субъекта (я, другой человек, живое существо) или объекта (предметы искусства, обыденные вещи или явления) к другому: «Уловите-ка хоть один момент, когда вы останетесь без объекта общения!» (Станиславский, 1989, с. 319).

При этом отсутствие осознания включенности в процесс общения не свидетельствует о наличии пустот в коммуникации, взаимодействии и перцепции. Сходным образом М.М. Бахтин говорит о непрерывном диалоге «голосов» как о сущности человеческого сознания (Бахтин, 1994), В.Н. Мясищев характеризует личность как «диалогическое» образование, продукт опыта общения и взаимоотношений с другими людьми (Бодалев, 1983), А.У. Хараш рассматривает общение как коммуникативное состояние личности (Соловьева, 2014). Таким образом воплощение актером личности его героя возможно при интериоризации системы его общения. Базис актерской работы также составляет *общение с партнерами*, которое создает ткань пьесы и формирует характеры; *общение с художественным образом*, включающее установочное действие воображения; и *непрямое общение со зрительным залом* (Станиславский, 1989; Топорков, 1954).

По Станиславскому, сценическое общение, в отличие от повседневного, является *концентрированным*, так как охватывает наиболее эмоционально-окрашенные события, а также требует произвольного внимания к субъекту социальной перцепции, называемого Станиславским «хваткой» (Станиславский, 1989). Кроме того, в сценическом общении более выраженными становятся все его «органические» этапы, которые можно соотнести с этапами речевой деятельности, выделяемыми С.Л. Рубинштейном. Так, С.Л. Рубинштейн выделяет этапы: 1) ориентировки и планирования; 2) исполнения и реализации; 3) контроля (Леонтьев, 1997); с опорой на представления К.С. Станиславского (Станиславский, 1989), мы можем говорить, что в актерском общении 1) усиливается этап ориентировки с учетом мотивов *сверхзадачи* и *борьбы*; 2) на этапе исполнения последовательно осуществляется *привлечение внимания*, *«зондирование души» объекта* и передачей своих мыслей, чувств, образов объекту с помощью *«лучейиспускания»*; 3) этап контроля связан с наблюдением *«момента отклика объекта»* и обменом обратной связью. При этом в сценическом общении в большей степени, чем в повседневном, акцентируются невербальный аспект коммуникации, интеракция и социальная перцепция. Так, метафора «лучейиспускания-лучевосприятия» в актерском общении связана с феноменом межличностной обратной связи, повышающей субъектность (Соловьева, 2021), развитой эмпатией (Bernhardt, Singer, 2012), согласованностью вербального и невербального аспекта коммуникации (Жуков, Хренов, 1999; Фрай, 2005). Интерактивная сторона общения раскрывается в структуре кооперации-конкурен-

ции: с одной стороны, партнеры по сцене направлены на сотрудничество, поддерживая саму деятельность общения непрерывной; с другой стороны, взаимодействие образов мотивировано борьбой, конфликтом (Топорков, 1954).

IV. Формирование роли как личности

Работа актера над ролью связана с формированием личности персонажа: в большинстве подходов к театральной работе задается система социализации, учитывающая средовую детерминацию и активность, тем самым осуществляется попытка провести линию развития роли. Так, описание развития роли К.С. Станиславским, В.О. Топорковым, М.О. Кнебель ложится в методологическую рамку культурно-исторического подхода Л.С. Выготского: с точки зрения авторов данной статьи, предлагаемые обстоятельства и система общения могут быть рассмотрены как социальный контекст роли и сопоставлены с понятием социальной ситуации развития (ССР); психофизические действия могут пониматься как активность субъекта; «борьба» может быть трактована как критический период развития, в котором личность сталкивается с ССР и формирует новообразования в деятельности (по Л.С. Выготскому, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконину). К.С. Станиславский учитывает активность (действие как основа роли) и общение в качестве движущей силы и источника развития личности персонажа, что позволяет провести некоторые аналогии с психологическими теориями развития личности А. Бандуры, У. Бронфенбреннера, Дж.Г. Мида, Л.С. Выготского, Ж. Пиаже, Э. Эриксона и Д.Б. Эльконина. В работе актера над ролью присутствует идея о движущих силах развития как конфронтации со средой (равновесно-интеграционная теория З. Фрейда), а также как сотрудничестве внутри группы (эпигенетическая теория Э. Эриксона). В.Э. Мейерхольд также рассматривает конституциональные особенности актера как предпосылки формирования роли (Мейерхольд, Бебутов, Аксенов, 1922).

Подход К.С. Станиславского предполагает, что для развития персонажа актер «надстраивает» роль на свою структуру личности и индивидуальные предпосылки и выстраивая верную логику психофизических действий. Личность внутри роли задается работой актера над мотивационной направленностью: важно сформировать возможность произвольно управлять своим поведением, осуществлять выбор в соответствии с иерархией мотивов. Процесс воплощения роли через личную эмоционально-мотивационную сферу реализу-

ется посредством эпизодической памяти и «эмоциональной памяти» (Станиславский, 1989). Е.Б. Вахтангов стремился к слиянию актера и образа: его целью было побудить актеров «жить по образу» персонажа, а не «быть персонажем» — то есть уметь его полностью выразить (Whyman, 2018). По М.А. Чехову, актер входит в роль, но не срывает ее со своей личностью: он предлагает работать на уровне эмоционального состояния спектакля (уловить общую «атмосферу», «импульс») и сознательно воспроизводить в себе психический процесс роли (Чехов, 2018; Evangelatou, 2021), рефлексирова «расстояние» между положительными и отрицательными образами, а также между собой и образом («Мы должны овладеть всем темным, что в нас есть, и всем светлым, что мы можем получить, — то и другое мы должны смешать внутри нас самих» (Чехов, 2018, с. 21)). В наибольшей степени разделяет личность и роль В.Э. Мейерхольд, который, будучи сторонником формалистического направления, предлагает при актерском воплощении оставаться на уровне социальной роли, «персоны» (Мейерхольд, 1968). В современных теоретических исследованиях проблематизируется слияние личности актера с ролью о опасность «эмоциональной памяти» в случаях, когда роль требует приближения к границам психической нормы (Hetzler, 2019).

Л.С. Выготский в качестве театрального критика затрагивал проблему разрыва отношений «я — роль» в актерском перевоплощении, связывая ее со стереотипами обыденного сознания и в первую очередь с мировоззренческим разрывом, непониманием образа жизни персонажа (Собкин, 2015). Говоря об этом, Выготский указывает на недостаточное овладение актером предлагаемыми обстоятельствами в аспекте культурной и исторической детерминации личности. Подходы к обучению актеров, следующие традиции К.С. Станиславского, отдельной задачей ставят такое конструирование личностной структуры персонажа, которое опиралось бы на представления о нарративной идентичности (Д. Макадамс) (Bruner, 1987; McAdams, 2011), жизненном пути (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев) (Рубинштейн, 2008), автобиографической памяти (Нуркова, 2005), задающие ощущение пространственно-временного постоянства Я и являющиеся формой осмысления образа в социокультурном контексте. В этом усматривается эвристичность метафор К.С. Станиславского, которые отражают процессуальность (событийность) личности персонажа и ее множественные связи с социальной действительностью.

Выводы

В данной статье мы рассмотрели психологическую составляющую театральной терминологии, представленной в работах К.С. Станиславского, В.О. Топоркова, М.А. Чехова, Е.Б. Вахтангова и др. Нами были проанализированы деятельностные аспекты актерской работы, предложена интерпретация понятия «предлагаемых обстоятельств» как социальной ситуации развития (Л.С. Выготский), а метода психофизических действий — как пути формирования высших психических функций. Были выявлены психологические аспекты общения в структуре актерской игры, проведена и аргументирована аналогия между формированием роли и развитием личности. Была предпринята попытка системного анализа актерской профессии, включающей в себя целевую направленность актерской деятельности, развитие личности в процессе анализа предлагаемых обстоятельств и выбора наиболее адекватных (типичных) психофизических действий, а также непрерывное общение актеров на сцене. Проведенный глубинный теоретический анализ роли психологической науки в формировании и развитии актерской профессии позволяет сделать вывод о необходимости разработки и применения методологических основ психологической науки как в процессе обучения актерской профессии, так и в процессе освоения актером роли в контексте интерпретации предлагаемых обстоятельств роли, а также выбора адекватных психофизических действий, направленных на органичное воспроизведение человеческого поведения и существования актера на сцене.

Литература

- Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Бодалев А.А. Личность и общение: избранные труды. М.: Педагогика, 1983.
- Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Моск. псих. соц. ин-т, 1995.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2016.
- Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
- Жуков Ю.М., Хренов Д.В. Методический анализ исследований неискренности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 219–231.
- Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуации развития» в современной психологии // Методология и история психологии. Направления и школы в психологии. 2007. № 2 (4). С. 40–56.

Карабанова О.А. Социальная ситуация развития как преодоление дихотомии «личность — среда» // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 10–21. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.08.2022).

Кнебель М.О. О действенном анализе пьесы и роли. М.: Планета музыки, 2021.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

Леонтьев Д.А. Понятие Мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 2. С. 3–18.

Натадзе Р.Г. Воображение как фактор поведения. Тбилиси: Мецниереба, 1972.

Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Ежегодник российского психологического общества. Специальный выпуск. 2005. Т. 1. С. 25–27.

Омельяненко М.В. Концепция искусства в докладах Л.А. Орбели о второй сигнальной системе // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 2. С. 146–154.

Орбели Л.А. Вопросы высшей нервной деятельности и ее развития. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1964.

Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

Собкин В.С. Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского. М.: Институт социологии образования РАО, 2015.

Соловьева О.В. Обратная связь как механизм повышения субъектности личности в общении и совместной деятельности. Социальная психология личности и группы в трансформирующейся России: Мат. Всеросс. науч.-практ. онлайн-конф. (Курск, 16–17 декабря 2021 года) / Отв. ред. С.В. Сарычев. Курск: Университетская книга, 2021.

Станиславский К.С. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. Работа актера над собой. Ч. 1: Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика. М.: Искусство, 1989.

Станиславский К.С. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 4. Работа актера над ролью. М.: Искусство, 1957.

Товстоногов Г.А. Зеркало сцены. В 2 кн. Кн. 1. О профессии режиссера / Ред.-сост. Ю.С. Рыбаков. М.: Искусство, 1984.

Топорков В.О. О технике актера. М.: Искусство, 1954.

Топорков В.О. Метод творческой практики К.С. Станиславского. Доклад на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 1964.

Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.

Чехов М.А. О технике актера. М.: АСТ, 2018.

Чуприкова Н.И. Психика и психические процессы. Система понятий общей психологии. М.: Litres, 2022.

Arp-Dunham, J.R. (2017). The cognitive Stanislavski in the rehearsal hall. *Stanislavski Studies*, 5 (1), 67–74.

Benedetti, J. (2008). *Stanislavski and the Actor*. London: Methuen Drama.

Bernhardt, B.C., Singer, T. (2012). The Neural Basis of Empathy. *Annual Review of Neuroscience*, 35 (1), 1–23.

Bronfenbrenner, U. (1989). Ecological systems theory. *Annals of Child Development*, 6, 187–249.

Bruner, J. (1987). Life as narrative. *Social Research*, 54 (2), 11–32.

Connolly, R., Ralley, R. (2007). The Laws of Normal Organic Life or Stanislavski Explained: Towards a scientific account of the subconscious. *Stanislavski's System Studies in Theatre and Performance*, 3 (27), 237–259.

Evangelatou, A. (2020). Konstantin Stanislavski and Michael Chekhov: tracing the two practitioners' "lures" for emotional activation. *Stanislavski Studies*, 9 (1), 21–39. doi: 10.1080/20567790.2020.1772550

Hetzler, E. (2019). Emotion memory: "A dangerous reputation". *Stanislavski Studies*, 8 (1), 87–96. doi: 10.1080/09603123.2019.1708619

McAdams, D.P. (2011). Narrative identity. In Schwartz, S.J., Luyckx, K., Vignoles, V.L. (Eds.), *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99–115). NY: Springer.

Polanco, F., Bonfiglio, D.B.V. (2016). Stanislavski's objectives, given circumstances and magic "if" through the lens of optimal experience. *Stanislavski Studies*, 4 (2), 205–216.

Squire, L.R., Knowlton, B., Muse, G. (1993). The structure and organization of memory. *Annual Review Psychology*, 44, 453–495.

Takahashi, H., Shibuya, T., Kato, M., Sassa, T., Koeda, M., Yahata, N., Suhara, T., Okubo, Y. (2008). Enhanced Activation in the Extrastriate Body Area by Goal-directed Actions. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 62, 214–219.

Tulving, E. (1972). Episodic and semantic memory. In E. Tulving, W. Donaldson (Eds.), *Organization of Memory* (pp. 381–402). New York: Academic Press.

Whyman, R. (2018). Stanislavski: Contexts and Influences. *The Great European Stage Directors*, 1, 1–29.

References

Anohin, P.K. (1975). *Essays on the Physiology of Functional Systems*. M.: Medicina. (In Russ.).

Arp-Dunham, J.R. (2017). The cognitive Stanislavski in the rehearsal hall. *Stanislavski Studies*, 5 (1), 67–74.

Bakhtin, M.M. (1994). *Problems of Dostoevsky's Work*. Kiev. (In Russ.).

Benedetti, J. (2008). *Stanislavski and the Actor*. London: Methuen Drama.

Bernhardt, B.C., Singer, T. (2012). The Neural Basis of Empathy. *Annual Review of Neuroscience*, 35 (1), 1–23.

Bodalev, A.A. (1983). *Personality and communication: Selected works*. M.: Pedagogika. (In Russ.).

- Bozhovich, L.I. (1995). Problems of personality formation. M.: Mosk. psikh. sots. institut. (In Russ.).
- Bronfenbrenner, U. (1989). Ecological systems theory. *Annals of Child Development*, 6, 187–249.
- Bruner, J. (1987). Life as narrative. *Social Research*, 54 (2), 11–32.
- Chekhov, M.A. (2018). On the actor's technique. M.: AST. (In Russ.).
- Chuprikova, N.I. (2022). Psyche and mental processes. System of concepts of general psychology. M.: Litres. (In Russ.).
- Connolly, R., Ralley, R. (2007). The Laws of Normal Organic Life or Stanislavski Explained: Towards a scientific account of the subconscious. *Stanislavski's system Studies in Theatre and Performance*, 3 (27), 237–259.
- Evangelatou, A. (2020). Konstantin Stanislavski and Michael Chekhov: tracing the two practitioners' "lures" for emotional activation. *Stanislavski Studies*, 9 (1), 21–39. doi: 10.1080/20567790.2020.1772550
- Fray, O. (2005). Detection of Lies and Deception. SPb.: Praim-Evroznak. (In Russ.).
- Hetzler, E. (2019). Emotion memory: "A dangerous reputation". *Stanislavski Studies*, 8 (1), 87–96. doi: 10.1080/09603123.2019.1708619
- Karabanova, O.A. (2007). The concept of "social situation of development" in modern psychology. *Metodologiya i istoriya psihologii. Napravleniya i shkoly v psikhologii (Methodology and History of Psychology. Trends and Schools in Psychology)*, 2 (4), 40–56. (In Russ.).
- Karabanova, O.A. (2014). Social situation of development as overcoming the dichotomy "personality — environment". *Psihologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 7 (36), 10–21. (Retrieved from <http://psystudy.ru>) (review date: 04.08.2022). (In Russ.).
- Knebel', M.O. (2021). On the effective analysis of the play and role. M.: Planeta muzyki. (In Russ.).
- Leont'ev, A.A. (1997). Psychology of communication. M.: Smysl. (In Russ.).
- Leont'ev, A.N. (1977). Activity. Consciousness. Personality (2nd ed.). M.: Politizdat. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A. (2016). The concept of Motive in A.N. Leontiev and the problem of the quality of motivation. *Vestnik Moskovskogo Universsiteta. Seriya 14. Psihologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 3–18. (In Russ.).
- McAdams, D.P. (2011). Narrative identity. In Schwartz, S.J., Luyckx, K., Vignoles, V.L. (Eds.), *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99–115). NY: Springer.
- Meyerhold, V.E. (1968). Articles, letters, speeches, conversations (1917–1939). (2nd ed.). M.: Iskusstvo. (In Russ.).
- Natadze, R.G. (1972). Imagination as a Factor of Behavior. Tbilisi: Metsniereba. (In Russ.).
- Nurkova, V.V. (2005). The Role of Autobiographical Memory in the Structure of Personality Identity. *Ezhegodnik rossijskogo psihologicheskogo obshchestva. Special'nyj vypusk (Yearbook of Russian Psychological Society. Special issue)*, 1, 25–27. (In Russ.).

Omel'yanenko, M.V. (2011). The concept of art in the reports of L.A. Orbeli on the second signal system. *Vestnik SPbGUKI (Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture)*, 2, 146–154. (In Russ.).

Orbeli, L.A. (1964). Problems of higher nervous activity and its development. M.; L.: Izd-vo "Nauk". (In Russ.).

Pavlov, I.P. (1951). Complete collected works (3rd ed.). M.; L.: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).

Polanco, F., Bonfiglio, D.B.V. (2016). Stanislavski's objectives, given circumstances and magic "if" through the lens of optimal experience. *Stanislavski Studies*, 4 (2), 205–216.

Rubinshtein, S.L. (2008). Fundamentals of general psychology. SPb.: Piter. (In Russ.).

Simonov, P.V. (1981). The Emotional Brain. M.: Nauka. (In Russ.).

Sobkin, V.S. (2015). Comments on Lev Vygotsky's Theatrical Reviews. M.: Institut sotsiologii obrazovaniya RAO. (In Russ.).

Solov'eva, O.V. (2021). Feedback as a mechanism of personality subjectivity increase in communication and joint activity. In S.V. Sarychev (Eds.), *Social psychology of personality and group in transforming Russia: Materials of All-Russian scientific and practical online conference (Kursk, December 16–17, 2021)*, (pp. 102–104). Kursk: Universitetskaya kniga. (In Russ.).

Solov'eva, O.V. (2014). In the space of communication A.U. Kharash. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of practical psychologist)*, 1, 65–67. (In Russ.).

Stanislavsky, K.S. (1989). Collected works (2nd ed.). The Work of the actor over himself. Part 1: The work on myself in the creative process of experience: The diary of a student. M.: Iskusstvo. (In Russ.).

Stanislavsky, K.S. (1957). Collected works (4th ed.). The Actor's work on the role. M.: Iskusstvo. (In Russ.).

Squire, L.R., Knowlton, B., Muse, G. (1993). The structure and organization of memory. *Annual Review Psychology*, 44, 453–495.

Takahashi, H., Shibuya, T., Kato, M., Sassa, T., Koeda, M., Yahata, N., Suhara, T., Okubo, Y. (2008). Enhanced Activation in the Extrastriate Body Area by Goal-directed Actions. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 62, 214–219.

Toporkov, V.O. (1954). About actor's technique. M.: Iskusstvo. (In Russ.).

Toporkov, V.O. (1964). The method of creative practice of K.S. Stanislavsky. M. (In Russ.).

Tovstonogov, G.A. (1984). The Mirror of the stage. In Yu.S. Rybakov (Eds.), *About the director's profession* (1st ed.). M.: Iskusstvo. (In Russ.).

Tulving, E. (1972). Episodic and semantic memory. In E. Tulving, W. Donaldson (Eds.), *Organization of Memory* (pp. 381–402). New York: Academic Press.

Vygotsky, L.S. (2016). History of development of higher mental functions. M.: Yurait. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (2005). Psychology of human development. M.: Izd-vo Smysl; Eksmo. (In Russ.).

Whyman, R. (2018). Stanislavski: Contexts and Influences. *The Great European Stage Directors*, 1, 1–29.

Zhukov, Y.M., Khrenov, D.V. (1999). Methodological analysis of research on insincerity. *Mir psikhologii (World of psychology)*, 3, 219–231. (In Russ.).

Статья получена: 02.09.2022;
принята: 15.11.2022;
отредактирована: 10.12.2022.

Received: 02.09.2022;
accepted: 15.11.2022;
revised: 10.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Машков Владимир Львович — художественный руководитель Московской театральной школы Олега Табакова, collegetabakova@culture.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-2595>

Долгих Александра Георгиевна — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией психологии театральной деятельности Психологического института Российской академии образования, ag.dolgikh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>

Голик София Витальевна — научный сотрудник лаборатории психологии театральной деятельности Психологического института Российской академии образования, golik-sofia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-1620>

Самусева Марина Викторовна — научный сотрудник лаборатории психологии театральной деятельности Психологического института Российской академии образования, sam.mar.vic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1821-2215>

ABOUT AUTHORS

Vladimir L. Mashkov — Artistic Director, Oleg Tabakov Moscow Theatre School, collegetabakova@culture.mos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-2595>

Alexandra G. Dolgikh — PhD in Psychology, Head of the Laboratory of Psychology of Theatre Activity, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, ag.dolgikh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>

Sofia V. Golik — Researcher, the Laboratory of Psychology of Theatre Activity, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, golik-sofia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-1620>

Marina V. Samuseva — Researcher, the Laboratory of Psychology of Theatre Activity, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, sam.mar.vic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1821-2215>

УДК 159.9.072, 159.922.8
doi: 10.11621/vsp.2022.04.09

Научная статья

РОЛЬ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ДИНАМИКЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И КОГНИТИВНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ИЗ ОСНОВНОЙ В СТАРШУЮ ШКОЛУ: ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И.Н. Бондаренко¹, И.Ю. Цыганов^{*2}, В.И. Моросанова³

^{1, 2, 3} ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», Москва, Россия

¹ pondi@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5539-1027>

² i4321@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

³ morosanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>

*Автор, ответственный за переписку: i4321@mail.ru

Актуальность. Снижение познавательной активности и возникновение различных ее дефицитов при общем снижении положительного отношения к учебе создает трудности в обучении к концу основной школы и при переходе в старшую школу. В этой связи значимым становится выявление мотивационных и регуляторных ресурсов поддержания познавательной активности в предэкзаменационный период 9-го класса, а также в начале старшей школы.

Целью исследования было изучение динамики познавательной активности и школьной вовлеченности при переходе из средней в старшую школу и оценка влияния уровня сформированности осознанной саморегуляции к 8-му классу на эту динамику в 9-м и 10-м классах.

Выборка. 156 восьмиклассников в возрасте $M=13,88$; $\sigma=0,445$. В последующих 9-м и 10-м классах проведены повторные обследования по тем же методикам. В итоге собраны лонгитюдные данные на трех точках.

Методы. «Отношение к учению в средних и старших классах» (И.Н. Бондаренко, И.Ю. Цыганов, В.И. Моросанова). «Многомерная шкала школьной вовлеченности» (Т.Г. Фомина, В.И. Моросанова). Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (В.И. Моросанова, И.Н. Бондаренко).

Результаты. Межиндивидуальные различия выявлены в характере изменения когнитивной вовлеченности, в познавательной активности различия не выявлены. Показано, что для успешного поддержания позна-

вательной активности и вовлеченности в старшей школе, важно достичь максимального уровня их развития в 8-м классе, за год до экзаменационного тестирования ОГЭ. Лонгитюдный анализ показал, что школьная вовлеченность в большей степени связана с осознанной саморегуляцией в сравнении с познавательной активностью, которая существенно зависит от внешних факторов. Осознанная саморегуляция, выполняя свою ресурсную роль, с одной стороны, вносит прямой вклад в уровень развития вовлеченности, с другой — предотвращает ее резкое падение в случае трудностей или временных неудач.

Выводы. Развитие осознанной саморегуляции в средней школе способно компенсировать негативные тенденции падения познавательной активности и вовлеченности, возникающие у старшеклассников.

Ключевые слова: познавательная активность, школьная вовлеченность, осознанная саморегуляция, лонгитюдное исследование, старшеклассники.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00470 «Саморегуляция и школьная вовлеченность как психологические ресурсы академической успешности: лонгитюдное исследование».

Для цитирования: Бондаренко И.Н., Цыганов И.Ю., Моросанова В.И. Роль осознанной саморегуляции в динамике познавательной активности и когнитивной вовлеченности учащихся в период перехода из основной в старшую школу: лонгитюдное исследование // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 200–223. doi: 10.11621/vsp.2022.04.09

doi: 10.11621/vsp.2022.03.09

Scientific Article

THE ROLE OF CONSCIOUS SELF-REGULATION IN THE DYNAMICS OF COGNITIVE ACTIVITY AND COGNITIVE ENGAGEMENT OF STUDENTS DURING THE TRANSITION FROM SECONDARY TO HIGH SCHOOL: A LONGITUDINAL STUDY

Irina N. Bondarenko¹, Igor Yu. Tsyganov^{*2}, Varvara I. Morosanova³

^{1, 2, 3} FSBSI «Psychological Institute of the Russian Academy of Education»,
FBSI «Russian Academy of Education», Moscow, Russia

¹ pondi@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5539-1027>

² i4321@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

³ morosanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>

*Corresponding author: i4321@mail.ru

Background. A decrease in cognitive activity and the occurrence of various deficits with a general decrease in a positive attitude to learning creates difficulties in learning during the transition to high school. It becomes important to identify regulatory resources for development of cognitive activity and engagement during the period before the 9th grade, as well as at the beginning of high school.

Objective — to identify the dynamics of cognitive activity and engagement during the transition from middle to high school and to assess the contribution of conscious self-regulation of eighth graders to this dynamic in the 9th and 10th grades.

Sample. 156 eighth graders aged $M=13.88$; $SD=0.445$. In the 9th and 10th grades, repeated examinations were carried out using the same methods. As a result, longitudinal data was collected at three points.

Methods. “Attitude to learning in middle and high school” (I.N. Bondarenko, I.Yu. Tsyganov, V.I. Morosanova). “Multidimensional scale of school engagement” (T.G. Fomina, V.I. Morosanova). Questionnaire of V.I. Morosanova “Style of self-regulation of learning activity, SRLAQ-M” (V.I. Morosanova, I.N. Bondarenko).

Results. We revealed between individual differences in the trajectories of cognitive engagement, but they were not revealed for cognitive activity. It is shown that in order to successfully maintain cognitive activity and engagement in high school, it is important to achieve the maximum level of their development in the 8th grade, a year before the state exams. Longitudinal analysis has shown that school engagement is more associated with conscious self-regulation in comparison with cognitive activity, which significantly depends on external factors. Conscious self-regulation, fulfilling its resource role, on the one hand, makes a direct contribution to the level of development of these characteristics, on the other hand, prevents their sharp decline in case of difficulties or temporary failures.

Conclusion. The development of conscious self-regulation in secondary school is able to compensate for the negative trends of falling cognitive activity and engagement that occur in high school students.

Keywords: cognitive activity, school engagement, conscious self-regulation, longitudinal study, high school students.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of the scientific project No. 20-18-00470 “Self-regulation and school engagement as psychological resources of academic success: a longitudinal study”.

For citation: Bondarenko, I.N., Tsyganov, I.Yu., Morosanova, V.I. (2022). The role of conscious self-regulation in the dynamics of cognitive activity and cognitive engagement of students during the transition from secondary to high school: a longitudinal study. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 200–223. doi: 10.11621/vsp.2022.04.09

Введение

Снижение познавательной активности и возникновение различных ее дефицитов на фоне общего снижения положительного отношения к учению, по мнению учителей, — характерная черта обучения в основной, а зачастую и в старшей школе. К окончанию основной школы (9 класс) познавательная активность учащихся существенно понижается (Андреева, 2021), чему сопутствуют потеря интереса к учебному материалу и приобретению знаний, снижение успеваемости, учащение нарушений дисциплины. Отношение к обучению у школьника становится более негативным, возрастает его тревожность и раздражительность по поводу происходящего вокруг него в школе. В этой связи значимым становится выявление мотивационных и регуляторных ресурсов поддержания познавательной активности в предэкзаменационный период 9-го класса, а также в начале старшей школы.

Познавательная активность (ПА) — одна из основных составляющих отношения к учению, побуждение, которое связано со стремлением к приобретению новых знаний и пополнению уже имеющегося «багажа». ПА определяют по-разному: как личностное качество (Б.Ф. Ломов, В.Д. Небылицын, Г.И. Щукина и др.), как направленность (Д.Б. Годовикова, М.И. Лисина, и др.). В ее основе лежит присущая человеку любознательность (А.Д. Андреева, Т.А. Гусева и др.). Становление ПА тесно связано с развитием личностной, регуляторной, мотивационной и эмоциональной сфер. Поэтому Т.А. Гусева (Гусева, 2009) предлагает в составе ПА выделять *мотивационный, регуляторный, динамический, продуктивный и рефлексивный* компоненты. Выраженность этих компонентов определяет индивидуальное своеобразие ПА (там же). Традиционно ПА исследуют в связи с активными методами обучения (А.М. Матюшкин, Г.С. Сухобская), психологическими механизмами целеполагания, предыдущими результатами обучения, адаптивностью (В.В. Давыдов, В.Н. Дружинин, А.В. Петровский, М.А. Холодная и др.). Основными личностными качествами, обеспечивающими ПА, являются любознательность, инициативность, ответственность, настойчивость. Настоящее исследование выполнено в подходе А.Д. Андреевой, которая определяет ПА как эмоцию интереса к познавательной деятельности, выступающую показателем высокой учебной мотивации, в основе которой лежит присущая человеку любознательность (Андреева, 2021).

Однако, несмотря на признание значимости этого конструкта, исследований онтогенеза ПА, механизмов и ресурсов ее становления и динамики сегодня недостаточно. Работы последних лет разрознены, часто носят сугубо прикладной характер.

Школьная вовлеченность является еще одним конструктом, связанным с проявлениями учебной активности детей и подростков. Согласно определению, вовлеченность — это устойчивое, направленное, активное участие обучающихся как в учебной деятельности, так и в школьной жизни в целом, включающее наблюдаемые и ненаблюдаемые взаимодействия с академическим социальным окружением (Fredricks, Reschly, Christenson, 2019; Wang et al., 2019). Это многомерный конструкт, в структуре которого выделяются четыре компонента: поведенческая, когнитивная, эмоциональная и социальная вовлеченность. Показано, что поддержка учителей, совместное обсуждение и взаимодействие учащихся друг с другом в 7-м классе вносит вклад в поведенческую, когнитивную, эмоциональную вовлеченность в 8-м классе, и как следствие, в итоговую успешность (Wang, Holcombe, 2010). Для целей настоящего исследования выбрана когнитивная вовлеченность (КВ), поскольку она обеспечивает готовность приложить усилия для достижения цели, и включает весь спектр применяемых учебных стратегий для эффективного решения учебных задач. КВ демонстрирует взаимосвязь с саморегуляцией, гибкостью в решении задач, с использованием адекватных копинг-стратегий, и усилиями, направленными на обучение, понимание, овладение знаниями и навыками (Фомина, Потанина, Моросанова, 2020). КВ связана с достижением учебных целей и имеет непосредственную связь с успеваемостью (Бондаренко, Ишмуратова, Цыганов, 2020).

Осознанная саморегуляция (СР) достижения учебных целей продемонстрировала свои ресурсные свойства в отношении обеих характеристик (Моросанова, 2021, 2022). СР понимается как *метаресурс* — управляющая система универсальных и специальных психологических ресурсов человека, направленная на осознанное выдвижение целей и управление их достижением. Он включает регуляторные процессы планирования целей, моделирования значимых условий достижения целей, программирования действий, оценивания результатов, и регуляторные качества гибкости, самостоятельности, надежности, ответственности и другие.

Показано, что становление и реализация ПА тесно связаны со сферой саморегуляции и развитием регуляторно-личностных качеств, таких как инициативность, ответственность, настойчи-

вость и других, которые способны обеспечивать ПА (Бондаренко, Моросанова, Цыганов, 2017). Рост этих качеств у подростков также связан со степенью их вовлеченности в учебный процесс и взаимодействием с другими его участниками. Благодаря такому взаимодействию стимулируются инициативность и любознательность, обеспечивающие ПА (Бондаренко, Ишмуратова, Цыганов, 2020).

Подчеркивается важность изучения индивидуальных траекторий изменения ПА и ресурсов ее поддержания на оптимальном уровне в разном возрасте (Гусева, 2009; Бондаренко, Моросанова, Цыганов, 2017; Андреева, 2021). К моменту перехода в старшие классы наблюдается стабильное снижение ПА (Бондаренко, Моросанова, Цыганов, 2017), а это означает необходимость ее заблаговременного развития в средней школе.

Целью исследования стало изучение динамики познавательной активности и когнитивной вовлеченности при переходе из средней в старшую школу и оценка влияния уровня сформированности осознанной саморегуляции к 8-му классу на эту динамику в 9-м и 10-м классах.

Выполненные ранее исследования осознанной СР показали, что существенные ее изменения происходят в период с 6-го по 8 класс. Далее она стабилизируется и, практически, не растет (например, Моросанова, Бондаренко, Фомина, 2020). В отношении же изменений ПА и КВ при переходе из средней в старшую школу таких исследований не проводилось. СР в нашей работе рассматривается как метаресурс достижения учебных целей. Поэтому проверялось предположение о ресурсной роли СР, достигнутой к 8-му классу, в отношении поддержания ПА и КВ на момент окончания средней школы и обучения в старших классах.

Лонгитюдный дизайн исследования призван ответить на следующие вопросы:

1. В каком направлении и с какой скоростью меняется познавательная активность учащихся при переходе из средней в старшую школу?
2. В каком направлении и с какой скоростью меняется когнитивная вовлеченность учащихся при переходе из средней в старшую школу?
3. В какой степени осознанная саморегуляция в 8-ом классе влияет на динамику ПА и когнитивной вовлеченности в 9-м и 10-м классах?

Описание хода исследования

Респондентам (учащимся 8-х классов) были предложены опросные методики, направленные на измерение показателей ПА, СР и КВ. В последующие два года респонденты повторно прошли обследования по тем же методикам в 9-м и 10-м классах. Таким образом, собраны данные в трех точках лонгитюда.

Выборку исследования составили 156 восьмиклассников в возрасте 13–16 лет ($M=13,88\pm 0,445$). В 9-м и 10-м классах средний возраст $M=14,66\pm 0,524$ и $M=15,7\pm 0,425$, соответственно. Выборка лонгитюдного исследования составила 103 человека. Сокращение выборки связано с переходом учеников в другие учебные заведения.

Методы

1. «Отношение к учению в средних и старших классах» (Бондаренко, Цыганов, Моросанова, 2018). Опросник является модификацией «Методики диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы» (Андреева, Прихожан, 2006)». Включает 30 утверждений в 5 шкалах. Под исследовательские задачи применялась шкала Познательной активности (ПА), α Кронбаха = 0,68.

2. «Многомерная шкала школьной вовлеченности» (Фомина, Моросанова, 2020). Адаптированная на российской выборке модификация методики «A Multidimensional School Engagement Scale» (Wang et al., 2019). Включает 37 вопросов в составе 8 шкал. В исследовании применена шкала Когнитивной вовлеченности. α Кронбаха = 0,78.

3. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (Моросанова, Бондаренко, 2017). Включает 52 утверждения, которые образуют 8 регуляторных шкал и шкалу социальной желательности. Интегративный показатель «Общий уровень саморегуляции» вычисляется путем суммирования значений по всем показателям. Внутренняя надежность ССУД-М — 0,65–0,82.

Для расчета описательных статистик, проведения корреляционного, дисперсионного и регрессионного анализа использовался статистический пакет SPSS 26.0 (SPSS Inc.). Перекрестно-лонгитюдный анализ проводился с использованием программы AMOS 23.

Результаты

Динамика изменений познавательной активности обучающихся при переходе из средней в старшую школу

Для ответа на первый исследовательский вопрос изучена динамика ПА, когнитивной вовлеченности и осознанной саморегуляции респондентов в периоды с 8-го по 9-й, и с 9-го по 10-й классы. Сравнение показателей КВ, ПА (рис. 1) и общего уровня СР разных лет по критерию Фридмана показало, что значимых различий по всем исследуемым показателям не обнаружено (табл. 1). Можно пред-

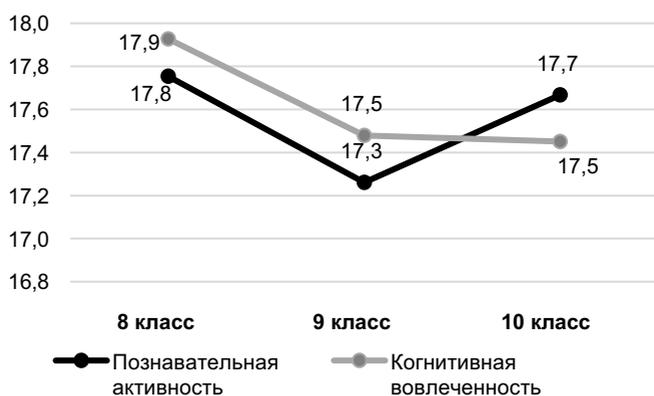

Рис. 1. Динамика познавательной активности и когнитивной вовлеченности у учащихся 8–10 классов (лонгитюдные данные)

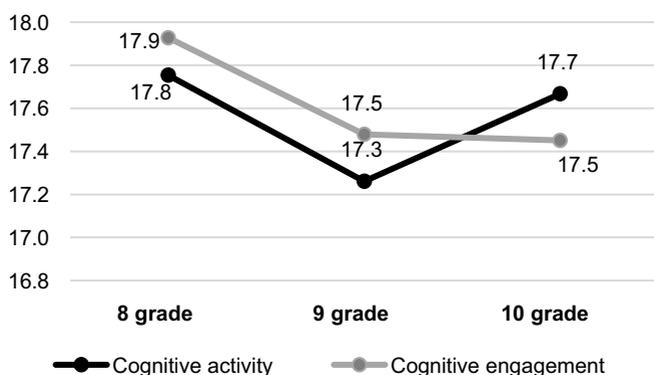

Fig. 1. Dynamics of cognitive activity and cognitive engagement in students of 8–10 grades (longitudinal data)

положить, что к восьмому классу эти новообразования уже стабилизировались, и используются учениками в качестве ресурса для достижения учебных целей.

Таблица 1

Сравнительный анализ познавательной активности, когнитивной вовлеченности, осознанной саморегуляции у учащихся 8–10 классов (лонгитюдные данные, критерий Фридмана)

	классы			Результаты сравнения	
	8	9	10	8-9	9-10
	M±σ	M±σ	M±σ	χ ² , p	χ ² , p
Познавательная активность	17,75±3,292	17,26±3,496	17,67±3,290	0,831; 0,362	0,364; 0,546
Когнитивная вовлеченность	17,93±3,821	17,48±4,154	17,45±4,076	2,283; 0,131	0,016; 0,898
Общий уровень саморегуляции	28,46±9,380	28,71±10,541	28,71±9,276	0,059; 0,808	0,720; 0,396

Примечание: χ²-критерий Фридмана для связанных выборок.

Table 1

Cognitive activity, cognitive engagement, self-regulation in students of 8–10 grades: results of comparison (χ² — test)

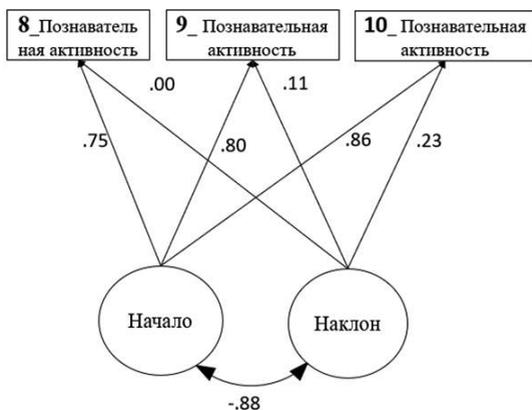
	Grades			Results of comparison	
	8	9	10	8-9	9-10
	M±σ	M±σ	M±σ	χ ² , p	χ ² , p
Cognitive activity	17.75±3.292	17.26±3.496	17.67±3.290	0.831; 0.362	0.364; 0.546
Cognitive engagement	17.93±3.821	17.48±4.154	17.45±4.076	2.283; 0.131	0.016; 0.898
General level of self-regulation	28.46±9.380	28.71±10.541	28.71±9.276	0.059; 0.808	0.720; 0.396

Note: χ² — test Friedman.

Однако мы не могли оставить без внимания озабоченность педагогов, указывающих на снижение ПА к старшей школе. Для ответа на вопрос, зависит ли динамика ПА от своего начального уровня, выполнено моделирование кривыми скрытого роста (Latent Growth Curve Modeling (LGCM)) для оценки лонгитюдных эффектов. Преимущество LGCM заключается в том, что этот метод моделирования структурными уравнениями (Structural Equation Modeling, SEM)

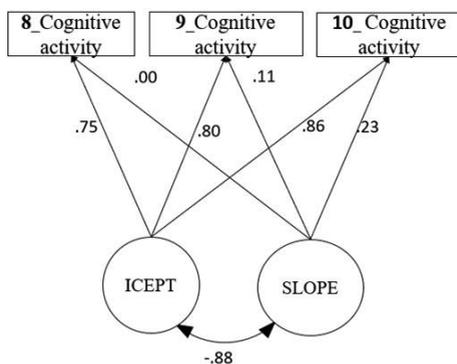
позволяет точно определить траекторию изменения ПА для каждого человека и оценить наличие межиндивидуальных различий в траекториях.

Результаты моделирования структурными уравнениями подтвердили статистическую достоверность данной модели. Для оценки модели мы использовали следующие индексы согласия и их допусти-

$\chi^2/df=1,76$; $p=0,152$; $CFI=0,951$; $RMSEA=0,106$; $PCLOSE=0,211$.

Рис. 2. Модель скрытого роста познавательной активности в 8–10 классах. На рисунке представлены стандартизованные регрессионные коэффициенты

$\chi^2/df = 1.76$; $p = 0.152$; $CFI=0.951$; $RMSEA = 0.106$; $PCLOSE=0.211$

Fig. 2. Latent Growth Curve Model of cognitive activity in 8–10 grades. The figure shows the standardized regression coefficients

Таблица 2

Средние значения, дисперсии и ковариации латентных изменений познавательной активности в 8–10 классах

Латентные переменные	Значение	С.О.	Значимость (p)
Среднее			
Начало_познавательная активность	17,604	0,398	0,000
Наклон_познавательная активность	-0,087	0,393	0,825
Дисперсия			
Начало_познавательная активность	6,564	1,977	0,000
Наклон_познавательная активность	0,469	2,491	0,851
Ковариация			
Начало_познавательная активность <-> Наклон_познавательная активность	-1,542	1,742	0,376

Примечание: Значение — Нестандартизированные оценки, С.О. — Стандартные ошибки.

Table 2

Means, variances and covariances of latent changes in cognitive activity in 8–10 grades

Latent variable	Estimates	S.E.	p-value
Mean			
ICEPT _ cognitive activity	17.604	0.398	0.000
SLOPE _ cognitive activity	-0.087	0.393	0.825
Variance			
ICEPT _ cognitive activity	6.564	1.977	0.000
SLOPE _ cognitive activity	0.469	2.491	0.851
Covariance			
ICEPT _ cognitive activity <-> SLOPE _ cognitive activity	-1.542	1.742	0.376

Note: Estimates — Unstandardized estimates. S.E. = Standard errors.

мые значения для принятия модели как соответствующей данным: Chi-square/df <2; $p > 0,05$; GFI > 0,95; CFI > 0,95; RMSEA < 0,05; PCLOSE не ниже 0,1 (рис. 2; табл. 2). Под «Началом» мы понимаем значение зависимой переменной y при $x = 0$. «Наклон» показывает, как изменяется зависимая переменная y при изменении x .

Среднее значение *Начала* для познавательной активности составляет 17,60 ($p \leq 0,000$). Это позволяет утверждать, что даже если все другие факторы будут равны 0, познавательная активность будет соответствовать среднему уровню для данной выборки. Среднее значение *Наклона* ПА составило $-0,087$ ($p \leq 0,825$), и его величина не значима, что указывает на отсутствие значимых изменений в ПА респондентов в период окончания ими основной школы и перехода в старшие классы.

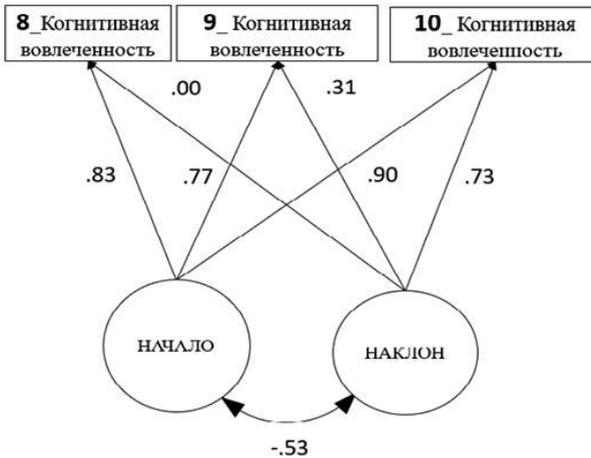
Величина дисперсии *Начала*, которая составила 6,564, ($p \leq 0,000$) свидетельствует о том, что в 8-м классе между показателями ПА учащихся существуют значимые индивидуальные различия: есть ученики, чей уровень ПА выше среднего для данной выборки, но также есть и те, чья ПА значительно ниже. Дисперсия наклона составила 0,469 ($p = 0,851$), что является свидетельством ее стабильности на протяжении трех лет лонгитюда и для обучающихся с изначально высоким ее значением, и с изначально низким.

Ковариация между *Началом* и *Наклоном* равна $-1,542$, и она не является значимой ($p = 0,376$), что указывает на то, что различия в индивидуальном изменении ПА не были связаны с ее уровнем в 8-м классе. Таким образом, что мы не можем утверждать, что у школьников с более высоким начальным значением ПА в 8-м классе скорость ее изменения к 10-му классу будет более низкая.

Динамика изменений когнитивной вовлеченности обучающихся при переходе из основной школы в старшие классы

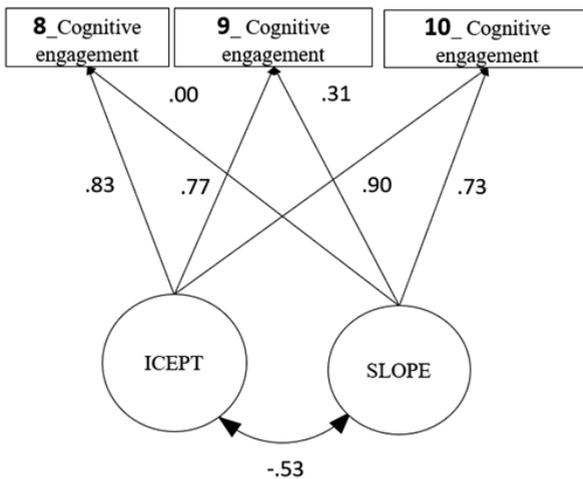
Для ответа на вопрос о динамике латентных изменений когнитивной вовлеченности учащихся при переходе из основной школы в старшие классы создана модель латентных изменений вовлеченности в 8–10 классах (рис. 3, табл. 3).

Значение *Начала* для когнитивной вовлеченности составляет 17,94 ($p \leq 0,000$). Это позволяет утверждать, что даже если все другие факторы будут равны 0, когнитивная вовлеченность не будет ниже среднего уровня для данной выборки. Среднее значение *Наклона* когнитивной вовлеченности составило $-0,238$ ($p \leq 0,314$). Это при отсут-

$\chi^2/df=2,83$; $p=0,59$; $CFI=0,955$; $RMSEA=0,164$; $PCLOSE=0,088$

Рис. 3. Модель скрытого роста когнитивной вовлеченности в 8–10 классах. На рисунке представлены стандартизованные регрессионные коэффициенты

$\chi^2/df = 2.83$; $p = 0.59$; $CFI=0.955$; $RMSEA = 0.164$; $PCLOSE=0.088$

Fig. 3. Latent Growth Curve Model of cognitive engagement in 8–10 grades. The figure shows the standardized regression coefficients

Таблица 3

Средние значения, дисперсии и ковариации латентных изменений
 когнитивной вовлеченности в 8–10 классах

Латентные переменные	Значение	С.О.	Значимость (p)
Среднее			
Начало_ когнитивная вовлеченность	17,940	0,457	0,000
Наклон_ когнитивная вовлеченность	–0,238	0,237	0,314
Дисперсия			
Начало_ когнитивная вовлеченность	9,863	2,545	0,000
Наклон_ когнитивная вовлеченность	1,636	0,751	0,029
Ковариация			
Начало_ когнитивная вовлеченность <-> Наклон_ когнитивная вовлеченность	–2,143	1,098	0,051

Примечание: Значение — Нестандартизированные оценки, С.О. — Стандартные ошибки.

Table 3

Means, variances and covariances of latent changes in cognitive engagement
 in 8–10 grades

Latent variable	Estimates	S.E.	p-value
Mean			
ICEPT _ cognitive engagement	17.940	0.457	0.000
SLOPE _ cognitive engagement	–0.238	0.237	0.314
Variance			
ICEPT _ cognitive engagement	9.863	2.545	0.000
SLOPE _ cognitive engagement	1.636	0.751	0.029
Covariance			
ICEPT _ cognitive engagement <-> SLOPE _ cognitive engagement	–2.143	1.098	0.051

Note: Estimates — Unstandardized estimates. S.E. = Standard errors.

ствии значимости указывает на то, что при наблюдаемой тенденции к снижению вовлеченности в период окончания средней и перехода в старшую школу, «опасного» ее падения не происходит.

Величина дисперсии *Начала*, которая составила 9,863 ($p \leq 0,000$) позволяет сделать вывод о том, что в 8-м классе у учащихся существуют значимые индивидуальные различия в уровне вовлеченности. Дисперсия *Наклона* составила 1,636 ($p \leq 0,029$), что свидетельствует о наличии межиндивидуальных различий в *траекториях изменения вовлеченности, в отличие от ПА*.

Ковариация между *Началом* и *Наклоном* равна $-2,143$, и она не является значимой ($p = 0,051$). Следовательно, так же как и в отношении ПА, мы не можем утверждать, что у школьников с более высоким начальным значением КВ в 8-м классе скорость ее изменения к 10-му классу будет более низкая.

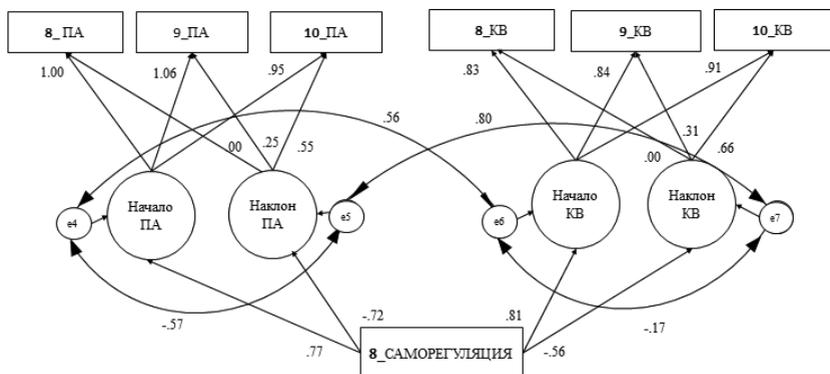
Модели скрытого роста, описанные выше, позволяют также проверить гипотезу о детерминации ПА и вовлеченности внешними факторами, наблюдаемыми характеристиками, остающимися инвариантными в течение всего исследуемого периода. В настоящем исследовании таким фактором является осознанная саморегуляция. Результаты сравнительного анализа саморегуляции в 8-м, 9-м и 10-м классах продемонстрировали ее стабильность. Рассмотрим, в какой степени осознанная саморегуляция в 8-м классе влияет на их динамику ПА и вовлеченности в 9-м и 10-м классах?

Осознанная саморегуляция как внешний параметр динамики познавательной активности и когнитивной вовлеченности обучающихся при переходе из средней в старшую школу

Результаты оценки вклада осознанной саморегуляции, которая отражает достигнутый к 8-му классу уровень умения ставить и достигать учебные цели, в *Начало* и *Наклон* ПА и вовлеченности в трех точках лонгитюда представлены на рис. 4 и в табл. 4.

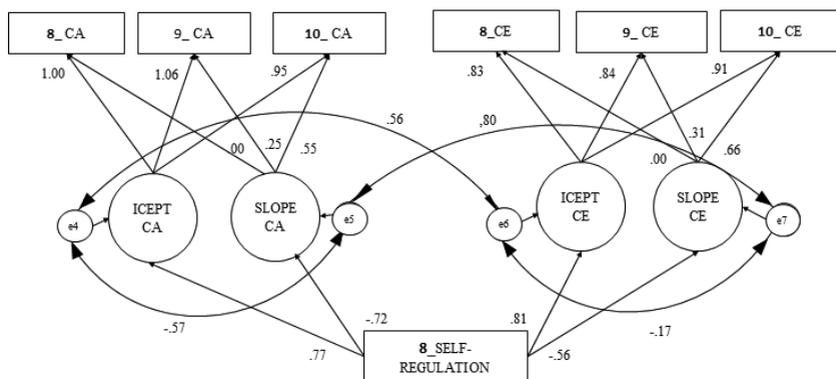
Начало и *Наклон* для обоих показателей характеризовались значительными дисперсиями, указывающими на их индивидуальную изменчивость.

Осознанная саморегуляция связана как с *Началом* (0,77; $p < 0,01$ для ПА и 0,81; $p < 0,01$ для вовлеченности), так и с *Наклоном* ($-0,72$; $p < 0,01$ для ПА и $-0,56$, $p < 0,01$ для вовлеченности). То есть, когда осознанная саморегуляция повышается на 1, ПА в 8-м классе повышается на 0,77, и это в дополнение к любому косвенному (опосредствующему) эффекту, который саморегуляция может оказать на *Начало* (ПА).

$\chi^2/df = 1,65; p = 0,48; CFI=0,955; RMSEA =0,98; PCLOSE=0,122$

Рис. 4. Структурная модель скрытого роста познавательной активности (ПА) и когнитивной вовлеченности (КВ) с осознанной саморегуляцией в качестве внешней детерминанты (ПА-познавательная активность, КВ-когнитивная вовлеченность). На рисунке представлены стандартизованные коэффициенты регрессии

$\chi^2/df = 1.65; p = 0.48; CFI=0.955; RMSEA =0.98; PCLOSE=0.122$

Fig. 4. Latent Growth Curve Model of cognitive activity (CA) and cognitive engagement (CE) with conscious self-regulation as an external determinant. The figure shows the standardized regression coefficients

Таблица 4

Средние значения и ковариации латентных переменных изменений познавательной активности и когнитивной вовлеченности в зависимости от уровня осознанной саморегуляции в 8–10 классах

Латентные переменные		Значение	С.О.	Значимость (p)	
Среднее					
Начало_познавательная активность		9,922	1,018	0,000	
Наклон_познавательная активность		3,611	1,176	0,002	
Начало_когнитивная вовлеченность		9,922	1,018	0,000	
Наклон_когнитивная вовлеченность		3,611	1,176	0,002	
Общий уровень осознанной саморегуляции		28,968	1,073	0,000	
Ковариация					
Начало_ ПА е4	<-->	Наклон_ПА е5	-1,352	1,431	0,345
Начало_ KB е6	<-->	Наклон_KB е7	-0,635	1,453	0,662
Начало_ ПА е4	<-->	Начало_KB е6	2,199	0,713	0,002
Наклон_ПА е5	<-->	Наклон_KB е7	1,818	1,026	0,077

Примечание: Значение — Нестандартизированные оценки, С.О. — Стандартные ошибки.

Table 4

Means and covariances of latent variables of changes in cognitive activity and cognitive engagement depending on the level of conscious self-regulation in 8–10 grades

Latent variable		Estimates	S.E.	p-value	
Mean					
ICEPT _cognitive activity		9.922	1.018	0.000	
SLOPE _cognitive activity		3.611	1.176	0.002	
ICEPT _cognitive engagement		9.922	1.018	0.000	
SLOPE cognitive engagement		3.611	1.176	0.002	
General level of conscious self-regulation		28.968	1.073	0.000	
Covariances					
ICEPT _cognitive activity e4	<-->	SLOPE _cognitive activity e5	-1.352	1.431	0.345
ICEPT _cognitive engagement e6	<-->	SLOPE _cognitive engagement e7	-0.635	1.453	0.662
ICEPT _cognitive activity e4	<-->	ICEPT _cognitive engagement e6	2.199	0.713	0.002
SLOPE _cognitive activity e5	<-->	SLOPE _cognitive engagement e7	1.818	1.026	0.077

Note: Estimates — Unstandardized estimates. S.E. = Standard errors.

Кроме того, повышение осознанной саморегуляции на 1 может замедлить падение ПА в 9-м классе (*Наклон (ПА)*) на 0,72. Аналогичные эффекты наблюдаются и для вовлеченности.

Отметим важный результат, полученный с помощью данной модели. *Наклон* равен 3,611 ($p < 0,01$). Это значение показывает, что в среднем ПА и вовлеченность учеников увеличиваются приблизительно на 3,5 единицы в год, если в модель включается фактор саморегуляции.

Ковариация между *Началом (ПА)* и *Началом (КВ)* равна 2,199 ($p = 0,002$) — статистически значима. Положительная ковариация показывает, что чем выше ПА в начале обучения, тем выше и когнитивная вовлеченность. Интересны ковариации между другими факторами, не вошедшими в настоящую модель, и саморегуляцией. Выявление этих факторов в 8-м классе для ПА и для когнитивной вовлеченности в 9-м может стать направлением дальнейших исследований.

Обсуждение результатов

В настоящем исследовании мы отвечали на три вопроса. 1. В каком направлении и с какой скоростью меняется познавательная активность учащихся при переходе из основной в старшую школу? 2. В каком направлении и с какой скоростью меняется когнитивная вовлеченность учащихся при переходе из основной в старшую школу? 3. В какой степени уровень сформированности осознанной саморегуляции в 8-м классе влияет на динамику ПА и когнитивной вовлеченности в 9-м и 10-м классах?

При ответе на первый вопрос обнаружено, что ПА имеет тенденцию к снижению с 8-го к 9-му классу и к росту после сдачи ОГЭ, но эти колебания не значимы. Модель скрытого роста познавательной активности в 8–10 классах позволяет утверждать, что возврат к уровню 8-го класса обеспечивается достигнутым к 8-му классу уровнем этой активности. Скорость изменений ПА не значима, следовательно, эмпирические данные не подтверждают опасения учителей о значительной утрате интереса к учебе. Данные, свидетельствующие о временном снижении ПА, совпадают с выводами, сделанными А.Д. Андреевой (2021). Мы полагаем, что рост ПА в 10-м классе связан с появлением новых учебных задач: учебно-профессиональных, связанных с началом периода профессионального самоопределения (Кондратюк, Жемерикина, Бурмистрова-Савенкова, 2020).

Направление изменений когнитивной вовлеченности учащихся при переходе из средней в старшую школу совпадает с направлением изменений ПА в период с 8-го по 9-й класс и отличается в период с 9-го по 10-й класс. Если понижающаяся после сдачи экзамена ПА возвращается в 10-ом классе к уровню 8-го класса, то вовлеченность после 9-го класса сохраняет стабильность.

Однако моделирование скрытого роста когнитивной вовлеченности дает нам ценную информацию об индивидуальных различиях по этому показателю в 8–10 классах. В 8-м классе учащиеся значимо различаются по уровню своей вовлеченности. Такие же выводы можно сделать в отношении межиндивидуальных различий в *траекториях изменения вовлеченности*. В этом состоит принципиальное отличие *вовлеченности от ПА*. Можно предположить, что ПА в гораздо большей степени зависит от ситуационных факторов, например от умения учителя заинтересовать обучающихся своим предметом. В то время как вовлеченность более связана со способностями, направленностью или внутренней мотивацией школьника.

Другим важным результатом моделирования является вывод о том, что различия в индивидуальном изменении вовлеченности связаны с ее уровнем в 8-м классе. Однако, это не означает, что высокий уровень вовлеченность в 8-м классе, способен удержать ее от падения к 10-му.

Подтверждена гипотеза о ресурсной роли осознанной саморегуляции в отношении ПА и когнитивной вовлеченности: рост саморегуляции даже на 1 пункт приводит к их росту в среднем на 3,5 пункта в год. Не менее важна и положительная взаимосвязь ПА и когнитивной вовлеченности, поскольку, чем больше у ученика знаний по какой-либо дисциплине и желания дальнейшего ее освоения, тем активнее его участие как в достижении учебных целей, так и в школьной жизни в целом, сопровождающееся энергичностью, энтузиазмом и поглощенностью.

В ходе дисперсионного анализа были получены данные о стабильности осознанной саморегуляции в период окончания средней и перехода в старшую школу. Это позволило рассматривать ее как внешнюю детерминанту в отношении ПА и вовлеченности в исследуемом периоде. С помощью структурного моделирования получены ответы на вопросы о специфике влияния СР на ПА и вовлеченность в старшей школе. Мы предположили, что саморегуляция в большей степени «поддержит» вовлеченность и выступит фактором, препятствующим ее снижению в старших классах. Это предположение

полностью подтвердилось, о чем свидетельствует увеличение угла наклона кривой изменения вовлеченности в последней модели. Показано, что чем выше саморегуляция, тем меньше скорость снижения вовлеченности. В отношении ПА такое влияние саморегуляции еще более выражено. С точки зрения лонгитюдной перспективы важным представляется результат, демонстрирующий положительную взаимосвязь саморегуляции и ПА в начале исследуемого периода, то есть за год до итогового экзамена ОГЭ. Чем выше эти характеристики, тем позитивнее прогноз интереса, вовлеченности, положительно-го отношения к учению и академической успеваемости в старшей школе. Таким образом, саморегуляция выступает в ресурсной роли в отношении ПА и вовлеченности (Моросанова, 2022; Цыганов, Бондаренко, 2022).

Выводы

1. Для успешного поддержания познавательной активности и вовлеченности в старшей школе, важен достигнутый уровень их развития в 8-м классе, за год до экзаменационного тестирования ОГЭ.

2. Лонгитюдный анализ продемонстрировал ресурсную роль осознанной саморегуляции достижения учебных целей в поддержании познавательной активности и когнитивной вовлеченности учеников старшекласников. С одной стороны, она вносит прямой вклад в уровень развития этих показателей, с другой — защищает от резкого падения в случае трудностей или временных неудач.

3. Исходя из полученных в исследовании результатов, представляется возможной практическая разработка комплекса конкретных мер по развитию осознанной саморегуляции в средней школе для компенсации выявленных негативных тенденций, возникающих в старших классах.

Литература

Андреева А.Д. Отношение к учению в разные периоды развития российского школьного образования // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 1. С. 84–92. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170112>

Андреева А.Д., Прихожан А.М. Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 33–38.

Бондаренко И.Н., Ишмуратова Ю.А., Цыганов И.Ю. Проблемы взаимосвязи школьной вовлеченности и академических достижений у современных

подростков // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 4. С. 77–88. <https://doi.org/10.17759/jmfr.2020090407>

Бондаренко И.Н., Моросанова В.И., Цыганов И.Ю. Регуляторные и личностные предикторы познавательной активности учащихся. Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. Материалы II-й Международной научно-практической конференции. 20–22 апреля 2017 г., Калуга, Россия. Калуга: изд-во АКФ «Политоп», 2017.

Бондаренко И.Н., Цыганов И.Ю., Моросанова В.И. Факторная структура опросника «Отношение к учению в средних и старших классах школы». Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. Материалы III-й Международной научно-практической конференции 19–21 апреля 2018 г. Калуга, Россия. Калуга: ИП Якунин А.В., 2018.

Гусева Т.А. Исследование стилей познавательной активности студентов-психологов // Психология обучения. 2009. № 3. С. 20–25.

Кондратюк Н.Г., Жемерикина Ю.И., Бурмистрова-Савенкова А.В. К вопросу о специальных регуляторных ресурсах студентов, обучающихся технологическим специальностям. Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции 1–3 октября 2020 г., Калуга, Россия. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2020.

Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>

Моросанова В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3. С. 58–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика осознанной саморегуляции учебной деятельности: новая версия опросника ССУД-М // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10, № 2. С. 27–37

Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г. Возрастные различия осознанной саморегуляции учебной деятельности во взаимосвязи с академической мотивацией, личностными особенностями учащихся и результатами их обучения. Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / Под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Фомина Т.Г., Моросанова В.И. Адаптация и валидизация шкал опросника «Многомерная шкала школьной вовлеченности» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 3. С. 194–213. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.09>

Фомина Т.Г., Потанина А.М., Моросанова В.И. Взаимосвязь школьной вовлеченности и саморегуляции учебной деятельности: состояние проблемы и перспективы исследований в России и за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 3. С. 390–411. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-390-411>

Цыганов И.Ю., Бондаренко И.Н. Школьная вовлеченность обучающихся с различным отношением к учению в основной школе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 1. С. 79–100. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-1-79-100>

Fredricks J., Reschly A., Christenson S. *Handbook of student engagement interventions: working with disengaged students*. London; San Diego: Academic Press, 2019.

Wang, M.-T., & Holcombe, R. (2010). Adolescents' perceptions of school environment, engagement, and academic achievement in middle school. *American educational research journal*, 47 (3), 633–662.

Wang, M.-T., Fredricks, J., Ye, F., Hofkens, T., Linn, J.S. (2019). Conceptualization and assessment of adolescents' engagement and disengagement in school: A Multidimensional School Engagement Scale. *European Journal of Psychological Assessment*, 35 (4), 592–606. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a00043>

References

Andreeva, A.D. (2021). Attitude to teaching in different periods of the development of Russian school education. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural and historical psychology)*, 17 (1), 84–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2021170112>

Andreeva, A.D. Prikhozhan, A.M. (2006). Methods of diagnostics of teaching motivation and emotional attitude to learning in middle and high school. *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological diagnostics)*, 1, 33–38. (In Russ.).

Bondarenko, I.N., Ishmuratova, Yu.A., Tsyganov, I.Yu. (2020). Problems of the relationship between school engagement and academic achievements in modern adolescents. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya (Modern foreign psychology)*, 9 (4), 77–88. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090407>

Bondarenko, I.N., Morosanova, V.I., Tsyganov, I.Yu. (2017). Regulatory and personal predictors of cognitive activity of students. Personality, intelligence, metacognitions: research approaches and educational practices. Materials of the II-th International Scientific and Practical Conference. 20–22 april, 2017, Kaluga, Russia (pp. 51–59). Kaluga: AKF “Politop” (In Russ.).

Bondarenko, I.N., Tsyganov, I.Yu., Morosanova, V.I. (2018). Factor structure of the questionnaire “Attitude towards learning in middle and high school”. Personality, intelligence, metacognitions: research approaches and educational practices. Materials of the III-th International Scientific and Practical Conference on April 19–21, 2018. Kaluga, Russia (pp. 3–9). Kaluga: IP Yakunin A.V. (In Russ.).

Guseva, T.A. (2009). Research of cognitive activity styles of psychology students. *Psikhologiya obucheniya (Psychology of learning)*, 3, 20–25. (In Russ.).

Guseva, T.A. (2008). Psychology of cognitive activity: the problem of dialectics and optimization at the present stage. *Filosofiya obrazovaniya (Philosophy of education)*, 3 (24), 168–173. (In Russ.).

Guseva, T.A. (2013). The style of cognitive activity in the professional profile and gender-age study of students. *Psikhologiya obucheniya (Psychology of learning)*, 5, 60–68. (In Russ.).

Kondratyuk, N.G., Zhemerikina, Yu.I., Burmistrova-Savenkova, A.V. (2020). On the issue of special regulatory resources of students studying technological specialties. Personality, intelligence, metacognitions: research approaches and educational practices. Materials of the II-th International Scientific and Practical Conference. 1–3 October 2020, Kaluga, Russia (pp. 110–117). Kaluga: K.E. Tsiolkovsky KSU (In Russ.).

Kostrikina, I.S. (2013). Functional integration of cognitive and personal structures as a prerequisite for effective professionalization of high school students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological science and education)*, 5(4). (Retrieved from https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65835.shtml) (date of application: 18.03.2022). (In Russ.).

Morosanova, V.I. (2021). Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 3–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>

Morosanova, V.I. (2022). Psychology of Conscious Self-regulation: from the Origins to Modern research. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 3, 58–82 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N. (2017). Diagnostics of conscious self-regulation of educational activity: a new version of the SPLAQ-M questionnaire. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 10 (2), 27–37. (In Russ.).

Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N., Fomina, T.G. (2020). Age differences of conscious self-regulation of educational activity in connection with academic motivation, personal characteristics of students and the results of their training. Psychology of self-regulation: evolution of approaches and challenges of time. In Yu.P. Zinchenko, V.I. Morosanova (Eds.), (pp. 87–105). M.; St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.).

Fomina, T.G., Morosanova, V.I. (2020). Adaptation and validation of the scales of the questionnaire “Multidimensional scale of school engagement”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 3, 194–213. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.09>. (In Russ.).

Fomina, T.G., Potanina, A.M., Morosanova, V.I. (2020). Interrelation of school involvement and self-regulation of educational activity: state of the problem and prospects of research in Russia and abroad. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika (RUDN Journal of Psychology and Pedagogics)*, 17 (3), 390–411. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-390-411>

Tsyganov, I.Yu., Bondarenko, I.N. (2022). School engagement of students with different attitudes to learning in secondary school. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya*

Psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology), 1, 79–100 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-1-79-100>

Статья получена: 17.10.2022;
принята: 20.11.2022;
отредактирована: 30.11.2022.

Received: 17.10.2022;
accepted: 20.11.2022;
revised: 30.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Ирина Николаевна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции ФГБНУ «Психологического института Российской академии образования ФГБУ «Росскийская академия образования», pondi@inbox.ru, <https://orcid.org/000-0001-5539-1027>

Цыганов Игорь Юрьевич — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции ФГБНУ «Психологического института Российской академии образования ФГБУ «Росскийская академия образования», i4321@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

Моросанова Варвара Ильинична — чл.-корр. РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии саморегуляции ФГБНУ «Психологического института Российской академии образования ФГБУ «Росскийская академия образования», morosanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>

ABOUT AUTHORES

Irina N. Bondarenko — PhD in Psychology, Leading Researcher, Department of Psychology of Self-regulation, FSBSI “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, FBSI “Russian Academy of Education”, pondi@inbox.ru, <https://orcid.org/000-0001-5539-1027>

Igor Yu. Tsyganov — PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of Psychology of Self-regulation, FSBSI “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, FBSI “Russian Academy of Education”, i4321@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

Varvara I. Morosanova — Corresponding Member of RAE, Dr. Sci. of Psychology, professor, Head of the Department of Psychology of Self-regulation, FSBSI “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, FBSI “Russian Academy of Education”, morosanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>

УДК: 159.97
doi: 10.11621/vsp.2022.04.10

Научная статья

САМООЦЕНКА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ КОРРЕКЦИИ ПОЛА У ТРАНССЕКСУАЛОВ

С.К. Кумченко*¹, А.Ш. Тхостов², Е.И. Рассказова³

^{1, 2, 3} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ kumchenko.s.k@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6354-7615>

² tkhostov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9676-4096>

³ e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

* Автор, ответственный за переписку: kumchenko.s.k@gmail.com

Актуальность. Связана с высокой значимостью точной оценки адаптационного потенциала транссексуала, направляемого на коррекцию пола. На сегодняшний день психологические конструкты, позволяющие спрогнозировать этот потенциал, выглядят неубедительно вследствие их размытости, а также неоднозначных способов оценки. В качестве релевантного конструкта предлагается способность к адекватной самооценке.

Цель. Целью работы выступает исследование самооценки транссексуалов на разных этапах коррекции пола в сопоставлении с лицами-нетранссексуалами.

Методы. Анонимная анкета включает тест М. Куна — П. Макпартленда «Кто Я» в модификации А. Тхостова, Е. Рассказовой, В. Емелина (2014); «Методику противоречивости когнитивных убеждений» (Рассказова, Тхостов, Абрамова, 2015); «Шкалу удовлетворенности жизнью» (Diener, Emmons, Larsen, Grin, 1985; в адаптации Е. Осина, Д. Леонтьева, 2008). Применяется одномерный дисперсионный анализ в программе SPSS 23.

Выборка. Контрольная группа: 120 цисгендеров. Основная группа: 151 транссексуал, МТФ (Male-to-Female (англ.)) — переходящие из мужчину в женщину — из пола маскулинного в феминный; ФТМ (Female-to-Male (англ.)) — переходящие из женщины в мужчину — из пола феминного в маскулинный.

Результаты. К заключительному этапу коррекции пола у лиц, переходящих из мужчины в женщину (МТФ), уровень благополучия равняется уровню цисгендеров, а у лиц, переходящих из женщины в мужчину (ФТМ), — ниже ($F = 8,384$; $P < 0,01$). ФТМ на всех этапах коррекции пола дают более высокие оценки социального признания своих идентификаций, чем МТФ ($F = 8,996$; $P < 0,01$). В ходе коррекции пола ФТМ оценивают свою

маскулинность с точки зрения друзей выше, чем МТФ ($F = 3,413$; $P < 0,05$). МТФ-транссексуалы на всех этапах коррекции пола оценивают свои самоидентификации ниже, чем ФТМ ($F = 3,532$; $P < 0,05$).

Выводы. В случае ФТМ обнаруживается завышение самооценки: по маскулинности, социальному признанию, что ассоциируется с психологической компенсацией более низкого уровня благополучия, чем у МТФ, которые точнее оценивают реальность на всех этапах коррекции пола и не прибегают к компенсаторным механизмам.

Ключевые слова: транссексуальность, трансгендеры, гендерная идентичность, коррекция пола, самооценка, психодиагностика.

Информация о финансировании. Работа выполнена при поддержке научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

Для цитирования: Кумченко С.К., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Самооценка на разных этапах коррекции пола у транссексуалов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 224–246. doi:10.11621/vsp.2022.04.10

doi: 10.11621/vsp.2022.04.10

Scientific Article

TRANSSEXUAL SELF-ESTEEM IN DIFFERENT STAGES OF TRANSGENDER TRANSITION

Sergey K. Kumchenko^{*1}, Alexander Sh. Tkhostov²,
Elena I. Rasskazova³

^{1, 2, 3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ kumchenko.s.k@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6354-7615>

² tkhostov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9676-4096>

³ e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

*Corresponding author: kumchenko.s.k@gmail.com

Background of the work is associated with the high significance of an accurate assessment of the adaptive potential of a transsexual sent for transgender transition. To date, psychological constructs that make it possible to predict this potential look unconvincing due to the blurriness of these constructs, as well as ways to evaluate them. The ability for adequate self-assessment is proposed as a relevant construct.

Objective is to state the self-esteem of transsexuals at different stages of transgender transition in comparison with non-transsexuals.

Methods. The anonymous questionnaire includes the M. Kuhn — T. McPartland test «Who am I» modified by A. Thostov, E. Rasskazova, V. Emelin (2014); «Cognitive Beliefs Inconsistency Study Method» (Rasskazova, Thostov, Abramova,

2015); «Satisfaction with Life Scale» (Diener, Emmons, Larsen, Grin, 1985; adapted by E. Osin, D. Leontiev, 2008). ANOVA is used in the SPSS 23 program.

Sample. Control group: 120 cisgender people. Main group: 151 transsexuals: Male-to-Female (MtF), Female-to-Male (FtM).

Results. Well-being level of MtF in final stage of transgender transition is equal to that of cisgender people, and FtM's level is lower ($F = 8.384$; $P < 0.01$). FtM in all stages of transgender transition give higher marks of social recognition of their self-identifications than MtF ($F = 8.996$; $P < 0.01$). FtM rate their masculinity from the point of friends' view higher than MtF ($F = 3.413$; $P < 0.05$). MtF transsexuals in all stages of transgender transition rate their self-identifications lower than FtM ($F = 3.532$; $P < 0.05$).

Conclusion. FtM have an overestimation of self-esteem in terms of masculinity, social recognition. It is associated with psychological compensation of a lower level of well-being than MtF. MtF more accurately rate reality in all stages of transgender transition and do not resort to compensatory mechanisms.

Keywords: transsexuality, transgenders, gender identity, gender correction, self-esteem, psychodiagnostics.

Funding. The study has been supported by the Lomonosov Moscow State University Scientific School "Brain, cognitive systems and artificial intelligence".

For citation: Kumchenko, S.K., Tkhostov, A.Sh., Rasskazova, E.I. (2022). Transsexual self-esteem in different stages of transgender transition. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 224–246. doi:10.11621/vsp.2022.04.10

Введение

На сегодняшний день транссексуалами принято называть лиц, стремящихся изменить или изменивших свои первичные и/или вторичные половые признаки посредством феминизирующих или маскулинизирующих медицинских вмешательств (гормонов и/или операций), обычно сопровождающихся долговременным изменением гендерной роли (Standards of Care, 2011). Отмечается, что данный термин используется преимущественно работниками медицинских учреждений в области коррекции пола в отличие от более общего зонтичного понятия «трансгендер», которое necessarily соотносится с коррекцией пола (Карагаполова, 2017). Между тем сегодня трудности транссексуалов не ограничиваются медицинскими вопросами и включают в себя юридические, социальные, психологические и клиничко-психологические проблемы, что запустило широкую дискуссию о терминах, отражающих акту-

альность обращения к теме (Burnes et al., 2016; Карагаполова, 2017; Дьяченко, Бухановская, Солдаткин, Перехов, 2020; Менделевич, 2020). В нашей работе термином «транссексуалы» в исследуемой выборке подчеркивается факт их обращения в различные клинические учреждения по вопросам коррекции пола.

Гипотеза

Гипотезой данного исследование было предположение о критической роли самооценки в оценке адаптационных ресурсов трансгендеров в процессе изменения пола. Самооценка — значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения (Большой психологический словарь, 2009). Адекватная, устойчивая и гибкая самооценка связана с критичностью, механизмами обратной связи и актуализирует вопрос о соотношении реального и желаемого. У транссексуалов отмечается рассогласование между реальным и желаемым, наблюдается дефицит обратной связи вследствие гетто-закрытости транссексуального сообщества, что ведет к социальной дезадаптации вплоть до суицидальной готовности (Кибрик, Ягубов, 2018). Отягощает проблему получения транссексуалами устойчивой обратной связи факт общественной трансфобии (Kumchenko, Rasskazova, Tkhostov, Emelin, 2020).

В целом современные зарубежные исследования сообщают о сниженной самооценке у транссексуалов (Austin, Goodman, 2017; Akhtar, Bilour, 2020). Объяснительной моделью здесь выступает теория стресса социальных меньшинств (Meyer, Northridge, 2007), согласно которой трансгендеры переживают больше социального угнетения по сравнению с общей популяцией, и поэтому они в большей мере страдают от психологических проблем, а также от психических расстройств (Scandurra et al., 2018).

По нашему мнению, имеющиеся исследования самооценки у транссексуалов имеют ряд недостатков. Во-первых, в теории стресса меньшинств наблюдается социальный редукционизм, который упрощает проблему до вопроса социального несовершенства. Будучи неспособными совладать с социальным угнетением, меньшинства заболевают. Такое восприятие меньшинствами самих себя, как пассивно претерпевающих социальную несправедливость, может быть связано с заниженной самооценкой. Между тем исследования упоминают о психологической резильентности, устойчивости перед жизненными трудностями, которая помогает трансгендерам преодо-

левать как социальное угнетение, так и интернализацию трансфобии (Scandurra et al., 2018). Упоминают такие копинг-стратегии, как поддержание социальных связей, интимное партнерство, образование (Austin, Goodman, 2017; Akhtar, Bilour, 2020; Chaovanalikit, Wirairat, Sriswadpong, 2022). Иначе говоря, значимый фактор собственной активности в стабилизации самооценки у трансгендеров в основном не учитывается в теории стресса меньшинств.

Во-вторых, особой проблемой для транссексуалов выступает «патологизирующая» обратная связь со стороны медицинских работников, в частности в виде старого термина «транссексуализм», подчеркивающего болезненность явления (Новикова, Дворянчиков, 2016, Дворянчиков, Макавьева, Новикова, 2018). Хотя вопрос о нозологическом статусе трансгендерности решен международным соглашением об исключении из «Международной классификации болезней. 11-й пересмотр» («Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем» — МКБ-11), ряд специалистов продолжает настаивать на патологии феномена. Звучит аргумент о возникших проблемах медицинской поддержки транссексуалов (Кибрик, Ягубов, 2017). Молодые медицинские специалисты демонстрируют, с одной стороны, интерес к теме трансгендерности, а с другой — неустрашимое секс-просветом негативное отношение к трансгендерам (Acker, 2017). Такое отношение специалистов к трансгендерам может создавать условия как для гипердиагностики психологических проблем у трансгендеров со стороны исследователей, так и для интернализации «патологизирующего» отношения к себе самими трансгендерами. Между тем практикой аргументируется гипотеза о том, что непатологизирующий диалог выступает основой плодотворного сотрудничества с транссексуалами в сторону социальной адаптации (Kumchenko, Rasskazova, Tkhostov, Emelin, 2020). Предполагаем, что социальная группа, с которой возможен непатологизирующий диалог для трансгендерной персоны, может выступить источником обратной связи для самооценки.

В-третьих, исследование самооценки у трансгендеров реализуется опросниками, которые могут быть не связаны с самооценкой. Например, популярная методика «Маскулинность и фемининность» (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2020, с. 247), с одной стороны, измеряет самооценку: рассогласование между «Я-реальным» и «Я-идеальным» в пространстве «маскулинности — феминности». С другой стороны, такое измерение происходит на основе неодно-

значных гендерных стереотипов. По нашему мнению, сегодня мы имеем дело со специфической ситуацией феномена транссексуальности, требующей переосмысления в контексте разработки новых методов исследования, приспособленных под новые условия.

В-четвертых, часто игнорируется стадия коррекции пола. Необратимый характер медицинских интервенций для транссексуалов может выступить той экстремальной ситуацией, в контексте которой полностью преобразуется как иерархия мотивов, так и структура самооценки, что уже было показано на модели онкологических заболеваний (Тхостов, 2020).

Можно выделить три стадии коррекции пола у транссексуалов: до гормональной терапии и хирургических операций (до ГТ и ХО), во время гормональной терапии и без хирургических операций (на ГТ, без ХО), а также во время гормональной терапии с проделанными хирургическими операциями (на ГТ, с ХО). Эти различные стадии представляют собой разные ситуации развития, в которых разнятся ведущая мотивация и отношение с социумом (Kumchenko, Rasskazova, Tkhostov, Emelin., 2020). Показано, что на разных этапах коррекции пола удовлетворенность своим телом разная, и желаемые медицинские интервенции у трансгендеров положительно влияют на самооценку (Owen-Smith et al., 2018; Chaovanalikit, Wirairat, Sriswadpong, 2022).

Таким образом, очерчены границы эмпирического исследования самооценки у транссексуалов. Должны быть подобраны современные методики измерения самооценки, результаты которых могут быть доступны математической обработке. Исследованию подлежат представления транссексуалов о самих себе, об обратной связи со стороны референтной и нереферентной групп, удовлетворенность собой, своим окружением и жизнью, а также варианты собственной активности в ходе совладания со стрессом меньшинств с целью стабилизации самооценки. Предполагается, что на разных этапах коррекции пола эти параметры самооценки у транссексуалов будут разниться.

Цель

Целью работы выступает исследование самооценки транссексуалов на разных этапах коррекции пола в сопоставлении с лицами-нетранссексуалами.

Методы

Применяется лонгитюдный срез: сравниваются усредненные результаты у отдельных групп, связанных между собой последовательностью стадий коррекции пола. Для полной картины предлагается сравнение с контрольной группой. Число респондентов указано в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Исследуемые контрольной группы, цисгендеры

Подгруппа	Число участников	Возраст	Средний возраст
Цис-женщины	80	18–56	26
Цис-мужчины	40	14–55	26
Всего	120	14–56	26

Table 1

Subjects of the control group, cisgender

Subgroup	Number of participants	Age	Middle age
Cis-women	80	18–56	26
Cis-men	40	14–55	26
Total	120	14–56	26

Таблица 2

Исследуемые основной группы, транссексуалы

Подгруппа	Число участников	Возраст	Средний возраст
МТФ без ГТ и ХО	12	16–46	24
МТФ на ГТ, без ХО	16	17–41	25
МТФ на ГТ, с ХО	18	22–52	35
Всего МТФ	46	16–52	28
ФТМ без ГТ и ХО	55	14–41	19
ФТМ на ГТ, без ХО	25	17–35	22
ФТМ на ГТ, с ХО	25	19–40	28
Всего ФТМ	105	14–40	22
Всего	151	14–52	24

Примечание: МТФ — переходящие из мужчины в женщину (Male-to-Female (англ.)) — из пола маскулинного в феминный; ФТМ — из женщины в мужчину (Female-to-Male (англ.)) — из пола феминного в маскулинный.

Table 2

Subjects of the main group, transgender

Subgroup	Number of participants	Age	Middle age
MtF without hormone therapy (HT) and sex reassignment surgery (SRS)	12	16–46	24
MtF on HT, without SRS	16	17–41	25
MtF on HT, with SRS	18	22–52	35
Total	46	16–52	28
FtM without hormone therapy (HT) and sex reassignment surgery (SRS)	55	14–41	19
FtM on HT, without SRS	25	17–35	22
FtM on HT, with SRS	25	19–40	28
Total	105	14–40	22
Total	151	14–52	24

Note: Male-to-Female (MtF), Female-to-Male (FtM).

Набор основной группы проводился в 2016–2017 годах на базе московского некоммерческого центра поддержки «Трансгендер». Набор контрольной группы осуществлялся в 2017–2018 годах в основном посредством социальных сетей («Вконтакте», «Facebook»)¹. В контексте указанных выше эмпирических задач описание клинической картины основной выборки представлено в работе достаточно ограничено, поскольку выходит за рамки исследования.

В анонимную анкету были включены следующие методики:

1. Тест М. Куна — П. Макпартленда «Кто Я» (Тхостов, Рассказова, Емелин, 2014);
2. «Методика противоречивости когнитивных убеждений» (МПКУ) (Рассказова, Тхостов, Абрамова, 2015);
3. «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУДЖ) (Осин, Леонтьев, 2008).

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программы IBM SPSS Statistics 23 и включала в себя применение одномерного дисперсионного анализа.

¹ Все участники исследования информировались о его целях и давали информированное согласие.

Тест М. Куна — П. Макпартленда предназначен для исследования содержательных характеристик идентичности, особенностей самооценки. Используемая модификация требует 10 ответов на вопрос «Кто Я». Предложена шкала Лайкерта для количественной оценки своих ответов-самоидентификаций по разным основаниям: привлекательность («Насколько Вам нравится каждый ответ?»), значимость («Насколько часто Вы думаете, вспоминаете или что-то напоминает Вам каждый ответ?»), психологическая центральность («Насколько ответ важен для Вас?»), социальное признание («Как Вам кажется, согласятся ли люди, которые Вас хорошо знают, с Вашим ответом?»). Выбор оснований связан с современными представлениями об идентичности и учитывает ее междисциплинарный характер (Тхостов, Рассказова, Емелин, 2014). Таким образом, модификация позволяет содержательно исследовать самооценку респондента.

«Методика противоречивости когнитивных убеждений» (МПКУ) заключается в шкальной оценке себя по ряду прилагательных как с точки зрения себя, так и с предполагаемой точки зрения «Других» (Рассказова, Тхостов, Абрамова, 2015), что является развитием в сторону стандартизации классической патопсихологической методики самооценки Дембо — Рубинштейн.

«Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУДЖ) представляет собой скрининговую методику оценки общей удовлетворенности жизнью (Осин, Леонтьев, 2008).

Результаты

При сравнении групп цисгендеров и транссексуалов в качестве факторов влияния были выбраны аскриптивный пол и принадлежность группе. При сравнении основных подгрупп (среди транссексуалов) в качестве факторов влияния были выбраны аскриптивный пол и стадия коррекции пола. Упомянуты только значимые различия.

Цисгендерам собственные самоидентификации нравятся больше, чем транссексуалам (табл. 3). По мере прохождения коррекции пола транссексуалам все больше нравятся их самоидентификации (табл. 4). МТФ-транссексуалы дают самую низкую оценку социального признания своих самоидентификаций; ФТМ-транссексуалы — самую высокую. В контрольной группе цис-мужчины дают более высокую оценку социального признания самоидентификаций, чем цис-женщины (табл. 3).

ФТМ-транссексуалы, в среднем, дают более высокие оценки социального признания самоидентификаций, чем МТФ-транссексуалы,

притом это наблюдается на всех стадиях коррекции пола (табл. 4). Цисгендеры приписывают себе более низкие негативные оценки со стороны незнакомых людей, чем транссексуалы (табл. 3). В подгруппах транссексуалов не было обнаружено значимых связей между приписыванием себе негативных оценок со стороны незнакомых людей и какими-либо факторами. В ходе коррекции пола МТФ приписывают все более низкие оценки своей маскулинности с точки зрения друзей, а ФТМ — все более высокие (табл. 4).

Цисгендеры значительно более удовлетворены своей жизнью, чем транссексуалы (табл. 3). Транссексуалы до коррекции пола показывают низкий уровень удовлетворенности жизнью, притом у ФТМ он еще меньше. На этапе гормональной терапии транссексуалы диаметрально по-разному удовлетворены жизнью: МТФ здесь демонстрируют минимальный уровень удовлетворенности жизнью среди всех исследуемых. На этапе гормональной терапии и хирургических операций МТФ показывают уровень удовлетворенности жизнью такой же, как у цисгендеров; на этом этапе ФТМ показывают высокий уровень удовлетворенности жизнью, но ниже, чем у цисгендеров (табл. 4).

Результаты

До коррекции пола ФТМ-транссексуалы в отличие от МТФ демонстрируют значительно более высокую симпатию к своим идентификациям, считают себя более социально признанными, но менее удовлетворены жизнью. Аналогичные результаты показывает сравнение ФТМ и МТФ на заключительных этапах коррекции пола с той лишь разницей, что оценка социального признания у ФТМ становится неадекватно завышенной, как и собственная оценка их маскулинности с точки зрения друзей.

Особенностью заключительного этапа коррекции пола для ФТМ-транссексуалов является проблема фаллопластики (Paradopoulos et al., 2021). Отмечают, что субъективное благополучие европейских ФТМ зависит от работоспособности искусственного полового члена, формирование которого считается дорогостоящей и весьма сложной хирургической операцией (Motmans, Meier, Ponnet, 2012; Nobili, Glazebrook, Arcelus, 2018). Отсутствие в России и странах СНГ компетентных врачей, а также низкий экономический статус российских ФТМ препятствуют желаемой операции. Можно предполагать, что сниженный уровень субъективного благополучия у ФТМ как до

Таблица 3

Различия по шкалам между цисгендерами и транссексуалами в результате одномерного дисперсионного анализа

Шкала	Цисгендеры				Транссексуалы				F-критерий
	Цис-мужчины		Цис-женщины		МТФ		ФТМ		
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	
Кто Я: привлека-тельность самоидентификаций	8,313	1,666	7,652	2,137	7,128	2,375	7,502	1,875	4,758**
Кто Я: социаль-ное при-знание	7,957	1,508	7,756	1,898	7,442	1,839	8,237	1,266	4,132**
МПКУ: негатив-ные оценки с точки зренияя знакомых	2,359	0,691	2,100	0,595	2,549	0,634	2,703	0,685	5,843**
МПКУ: Я маскулинный с точки зренияя друзей	3,68	0,797	2,84	1,257	2,39	1,220	3,8	1,061	58,324*
ШУДЖ	21,275	5,059	21,825	5,824	16,522	7,111	16,124	5,717	45,377*

Примечание. * — $P < 0,01$; ** — $P < 0,05$. МТФ — переходящие из мужчины в женщину; ФТМ — из женщины в мужчину. Представлены данные по: тест М. Куна — П. Макпарленда «Кто Я» в модификации (Тхостов, Рассказова, Емелин, 2014); «Методика противоречивости когнитивных убеждений» (МПКУ) (Рассказова, Тхостов, Абрамова, 2015); «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУДЖ) (Diener, Emmons, Larsen, Grin, 1985).

Table 3

Differences in scales between cisgender and transsexuals in ANOVA. Average value, standard deviations, and significance

Scale	Cisgender				Transgender				F
	Cismen		Ciswomen		MTF		FtM		
	Aver. value	St. dev.							
Who Am I: attractiveness of self-identifications	8.313	1.666	7.652	2.137	7.128	2.375	7.502	1.875	4.758**
Who Am I: social recognition	7.957	1.508	7.756	1.898	7.442	1.839	8.237	1.266	4.132**
CBISM: negative rates from the point of strangers' view	2.359	0.691	2.100	0.595	2.549	0.634	2.703	0.685	5.843**
CBISM: my masculinity from the point of friends' view	3.68	0.797	2.84	1.257	2.39	1.220	3.8	1.061	58.324*
SWLS	21.275	5.059	21.825	5.824	16.522	7.111	16.124	5.717	45.377*

Note: * — $P < 0.01$; ** — $P < 0.05$. Male-to-Female (MTF), Female-to-Male (FTM). M. Kuhn — T. McPartland test «Who am I» modified (Thostov, Rasskazova, Emelin, 2014), CBISM — Cognitive Beliefs Inconsistency Study Method (Rasskazova, Tkhostov, Abramova, 2015); SWLS — Satisfaction with Life Scale (Diener, Emmons, Larsen, Grin, 1985).

Таблица 4

Различия по шкалам между подгруппами транссексуалов в результате одномерного дисперсионного анализа

Шкала	Без ГТ и ХО				На ГТ, без ХО				На ГТ, с ХО				F-критерий
	МТФ		ФТМ		МТФ		ФТМ		МТФ		ФТМ		
	Ср. знач.	Ст. отк.	Ср. знач.	Ст. отк.	Ср. знач.	Ст. отк.	Ср. знач.	Ст. отк.	Ср. знач.	Ст. отк.	Ср. знач.	Ст. отк.	
Кто Я: привлекательность самоидентификаций	6,425	3,30	7,17	2,11	6,548	1,93	7,463	1,82	7,970	2,1	8,018	1,329	3,532**
Кто Я: социальное признание	7,412	2,83	7,96	1,32	7,037	1,64	8,094	1,07	7,811	1,45	8,848	1,16	8,996*
МПКУ: Я маскулинный в глазах друзей	2,92	1,44	3,63	1,12	2,0	0,89	3,79	0,98	2,39	1,24	4,25	0,897	3,413**
ШУДУЖ	16,17	6,51	14,0	5,07	11,25	3,11	17,680	6,46	21,44	6,78	19,04	4,712	8,384*

Примечание: * — $P < 0,01$; ** — $P < 0,05$. МТФ — переходящие из мужчины в женщину; ФТМ — из женщины в мужчину. Средние значения дополнены стандартными отклонениями, указанными в скобках. Перечислены подгруппы: транссексуалы без гормональной и хирургической операции (без ГТ и ХО); транссексуалы на гормональной терапии и без хирургических операций (на ГТ, без ХО); транссексуалы на гормональной терапии и с хирургическими операциями (на ГТ, с ХО).

Table 4

Differences in scales between transgender subgroups in ANOVA. Average value, standard deviations, and significance

Scale	without HT and SRS				on HT, without SRS				on HT, with SRS				F
	MtF		FtM		MtF		FtM		MtF		FtM		
	Aver. value	St. dev.	Aver. value	St. dev.	Aver. value	St. dev.	Aver. value	St. dev.	Aver. value	St. dev.	Aver. value	St. dev.	
Who Am I: attractiveness of self-identifications	6.425	3.30	7.17	2.11	6.548	1.93	7.463	1.82	7.970	2.1	8.018	1.329	3.532**
Who Am I: social recognition	7.412	2.83	7.96	1.32	7.037	1.64	8.094	1.07	7.811	1.45	8.848	1.16	8.996*
CBISM: my masculinity from the point of friends' view	2.92	1.44	3.63	1.12	2.0	0.89	3.79	0.98	2.39	1.24	4.25	0.897	3.413**
SWLS	16.17	6.51	14.0	5.07	11.25	3.11	17.680	6.46	21.44	6.78	19.04	4.712	8.384*

Note: * — $P < 0.01$; ** — $P < 0.05$. Male-to-Female (MTF), Female-to-Male (FTM). There are transgender subgroups: transsexuals without hormone therapy (HT) and sex reassignment surgery (SRS), transsexuals on hormone therapy and without sex reassignment surgery, transsexuals on hormone therapy and with sex reassignment surgery.

коррекции пола, так и на заключительных ее стадиях связан с недоступностью желаемых пластических интервенций.

Дефицит физической маскулинности компенсируется завышением оценки своей психологической маскулинности. Показано, что для ФТМ восприятие собственной маскулинности значимо влияет на самооценку (Goodfriend et al., 2022). Компенсаторный характер завышения самооценки по ряду «духовных» аспектов образа «Я» подметила еще Е.Т. Соколова (Соколова, 2019), когда обнаружила устойчивое избегание у ФТМ-транссексуалов телесных аспектов образа «Я». С одной стороны, транссексуалы вне зависимости от аскриптивного пола приписывают себе высокие негативные оценки со стороны незнакомых людей; с другой стороны, ФТМ-транссексуалы приписывают себе высокое признание со стороны людей, которые их хорошо знают. По всей видимости, источником социального признания ФТМ-транссексуалы понимают тот же круг лиц, который оказывается допущенным к оценке собственной маскулинности — друзей. Оценка себя в глазах друзей становится значимой для ФТМ, видимо, потому, что друзей с желаемым мнением проще фильтровать и контролировать, чем незнакомых людей. С другой стороны, такое обращение к дружественному окружению может говорить о копинг-стратегии в условиях стресса меньшинств (Austin, Goodman, 2017).

К концу коррекции пола ФТМ завышают оценку своей маскулинности с точки зрения друзей по сравнению с цис-мужчинами. Такого завышения не наблюдается на стадии приема половых гормонов. Вероятно, это связано с неактуальностью проблемы хирургического вмешательства на фоне недавнего обретения желаемых особенностей внешности (оволошения, изменений голоса, лица), связанных с приемом половых гормонов (Nguyen et al., 2018). Показано, что гормональная терапия гораздо сильнее и быстрее влияет на телесные изменения у ФТМ, чем у МТФ (Wiik et al., 2020). Быстрые телесные преобразования могут являться лучшим отражением результатов своих усилий в желаемую сторону для ФТМ, что может быть связано с наблюдаемым повышением самооценки.

В случае МТФ-транссексуалов нет завышения социального признания — напротив, МТФ имеют самую низкую оценку социального признания собственных идентификаций. Отсутствуют манипуляции в оценке желаемых характеристик (маскулинности или фемининности) через других людей. МТФ-транссексуалы не демонстрируют высокую или завышенную оценку привлекательности своих идентификаций, при этом имеют субъективное качество жизни выше,

чем ФТМ, а на заключительных этапах коррекции пола имеют тот же уровень благополучия, что и цисгендеры. Показано, что гормональная терапия медленнее вызывает желаемые телесные изменения у МТФ (Wiik et al., 2020; Harper et al., 2021). Вероятно, резкое снижение субъективного качества жизни и его минимальный уровень у МТФ на стадии приема гормональной терапии связаны с незначительными телесными изменениями. Принимается решение в пользу компенсации телесных недостатков аксессуарным набором, что ведет к порицаемой в России андрогинной внешности (Kumchenko, Rasskazova, Tkhostov, Emelin, 2020). Было обнаружено, что неудовлетворенность своим телом у МТФ коррелирует с переживанием социального угнетения (Klemmer, Arayasirikul, Raymond, 2021). Такая корреляция может означать общественное порицание попыток МТФ-транссексуалов компенсировать аксессуарным набором мнимые недостатки внешности. Негативная общественная реакция может влечь дистанцирование со стороны МТФ, и тогда психологические проблемы у трансгендеров могут быть связаны не с пассивным претерпеванием социального угнетения, а с решением дистанцироваться от общества, отказом от альтернативных копингов. Таким образом, снижение уровня благополучия у МТФ на гормональном этапе коррекции пола может быть связано с отсутствием желаемой внешности и переживания контроля над своей жизнью вопреки осуществляемому приему гормональных препаратов, чего не происходит у ФТМ-транссексуалов на данной стадии коррекции пола. Вероятно, речь идет об адекватной оценке своего уязвимого положения в случае МТФ, и это же адекватное восприятие характеризует этих людей до коррекции пола, а также на заключительных этапах, где они обретают высокий уровень субъективного благополучия.

Выводы

Таким образом, как глобальная самооценка, так и ее частные компоненты могут выступать для ФТМ-транссексуалов способом компенсировать дефицит удовлетворенности жизнью, связанный с недоступностью пластических операций. Критерием желаемой маскулинности становятся сверхзначимые оценки близкого окружения. В случае МТФ-транссексуалов не наблюдается такой компенсации. Предпринятое исследование позволяет рассуждать о необходимости учета транссексуалами имеющихся возможностей пластической медицины в реализации желаемого будущего; без такого учета современного состояния науки остается прибегать к компенсаторным

механизмам, притом, как в конце коррекции пола, так и в ее начале, что может быть выявлено в исследовании самооценки у транссексуалов еще до коррекции пола.

Важными диагностическими параметрами в исследовании самооценки могут выступать собственная оценка себя; предполагаемая оценка себя и своих характеристик с точки зрения близкого окружения; предполагаемая оценка себя и своих характеристик с точки зрения незнакомых людей; уровень субъективного благополучия.

Литература

Большой психологический словарь. 4-е изд., расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ Москва; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.

Дворянчиков Н.В., Макавьева В.Н., Новикова З.Д. Специфика полового самосознания у лиц с расстройством половой идентичности при расстройстве личности и транссексуализме // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7, № 1. С. 147–162 [Электронный ресурс] // URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2018/n1/Dvoryanchikov_et_al.shtml (дата обращения: 25.07.2022).

Дьяченко А.В., Бухановская О.А., Солдаткин В.А., Перехов А.Я. Кто обращается к психиатру с запросом на изменение пола // Психиатрия. 2020. Т. 18 (3). С. 32–41.

Карагаполова И.В. Трансгендерность в современной психологии сексуальности // Очерки современной психологии сексуальности: сб. науч. ст. / под ред. Е. Кащенко. М.: Ridero, 2017. С. 24–29.

Кибрик Н.Д., Ягубов М.И. Клинические особенности расстройств половой идентификации и тактика ведения пациентов // Андрология и генитальная хирургия. 2018. № 19 (3). С. 35–41.

Менделевич В.Д. Небинарная гендерная идентичность и трансгендерность вне психиатрического дискурса // Неврологический вестник. 2020. № 2. С. 5–11.

Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В. Исследование образа «Я» у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний // Психология и право. 2016. Т. 6, № 4. С. 142–154 [Электронный ресурс] // URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n4/84524.shtml> (дата обращения: 25.07.2022).

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Ин-т социологии РАН, Рос. общество социологов, 2008.

Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Абрамова Ю.А. Несогласованность оценок себя, мира и людей как психологический конструкт: разработка и апробация методики противоречивости когнитивных убеждений // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (39). С. 4.

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2019.

Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: БИНОМ, 2020.

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И., Емелин В.А. Психодиагностика субъективного восприятия своих идентификаций: применение модифицированной методики «Кто Я?» // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 58–69.

Тхостов А.Ш. Культурно-историческая патопсихология. М.: Канон+, 2020.

Acker, G. (2017). Transphobia Among Students Majoring in the Helping Professions. *Journal of Homosexuality*, 64 (14), 2011–2029.

Akhtar M., Bilour N. (2020). State of Mental Health Among Transgender Individuals in Pakistan: Psychological Resilience and Self-esteem. *Community Mental Health Journal*, 56 (4), 626–634.

Austin, A., Goodman, R. (2017). The Impact of Social Connectedness and Internalized Transphobic Stigma on Self-Esteem Among Transgender and Gender Non-Conforming Adults. *Journal of Homosexuality*, 64 (6), 825–841.

Burnes, T., Richmond, K., Dexter, M., Singh, A., Cherrington, A. (2016). The Experiences of Transgender Survivors of Trauma Who Undergo Social and Medical Transition. *Traumatology*, 22 (1), 75–84.

Chaovanalikit, T., Wirairat, K., Sriswadpong, P. (2022). Quality of Life, Self-Esteem, and Depression Among Thai Transgender Women Before and After Male-to-Female Gender Confirmation Surgery: A Prospective Cohort Observational Study. *Sexual Medicine*, 10 (4), 100533.

Colizzi, M., Costa, R., Todarello, O. (2014). Transsexual patients' psychiatric comorbidity and positive effect of cross-sex hormonal treatment on mental health: results from a longitudinal study. *Psychoneuroendocrinology*, 39, 65–73.

Diener, E., Emmons, R., Larsen, R., Grin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of personality Assessment*, 1, 71–75.

Goodfriend, W., Garcia, A., Hoover, A., Habashi, M., Hack, T., Raymond, A. (2022). Identity Development and Self-Esteem in Transgender Men: The Importance of Masculinity. *Journal of Homosexuality*, 22, 1–21.

Harper, J., O'Donnell, E., Sorouri Khorashad, B., McDermott, H., Witcomb, G. (2021). How does hormone transition in transgender women change body composition, muscle strength and haemoglobin? Systematic review with a focus on the implications for sport participation. *British Journal of sports medicine*, 55 (15), 865–872.

Kumchenko, S., Rasskazova, E., Tkhostov, A., Emelin, V. (2020). Preference for masculine or feminine gender roles and its relationship to well-being in transgender persons: Comparing pre-treatment, hormonal therapy, and post-surgery groups. *Behavioral Sciences*, 10 (6), 100–108.

Klemmer, C., Arayasirikul, S., Raymond, H. (2021). Transphobia-Based Violence, Depression, and Anxiety in Transgender Women: The Role of Body Satisfaction. *Journal of interpersonal violence*, 36 (5–6), 2633–2655.

Meyer, I., Northridge, M. (2007). *The Health of Sexual Minorities: Public Health Perspectives on Lesbian, Gay, Bisexual and Transgender Populations*. Springer, NY.

Motmans, J., Meier, P., Ponnet, K. (2012). Female and Male Transgender Quality of Life: Socioeconomic and Medical Differences. *The Journal of Sexual Medicine*, 9 (3), 743–750.

Nguyen, H., Chavez, A., Lipner, E., Hantsoo, L., Kornfield, S., Davies, R., Epperson, C. (2018). Gender-Affirming Hormone Use in Transgender Individuals: Impact on Behavioral Health and Cognition. *Current Psychiatry Reports*, 20 (12), 110.

Nobili, A., Glazebrook, C., Arcelus, J. (2018). Quality of life of treatment-seeking transgender adults: A systematic review and meta-analysis. *Reviews in Endocrine and Metabolic Disorders*, 19 (3), 199–220.

Owen-Smith, A., Gerth, J., Sineath, R., Barzilay, J. et al. (2018). Association Between Gender Confirmation Treatments and Perceived Gender Congruence, Body Image Satisfaction, and Mental Health in a Cohort of Transgender Individuals. *The Journal of Sexual Medicine*, 15 (4), 591–600.

Papadopulos, N., Ehrenberger, B., Zavlin, D., Lellé, J. et al. (2021). Quality of Life and Satisfaction in Transgender Men After Phalloplasty in a Retrospective Study. *Annals of Plastic Surgery*, 87, 91–97.

Scandurra, C., Bochicchio, V., Amodeo, A., Esposito, C. et al. (2018). Internalized Transphobia, Resilience, and Mental Health: Applying the Psychological Mediation Framework to Italian Transgender Individuals. *International journal of environmental research and public health*, 13, 15 (3), 508.

Simbar, M., Nazarpour, S., Mirzababaie, M., Emam Hadi, M., Ramezani Tehrani, F., Alavi Majd, H. (2018). Quality of Life and Body Image of Individuals with Gender Dysphoria. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 44 (6), 523–532.

Standards of Care (SOC) for the Health of Transsexual, Transgender, and Gender Nonconforming People. (2011).

Wierckx, K., Van Caenegem, E., Elaut, E., Dedeker, D., Van de Peer, F. (2011). Quality of Life and Sexual Health after Sex Reassignment Surgery in Transsexual Men. *The Journal of Sexual Medicine*, 8 (12), 3379–3388.

Wiik, A., Lundberg, T., Rullman, E., Andersson, D. et al. (2020). Muscle Strength, Size, and Composition Following 12 Months of Gender-affirming Treatment in Transgender Individuals. *The Journal of clinical endocrinology and metabolism*, 1, 105 (3), 247.

White, Hughto J., Reisner, S. (2016). A Systematic Review of the Effects of Hormone Therapy on Psychological Functioning and Quality of Life in Transgender Individuals. *Transgender Health*, 1 (1), 21–31.

References

A large psychological dictionary. 4th ed., expanded (2009). In B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko (Eds.). Moscow: AST Moscow; Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK. (in Russ.).

Acker, G. (2017). Transphobia Among Students Majoring in the Helping Professions. *Journal of Homosexuality*, 64 (14), 2011–2029.

Akhtar, M., Bilour, N. (2020). State of Mental Health Among Transgender Individuals in Pakistan: Psychological Resilience and Self-esteem. *Community Mental Health Journal*, 56 (4), 626–634.

Austin, A., Goodman, R. (2017). The Impact of Social Connectedness and Internalized Transphobic Stigma on Self-Esteem Among Transgender and Gender Non-Conforming Adults. *Journal of Homosexuality*, 64 (6), 825–841.

Burnes, T., Richmond, K., Dexter, M., Singh, A., Cherrington, A. (2016). The Experiences of Transgender Survivors of Trauma Who Undergo Social and Medical Transition. *Traumatology*, 22 (1), 75–84.

Chaovanalikit, T., Wirairat, K., Sriswadpong, P. (2022). Quality of Life, Self-Esteem, and Depression Among Thai Transgender Women Before and After Male-to-Female Gender Confirmation Surgery: A Prospective Cohort Observational Study. *Sexual Medicine*, 10 (4), 100533.

Colizzi, M., Costa, R., Todarello, O. (2014). Transsexual patients' psychiatric comorbidity and positive effect of cross-sex hormonal treatment on mental health: results from a longitudinal study. *Psychoneuroendocrinology*, 39, 65–73.

Diener, E., Emmons, R., Larsen, R., Grin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of personality Assessment*, 1, 71–75.

Dvoryanchikov, N.V., Makav'eva, V.N., Novikova, Z.D. (2018). Specificity of sexual self-consciousness in persons with sexual identity disorders in personality disorders and transsexualism. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya (Clinical and special psychology)*, 7 (1), 147–162. (Retrieved from: https://psyjournals.ru/psyclin/2018/n1/Dvoryanchikov_et_al.shtml) (review date: 25.07.2022). (In Russ.).

D'yachenko, A.V., Bukhanovskaya, O.A., Soldatkin, V.A., Perekhov, A.Ya. (2020). Who goes to a psychiatrist with a request for a sex change. *Psikhiatriya (Psychiatry)*, 18 (3), 32–41. (In Russ.).

Goodfriend, W., Garcia, A., Hoover, A., Habashi, M., Hack, T., Raymond, A. (2022). Identity Development and Self-Esteem in Transgender Men: The Importance of Masculinity. *Journal of Homosexuality*, 22, 1–21.

Harper, J., O'Donnell, E., Sorouri Khorashad, B., McDermott, H., Witcomb, G. (2021). How does hormone transition in transgender women change body composition, muscle strength and haemoglobin? Systematic review with a focus on the implications for sport participation. *British Journal of sports medicine*, 55 (15), 865–872.

Karagapolova, I.V. (2017). Transgenderism in the modern psychology of sexuality. In E. Kashchenko (Eds.), *Essays on the modern psychology of sexuality. Collection of scientific articles* (pp. 24–29). Moscow: Ridero. (In Russ.).

Kibrik, N.D., Yagubov, M.I. (2018). Clinical features of sexual identification disorders and patient management tactics. *Andrologiya i genital'naya khirurgiya (Andrology and genital surgery)*, 19 (3), 35–41. (In Russ.).

Klemmer, C., Arayasirikul, S., Raymond, H. (2021). Transphobia-Based Violence, Depression, and Anxiety in Transgender Women: The Role of Body Satisfaction. *Journal of interpersonal violence*, 36 (5–6), 2633–2655.

Kumchenko, S., Rasskazova, E., Tkhostov, A., Emelin, V. (2020). Preference for masculine or feminine gender roles and its relationship to well-being in transgender

persons: Comparing pre-treatment, hormonal therapy, and post-surgery groups. *Behavioral Sciences*, 10 (6), 100–108.

Mendelevich V.D. (2020). Non-binary gender identity and transgenderism outside psychiatric discourse. *Nevrologicheskiy vestnik (Neurological Bulletin)*, 2, 5–11. (In Russ.)

Meyer, I., Northridge, M. (2007). *The Health of Sexual Minorities: Public Health Perspectives on Lesbian, Gay, Bisexual and Transgender Populations*. Springer, NY.

Motmans, J., Meier, P., Ponnet, K. (2012). Female and Male Transgender Quality of Life: Socioeconomic and Medical Differences. *The Journal of Sexual Medicine*, 9 (3), 743–750.

Nguyen, H., Chavez, A., Lipner, E., Hantsoo, L., Kornfield, S., Davies, R., Epperon, C. (2018). Gender-Affirming Hormone Use in Transgender Individuals: Impact on Behavioral Health and Cognition. *Current Psychiatry Reports*, 20 (12), 110.

Nobili, A., Glazebrook, C., Arcelus, J. (2018). Quality of life of treatment-seeking transgender adults: A systematic review and meta-analysis. *Reviews in Endocrine and Metabolic Disorders*, 19 (3), 199–220.

Novikova, Z.D., Dvoryanchikov, N.V. (2016). The study of the self-image in persons with sexual identity disorders as an additional criterion for differential diagnosis in the examination of controversial sexual states. *Psihologiya i pravo (Psychology and Law)*, 6 (4), 142–154. (Retrieved from: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n4/84524.shtml> (review date: 25.07.2022)). (In Russ.).

Osin, E.N., Leont'ev, D.A. (2008). Approbation of Russian-language versions of two scales of express assessment of subjective well-being. Materials of the III All-Russian Sociological Congress (pp. 141–153). Moscow: Institut sotsiologii RAN, Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov. (In Russ.).

Owen-Smith, A., Gerth, J., Sineath, R., Barzilay, J. et al. (2018). Association Between Gender Confirmation Treatments and Perceived Gender Congruence, Body Image Satisfaction, and Mental Health in a Cohort of Transgender Individuals. *The Journal of Sexual Medicine*, 15 (4), 591–600.

Papadopulos, N., Ehrenberger, B., Zavlin, D., Lellé, J. et al. (2021). Quality of Life and Satisfaction in Transgender Men After Phalloplasty in a Retrospective Study. *Annals of Plastic Surgery*, 87, 91–97.

Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh., Abramova, Yu.A. (2015). Inconsistency of assessments of oneself, the world and people as a psychological construct: development and approbation of the methodology of inconsistency of cognitive beliefs. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 8 (39), 4. (In Russ.).

Scandurra, C., Bochicchio, V., Amodeo, A., Esposito, C. et al. (2018). Internalized Transphobia, Resilience, and Mental Health: Applying the Psychological Mediation Framework to Italian Transgender Individuals. *International journal of environmental research and public health*, 13, 15 (3), 508.

Simbar, M., Nazarpour, S., Mirzababaie, M., Emam Hadi, M., Ramezani Tehrani, F., Alavi Majd, H. (2018). Quality of Life and Body Image of Individuals with Gender Dysphoria. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 44 (6), 523–532.

Sokolova, E.T. (2019). *Clinical Psychology of Self-loss*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
Standards of Care (SOC) for the Health of Transsexual, Transgender, and Gender Nonconforming People (2011).

Tkachenko, A.A., Vvedenskii, G.E., Dvoryanchikov, N.V. (2020). *Forensic sexology*. Moscow: BINOM. (In Russ.).

Tkhostov, A.Sh. (2020). *Cultural and historical pathopsychology*. Moscow: Kanon+. (In Russ.).

Tkhostov, A.Sh., Rasskazova, E.I., Emelin, V.A. (2014). Psychodiagnostics of subjective perception of one's identifications: application of the modified technique "Who am I?". *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 2 (14), 58–69. (In Russ.).

White Hughto, J., Reisner, S. (2016). A Systematic Review of the Effects of Hormone Therapy on Psychological Functioning and Quality of Life in Transgender Individuals. *Transgender Health*, 1 (1), 21–31.

Wierckx, K., Van Caenegem, E., Elaut, E., Dedeker, D., Van de Peer, F. (2011). Quality of Life and Sexual Health after Sex Reassignment Surgery in Transsexual Men. *The Journal of Sexual Medicine*, 8 (12), 3379–3388.

Wiik, A., Lundberg, T., Rullman, E., Andersson, D. et al. (2020). Muscle Strength, Size, and Composition Following 12 Months of Gender-affirming Treatment in Transgender Individuals. *The Journal of clinical endocrinology and metabolism*, 1, 105 (3), 247.

Статья получена: 16.06.2022;
принята: 10.09.2022;
отредактирована: 30.10.2022.

Received: 16.06.2022;
accepted: 10.09.2022;
revised: 30.10.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кумченко Сергей Константинович — аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, kumchenko.s.k@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6354-7615>

Тхостов Александр Шамилевич — доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, tkhostov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9676-4096>

Рассказова Елена Игоревна — кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

ABOUT AUTHORS

Sergey K. Kumchenko — Postgraduate student of the Department of Neuro- and Pathopsychology of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, kumchenko.s.k@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6354-7615>

Alexander Sh. Tkhostov — PhD in Psychology, Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, tkhostov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9676-4096>

Elena I. Rasskazova — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

УДК 159.9.018.6
doi:10.11621/vsp.2022.04.11

Научная статья

СОРЕ-30: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КРАТКОЙ ВЕРСИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

М.А. Одинцова*¹, Н.П. Радчикова², Л.А. Александрова³

^{1, 2, 3} Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия

¹ mari505@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>

² nataly.radchikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>

³ ladaleksandrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

Автор, ответственный за переписку: mari505@mail.ru

Актуальность. Совладание играет большую роль в адаптации человека к стрессовым ситуациям и становится одной из центральных задач психологической практики, что диктует необходимость разработки надежного, валидного и компактного инструмента.

Цель. Разработка сокращенной версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий (СОРЕ-30) на основе полной русскоязычной версии.

Методы. Сбор социодемографических данных, оценка субъективно воспринимаемой трудности ситуации. Методики: СОРЕ, тест жизнестойкости, методика самоактивации личности, Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации. Использовались: описательная статистика, корреляционный анализ, эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, трехфакторный дисперсионный анализ и двухфакторный ковариационный анализ.

Выборка. Данные получены в ходе интернет-опроса (2021–2022 гг.). В исследовании приняло участие 1395 человек в возрасте от 18 до 76 лет (32 ± 11 лет), 72,5% женщин, 24,6% мужчин, 2,9% других.

Результаты. Психометрические показатели говорят о хорошей внутренней согласованности шкал СОРЕ-30. Результаты конфирматорного факторного анализа подтверждают соответствие 15-факторной модели СОРЕ-30 полученным данным на разных выборках и при разных инструкциях. Три фактора второго порядка коррелируют со всеми характеристиками трудной жизненной ситуации (ТЖС), самоактивацией и жизнестойкостью. Женщины чаще используют копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях и их активное выражение», «Обращение к религии» и «Использование эмоцио-

нальной социальной поддержки», а мужчины — «Юмор», даже при контроле уровня трудности ситуации.

Выводы. Методика COPE-30 является надежным, внутренне непротиворечивым и валидным инструментом для определения копинг-стратегий, обладает такими же хорошими психометрическими характеристиками, как и полный вариант, результаты не подвержены влиянию разных формулировок инструкции.

Ключевые слова: COPE, COPE-30, психометрические характеристики, стратегии совладания, трудные жизненные ситуации.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 («Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)»).

Для цитирования: Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Александрова Л.А. COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 247–275. doi: 10.11621/vsp.2022.04.11

doi:10.11621/vsp.2022.04.11

Scientific Article

COPE-30: PSYCHOMETRIC PROPERTIES OF THE SHORT VERSION OF THE RUSSIAN-LANGUAGE INVENTORY FOR COPING STRATEGIES EVALUATION

Maria A. Odintsova*¹, Nataly P. Radchikova²,
Lada A. Aleksandrova³

^{1, 2, 3} Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

¹ mari505@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>

² nataly.radchikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>

³ ladaleksandrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

*Corresponding author: mari505@mail.ru

Background. Numerous studies show that coping plays a big role in a person's adaptation to stressful situations and becomes the center of psychological practice, which dictates the need to develop a reliable, valid and compact tool that allows you to identify certain coping strategies.

Objective. The aim of the study was to develop a brief version of the Russian-language methodology for evaluating coping strategies (COPE-30) based on the full Russian version.

Methods. The survey included socio-demographic indicators and an assessment of life situation difficulty. The following methods were used: COPE, Hardiness Survey, Personal Self-Activation Inventory, “Subjective appraisal of difficult life situation” technique. Descriptive statistics, correlation analysis, exploratory and confirmatory factor analysis, three-way ANOVA, and two-way ANCOVA were used as data processing methods.

Sample. Data were obtained from an online survey (2021–2022). In total, the study involved 1395 people aged 18 to 76 years (average 32 ± 11 years, median = 31 years), of which 72,5% were female, 24,6% male, and 2,9% other.

Results. Psychometric indices indicate good internal consistency of the COPE-30 scales. The results of the confirmatory factor analysis confirm the correspondence of the 15-factor COPE-30 model to the data obtained under different instructions. Three second-order factors obtained on the basis of 15 coping strategies correlate with all the characteristics of a difficult life situation, self-activation and hardiness. Women more often use the coping strategies “Concentration on emotions and their active expression”, “Religion” and “Emotional social support”, and men — “Humor”, even when controlling for the difficulty of the situation.

Conclusion. The proposed COPE-30 inventory is a sufficiently reliable, internally consistent and valid tool for determining individual coping strategies. It has the same good psychometric characteristics as the full version of the inventory, and works well with situational and dispositional approaches.

Keywords: COPE, COPE-30, psychometric characteristics, coping strategies, difficult life situations.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSCF), project number 22-28-00820 (Psychological resources of socially vulnerable groups in the face of modern challenges (on the example of people with disabilities and their families)).

For citation: Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Aleksandrova, L.A. (2022). COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian-language inventory for coping strategies evaluation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 247–275. doi: 10.11621/vsp.2022.04.11

Введение

Совладание определяется как когнитивные, эмоциональные и поведенческие усилия, направленные на предотвращение угроз

и снижение стресса. Существует множество моделей совладания, с каждой из которых связана разработка специального инструмента измерения (Folkman, Lazarus, 1985; Endler, Parker, 1990; McCrae, Costa, 1986; и др.). Одним из самых популярных является методика COPE (Coping Orientation to Problems Experienced) Ч. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейтрауба (Carver, Scheier, Weintraub, 1989) (по данным метаанализа 2000 исследований за 12-летний период, частота использования 20,2% (Muniandy et al., 2021)). Основой данной методики является когнитивно-феноменологическая теория совладания со стрессом (Lazarus, Folkman, 1984) и модель поведенческой саморегуляции Ч. Карвера и М. Шейера (Carver, Scheier, 1981). В отличие от многих эмпирически созданных диагностических инструментов, методика COPE основана на теоретических предположениях о конструктивном совладании и на исследовании тех факторов, которые способствуют или мешают такому совладанию. Полная версия COPE содержит 60 пунктов, образующих 15 шкал (копинг-стратегий): 1) Позитивное переформулирование и личностный рост, 2) Мысленный уход от проблемы, 3) Концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4) Использование инструментальной социальной поддержки, 5) Активное совладание, 6) Отрицание, 7) Обращение к религии, 8) Юмор, 9) Поведенческий уход от проблемы, 10) Сдерживание, 11) Использование эмоциональной социальной поддержки, 12) Использование «успокоительных», 13) Принятие, 14) Подавление конкурирующей деятельности, 15) Планирование. Авторы предлагают рассматривать все копинг-стратегии, а при необходимости использовать универсальные группы «второго уровня» (факторы второго порядка, обычно получающиеся в результате эксплораторного факторного анализа (ЭФА)). По их мнению, вторичная структура будет различаться в зависимости от особенностей выборки, ситуации диагностики и других переменных.

Методика переведена на многие языки, адаптирована в России (Гараян, Иванов, 2010; Рассказова, Гордеева, Осин, 2013). При этом отмечается проблематичность ее использования в разных группах и в больших исследовательских протоколах из-за ее длины. Поэтому предпринимались попытки сокращения полной версии COPE. Одним из вариантов является Brief COPE (Carver, 1997). Создаются разные варианты сокращенных версий на основании уменьшения количества пунктов в COPE и Brief COPE, так как по мнению исследователей некоторые из них являются избыточными. В одной из работ (Lune, Roger, 2000) в методике оставлено 37 пунктов и выделено три фактора

второго порядка: активный, эмоционально-ориентированный и избегающий. В другой (Zuckerman, Gagne, 2003) — выделено пять шкал по восемь пунктов в каждой и показано умеренное соответствие модели полученным данным ($GFI = 0,87$; $CFI = 0,89$; $RMSEA = 0,05$). В исследовании Ж. Панг с соавторами (Pang, Strodl, Oei, 2013) соответствие 12-факторной и 3-факторной моделей полученным данным оказалось плохим ($CFI < 0,90$; $RMSEA > 0,05$). Использование эксплораторного факторного анализа (ЭФА) позволило обнаружить шесть факторов, содержащих от трех до десяти пунктов. В работе (Mohanraj et al., 2015), несмотря на хорошую внутреннюю согласованность шкал Brief COPE, соответствие 14-факторной модели полученным данным оказалось плохим ($CFI < 0,60$; $RMSEA > 0,09$), и на основании ЭФА выявлено пять факторов, объединяющих 16 пунктов. В работе (Brasileiro et al., 2016) предполагаемые 14 шкал Brief COPE показали низкую внутреннюю согласованность и плохое соответствие данным, а ЭФА выделил три фактора, содержащих от четырех до девяти пунктов. В исследовании (Martínez-Ortega, Gomà-i-Freixanet, Fornieles-Deu, 2016) получено девять факторов, включающих от четырех до девяти пунктов. В работе (Voronin, Manrique-Millones, Vasin, 2020) из полной версии методики (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013) были удалены пункты с наименьшей факторной нагрузкой и выделено четыре фактора (вариант COPE-32). При этом в качестве рекомендаций все исследователи обращают внимание на необходимость проверки психометрических характеристик методики на расширенных выборках, использования разных инструкций (с учетом и без учета конкретной трудной жизненной ситуации) и уровня ее трудности.

Полный вариант COPE теоретически и эмпирически обоснован, обладает хорошими психометрическими характеристиками, позволяет выделить 15 копинг-стратегий и адаптирован в России (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013). Однако существует потребность в компактном инструменте для проведения масштабных, лонгитюдных исследований, исследований потенциально уязвимых групп, индивидуальных исследований для практики психологической помощи.

Цель исследования

Необходима разработка COPE-30 — сокращенной версии русскоязычной методики COPE, оценка ее психометрических свойств, апробация на разных выборках как с учетом, так и без учета специфики конкретных трудных жизненных ситуаций (ТЖС), анализ раз-

личный в предпочтении стратегий совладания в зависимости от пола и субъективной оценки трудности ситуации.

Исследовательские вопросы:

1) Будет ли COPE-30 обладать хорошей внутренней согласованностью, подтверждаться теоретической моделью, хорошо работать при разных инструкциях?

2) Существует ли связь факторов второго порядка с субъективной оценкой ТЖС, жизнестойкостью, самоактивацией, уровнем трудности ситуации?

3) Различаются ли стратегии совладания в зависимости от пола и субъективной оценки уровня трудности ситуации?

Методы

Исследование проводилось с помощью Google- и Яндекс-форм в период с 2021 по 2022 год. Процедура заполнения методик занимала от 15 до 40 минут.

Для получения сокращенной версии был использован вариант COPE (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013). Для проверки внешней валидности сокращенной версии использовались: краткий вариант теста жизнестойкости (Осин, Рассказова, 2013), методика самоактивации личности (Одинцова, Радчикова, 2018) и методика «Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации» (Битюцкая, Корнеев, 2021).

Для оценки копинг-стратегий, применяемых в конкретных ТЖС, части респондентов ($N = 396$) из выборки 2 была дана инструкция: «Выделите трудную жизненную ситуацию, произошедшую в Вашей жизни и являющуюся актуальной для Вас. Напишите, что это за ситуация? Когда она произошла? Оцените уровень трудности этой ситуации по 10-балльной шкале по характеристикам: сложная, значимая, стрессовая, непредсказуемая, бесконтрольная, неразрешимая, непонятная, неопределенная, неожиданная». Уровень трудности ТЖС вычислялся по среднему значению всех характеристик. Шкала трудности ситуации внутренне непротиворечива (α Кронбаха = 0,90) и хорошо коррелирует со шкалами методики «Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации»: Отрицательные эмоции ($r = 0,68$); Общие признаки ТЖС ($r = 0,66$); Непонятность ситуации ($r = 0,48$); Неподконтрольность ситуации ($r = 0,42$); Перспектива будущего ($r = 0,46$); Затруднения в принятии решений ($r = 0,40$). Эксплораторный факторный анализ выделил один фактор, объясняющий 56% общей дисперсии.

Отбор утверждений для краткой версии СОРЕ проводился последовательно: 1) рассчитывались стандартные показатели надежности для полных шкал: α Кронбаха и α Кронбаха при исключении пункта из шкалы; 2) выбирался пункт, при исключении которого α Кронбаха была минимальной, и к нему добавлялся пункт, лучше всего коррелирующий с ним, либо пункт, α Кронбаха при исключении которого была минимальной после исключения уже отобранного. В большинстве случаев эти критерии совпадали. Сокращенная версия СОРЕ-30 с ключами приведена в Приложении 1.

Выборка

В исследовании приняло участие 1395 человек. Участники составили три выборки.

Выборка 1 (N = 308; 24,7% мужчин; возраст от 18 до 63 лет (31±12 лет)), заполняла полную версию СОРЕ с инструкцией, ориентирующей на оценку копинг-стратегий, применяемых в конкретных ТЖС. На основе психометрических характеристик пунктов СОРЕ происходил отбор пунктов для краткой версии методики.

Эмпирические данные выборки 2 (N = 526; 24,5% мужчин; возраст от 18 до 76 лет (32±12 лет)) использовались для проверки психометрических свойств сокращенной версии СОРЕ-30 с такой же инструкцией, как и для первой выборки. Часть выборки (N = 396; 17% мужчин; возраст от 18 до 76 лет (29±12 лет)) заполняла дополнительные методики для проверки внешней валидности СОРЕ-30.

В выборке 3 (N=561; 24,6% мужчин; 7,1% другого пола; возраст от 18 до 63 лет (33±10 лет)) была использована инструкция, рекомендуемая Е.Н. Рассказовой, Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осиным (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013) для проверки психометрических свойств СОРЕ-30.

Выборки эквивалентны по половому составу ($\chi^2 = 0,62$; $df = 2$; $p = 0,73$).

Результаты

Для шкал, состоящих из отобранных пунктов, рассчитывалась α Кронбаха (табл. 1). Показатели согласованности несколько ниже для сокращенной версии, чем для полной, но различия невелики и отражают содержание шкал: если надежность шкалы высока в полной версии (например, 0,88 для копинг-стратегии «Юмор»), то она высока и для краткой (0,82). Если надежность шкалы слаба для полной версии

(например, для копинг-стратегии «Сдерживание» 0,57), то и для краткой — она невелика (0,59).

Коэффициенты надежности на разных выборках и при применении двух вариантов методики (полной и краткой) варьируют от 0,37 до 0,91, что согласуются с данными российских версий COPE (табл. 1).

Таблица 1

Показатели внутренней согласованности шкал (α Кронбаха) для методик COPE, COPE-32 и COPE-30

Копинг-стратегии*	α Кронбаха					
	COPE (Полная версия)		COPE-32	COPE-30		
	Рассказова, Гордеева, Осин, 2013	Выборка 1	Voronin et al., 2020	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 3
1	0,77	0,75	0,81	0,72	0,75	0,83
2	0,40	0,52	0,48	0,37	0,52	0,58
3	0,88	0,81	0,74	0,79	0,74	0,82
4	0,82	0,79	0,74	0,69	0,67	0,68
5	0,77	0,76	0,52	0,67	0,62	0,68
6	0,68	0,74	0,56	0,82	0,78	0,77
7	0,92	0,89	0,91	0,89	0,91	0,83
8	0,89	0,88	0,74	0,82	0,79	0,80
9	0,73	0,75	0,32	0,67	0,55	0,65
10	0,58	0,57	–	0,59	0,52	0,58
11	0,89	0,86	0,73	0,82	0,79	0,79
12	0,90	0,89	–	0,91	0,89	0,90
13	0,74	0,81	0,84	0,82	0,77	0,69
14	0,79	0,79	0,74	0,76	0,77	0,70
15	0,76	0,77	0,71	0,71	0,69	0,71

Примечание: В COPE-32 на каждую шкалу приходится по 2 пункта, кроме шкал: «Мысленный уход от проблемы», «Обращение к религии», «Принятие», в которые входят все 4 пункта оригинала. В версии COPE-30 сохранены все шкалы по 2 пункта в каждой. *Номера шкал в таблице здесь и ниже соответствуют приведенным в разделе «Введение».

Table 1

Internal consistency indices for all scales (Cronbach's α) for COPE, COPE-32 and COPE-30

Scale	Cronbach's α					
	COPE (Full version)		COPE-32	COPE-30		
	Rasskazova et al., 2013	Sample 1	Voronin et al., 2020	Sample 1	Sample 2	Sample 3
1	0.77	0.75	0.81	0.72	0.75	0.83
2	0.40	0.52	0.48	0.37	0.52	0.58
3	0.88	0.81	0.74	0.79	0.74	0.82
4	0.82	0.79	0.74	0.69	0.67	0.68
5	0.77	0.76	0.52	0.67	0.62	0.68
6	0.68	0.74	0.56	0.82	0.78	0.77
7	0.92	0.89	0.91	0.89	0.91	0.83
8	0.89	0.88	0.74	0.82	0.79	0.80
9	0.73	0.75	0.32	0.67	0.55	0.65
10	0.58	0.57	–	0.59	0.52	0.58
11	0.89	0.86	0.73	0.82	0.79	0.79
12	0.90	0.89	–	0.91	0.89	0.90
13	0.74	0.81	0.84	0.82	0.77	0.69
14	0.79	0.79	0.74	0.76	0.77	0.70
15	0.76	0.77	0.71	0.71	0.69	0.71

Note: In version (Voronin et al., 2020), there are 2 points per scale, except for the scales: "Self-distraction", "Religion", "Acceptance", which include all 4 points of the original. In the COPE-30 version, all scales of 2 points in each are preserved.

The scale numbers in the table here and below correspond to those given in the "Introduction" section.

Для проверки соответствия структуры методики полученным данным применялся конфирматорный факторный анализ. Результаты (табл. 2) показывают, что в случае применения полной версии (выборка 1) соответствие несколько хуже, чем было получено в полной версии методики (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013), но для краткой версии оно значительно лучше: для всех выборок (и при любой инструкции) RMSEA не выше 0,05, индекс CFI не ниже 0,94, а индекс SRMR значительно ниже 0,08. Таким образом, методика COPE-30 обладает хорошей внутренней согласованностью.

Таблица 2

Показатели соответствия структуры полученным данным (индексы соответствия конфирматорного факторного анализа) для методик COPE и COPE-30

Индексы со-ответствия	Полная версия COPE		COPE-30		
	Рассказова, Гордеева, Осин, 2013	Выборка 1	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 3
RMSEA	0,04	0,05	0,04	0,04	0,05
CFI	0,92	0,86	0,96	0,96	0,94
GFI		0,77	0,92	0,94	0,92
SRMR		0,07	0,04	0,03	0,04

Table 2

Goodness-of-fit results (confirmatory factor analysis indices) for COPE and COPE-30

Goodness-of-fit indices	COPE, Full version		COPE-30		
	Rasskazova, Gordeeva, & Osin, 2013	Sample 1	Sample 1	Sample 2	Sample 3
RMSEA	0.04	0.05	0.04	0.04	0.05
CFI	0.92	0.86	0.96	0.96	0.94
GFI		0.77	0.92	0.94	0.92
SRMR		0.07	0.04	0.03	0.04

Описательная статистика для шкал полной версии методики была рассчитана по среднему значению, а не по общему баллу для возможности сопоставления результатов полной и сокращенной версий (табл. 3).

Различия в средних значениях между полной и краткой версиями не превышают 0,3 балла, а частота использования копинг-стратегий сохраняется: самыми предпочитаемыми во всех выборках являются «Планирование», «Активное совладание», «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Принятие», а «Использование успокоительных», «Поведенческий уход от проблемы» применяются редко.

В оригинальной версии COPE (Carver, Scheier, Weintraub, 1989) стратегии совладания образовали 4 фактора второго порядка, а последующие исследования либо подтверждали 4-факторную структуру (Craşovan, Sava, 2013), либо сокращали ее до 3 факторов (Lyne, Roger,

Таблица 3

Описательная статистика по методике COPE для 3-х выборок
 (среднее \pm стандартное отклонение)

Копинг-стратегии	Среднее \pm стандартное отклонение			
	COPE (Полная версия)	COPE-30		
	Выборка 1	Выборка 1	Выборка 2	Выборка 3
1	3,2 \pm 0,7	3,0 \pm 0,9	3,0 \pm 0,9	3,1 \pm 0,8
2	2,4 \pm 0,7	2,3 \pm 0,9	2,4 \pm 0,9	2,2 \pm 0,9
3	2,9 \pm 0,8	2,8 \pm 0,9	2,7 \pm 0,9	2,7 \pm 0,9
4	2,8 \pm 0,8	3,0 \pm 0,9	2,9 \pm 0,9	3,1 \pm 0,8
5	3,2 \pm 0,7	3,1 \pm 0,8	3,1 \pm 0,8	3,3 \pm 0,7
6	2,2 \pm 0,8	2,1 \pm 1,0	2,2 \pm 1,0	1,9 \pm 0,9
7	2,2 \pm 1,0	2,5 \pm 1,1	2,5 \pm 1,2	2,1 \pm 1,0
8	2,6 \pm 0,9	2,5 \pm 1,0	2,5 \pm 1,0	2,5 \pm 0,9
9	2,1 \pm 0,8	2,1 \pm 0,9	2,1 \pm 0,8	1,9 \pm 0,7
10	2,6 \pm 0,7	2,9 \pm 0,8	2,9 \pm 0,8	3,1 \pm 0,8
11	2,9 \pm 0,9	3,0 \pm 1,0	2,9 \pm 0,9	2,9 \pm 0,9
12	1,7 \pm 0,9	1,6 \pm 0,9	1,5 \pm 0,9	1,6 \pm 0,9
13	3,2 \pm 0,8	3,1 \pm 0,9	3,0 \pm 0,9	2,9 \pm 0,8
14	2,6 \pm 0,8	2,6 \pm 0,9	2,5 \pm 0,9	2,7 \pm 0,8
15	3,3 \pm 0,7	3,3 \pm 0,8	3,3 \pm 0,7	3,3 \pm 0,7

Table 3

COPE descriptive statistics for three samples (mean \pm standard deviation)

Scales	Mean \pm standard deviation			
	COPE (Full version)	COPE-30		
	Sample 1	Sample 1	Sample 2	Sample 3
1	3.2 \pm 0.7	3.0 \pm 0.9	3.0 \pm 0.9	3.1 \pm 0.8
2	2.4 \pm 0.7	2.3 \pm 0.9	2.4 \pm 0.9	2.2 \pm 0.9
3	2.9 \pm 0.8	2.8 \pm 0.9	2.7 \pm 0.9	2.7 \pm 0.9
4	2.8 \pm 0.8	3.0 \pm 0.9	2.9 \pm 0.9	3.1 \pm 0.8
5	3.2 \pm 0.7	3.1 \pm 0.8	3.1 \pm 0.8	3.3 \pm 0.7
6	2.2 \pm 0.8	2.1 \pm 1.0	2.2 \pm 1.0	1.9 \pm 0.9
7	2.2 \pm 1.0	2.5 \pm 1.1	2.5 \pm 1.2	2.1 \pm 1.0

Scales	Mean \pm standard deviation			
	COPE (Full version)	COPE-30		
	Sample 1	Sample 1	Sample 2	Sample 3
8	2.6 \pm 0.9	2.5 \pm 1.0	2.5 \pm 1.0	2.5 \pm 0.9
9	2.1 \pm 0.8	2.1 \pm 0.9	2.1 \pm 0.8	1.9 \pm 0.7
10	2.6 \pm 0.7	2.9 \pm 0.8	2.9 \pm 0.8	3.1 \pm 0.8
11	2.9 \pm 0.9	3.0 \pm 1.0	2.9 \pm 0.9	2.9 \pm 0.9
12	1.7 \pm 0.9	1.6 \pm 0.9	1.5 \pm 0.9	1.6 \pm 0.9
13	3.2 \pm 0.8	3.1 \pm 0.9	3.0 \pm 0.9	2.9 \pm 0.8
14	2.6 \pm 0.8	2.6 \pm 0.9	2.5 \pm 0.9	2.7 \pm 0.8
15	3.3 \pm 0.7	3.3 \pm 0.8	3.3 \pm 0.7	3.3 \pm 0.7

2000; Kallasmaa, Pulver, 2000; Halamová et al., 2021). Следовательно, предлагаемая нами методика должна давать 3–4 фактора второго порядка. В каждой из трех выборок нами был проведен эксплораторный факторный анализ, в котором в качестве переменных выступали 15 копинг-стратегий.

Факторные структуры оказались практически одинаковыми, и три фактора объясняют примерно одинаковое количество общей дисперсии: 49%, 48% и 48% соответственно для выборок 1, 2 и 3. В первый фактор (когнитивно-поведенческий) вошли копинг-стратегии: «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание», «Юмор», «Сдерживание», «Подавление конкурирующей деятельности» и «Планирование». Второй фактор (социально-эмоциональный) составили: «Концентрация на эмоциях и их активное выражение», «Использование инструментальной социальной поддержки», «Обращение к религии» и «Использование эмоциональной социальной поддержки». В третий фактор (избегающий) вошли: «Мысленный уход от проблемы», «Отрицание», «Поведенческий уход от проблемы» и «Использование “успокоительных”». Стратегия «Принятие» попала в два фактора: «социально-эмоциональный» и «избегающий» в 2-х выборках, а в 3-й выборке — вошла в первый фактор. Тем не менее выявленная нами 3-факторная структура является наиболее часто встречающейся при использовании COPE (Kallasmaa, Pulver, 2000; Halamová et al., 2021) и Brief Copе (Solberg, Gridley, Peters, 2021).

Для проверки внешней валидности были посчитаны корреляции факторов второго порядка с показателями субъективного оцени-

вания ТЖС, характеристиками жизнестойкости, самоактивации, уровнем трудности и сроком давности ситуации (табл. 4). Фактор 1 положительно связан с характеристиками самоактивации, жизнестойкости, с необходимостью быстрого реагирования и отрицательно — с неподконтрольностью ситуации. Самостоятельность, физическая и психологическая активность, открытость и вовлеченность, умение контролировать происходящее способствует усилению когнитивно-поведенческого совладания. Фактор 2 положительно связан с характеристиками ТЖС (кроме неподконтрольности) и с уровнем трудности ситуации. Сама сложность ТЖС, необходимость быстрого реагирования, затруднения в принятии решения, переживание отрицательных эмоций заставляют человека обращаться к разным видам поддержки. Фактор 3 отрицательно связан со всеми характеристиками жизнестойкости, самоактивации и положительно с признаками ТЖС, кроме необходимости быстрого активного реагирования. Высокий уровень сложности ситуации содействует обращению к социально-эмоциональному и избегающему способам совладания. Срок давности ситуации не коррелирует ни с одним из факторов.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Пирсона ($p < 0,05$) между факторами второго порядка СОРЕ-30 и субъективным оцениванием ТЖС, жизнестойкостью, самоактивацией, уровнем трудности ситуации

Шкалы используемых методик	Факторы второго порядка		
	Когнитивно-поведенческий	Социально-эмоциональный	Избегающий
Уровень трудности ситуации		0,25	0,17
Субъективное оценивание ТЖС			
Общие признаки ТЖС		0,26	
Неподконтрольность ситуации	-0,23		
Непонятность ситуации			0,27
Необходимость быстрого активного реагирования	0,22	0,24	
Затруднения в принятии решения		0,14	0,29
Трудности в прогнозировании ситуации			-0,14
Отрицательные эмоции		0,27	0,18

Шкалы используемых методик	Факторы второго порядка		
	Когнитивно-поведенческий	Социально-эмоциональный	Избегающий
Перспектива будущего	0,14	0,25	0,14
Тест жизнестойкости			
Вовлеченность			-0,48
Контроль	0,19		-0,46
Принятие риска	0,14		-0,44
Жизнестойкость (итоговый балл)	0,16		-0,51
Методика самоактивации личности			
Самостоятельность	0,20		-0,39
Физическая активация	0,18		-0,38
Психологическая активация	0,22		-0,44
Самоактивация (итоговый балл)	0,23		-0,49

Table 4

Pearson's correlation coefficients ($p < 0,05$) between COPE-30 second-order factors and subjective appraisal of difficult life situation, hardiness, self-activation, and the level of difficulty of the situation

Subscales	Second-order factors		
	Problem-focused (active)	Emotion-focused	Avoidance
The level of difficulty of the situation		0.25	0.17
Subjective appraisal of difficult life situation			
General signs of difficult life situation		0.26	
Lack of control of the situation	-0.23		
The incomprehensibility of the situation			0.27
The need for rapid proactive response	0.22	0.24	
Difficulties in making a decision		0.14	0.29
Difficulties in predicting the situation			-0.14

Subscales	Second-order factors		
	Problem-focused (active)	Emotion-focused	Avoidance
Negative emotions		0.27	0.18
Future perspective	0.14	0.25	0.14
Hardiness Survey			
Commitment			-0.48
Control	0.19		-0.46
Challenge	0.14		-0.44
Hardiness (overall score)	0.16		-0.51
Personal Self-Activation Inventory			
Independence	0.20		-0.39
Physical activation	0.18		-0.38
Psychological activation	0.22		-0.44
Self-activation (overall score)	0.23		-0.49

В исследованиях показано, что существуют различия в предпочтении копинг-стратегий у мужчин и женщин, поэтому еще одним подтверждением валидности COPE-30 будет его способность обнаружить такие различия. Как правило, мужчины чаще прибегают к употреблению психоактивных веществ, использованию юмора и планированию, а женщины — к использованию эмоциональной социальной поддержки, религии, фокусированию на эмоциях (Babicka-Wirkus et al., 2021; Martínez-Ortega, Goma-i-Freixanet, Fornieles-Deu, 2016; Bonneville-Roussy et al., 2017; и др.). Для выявления различий по полу использовался 3-факторный дисперсионный анализ (с апостериорным критерием Дункана), в котором межгрупповыми факторами выступали пол и выборка (2 и 3), а внутригрупповым фактором — шкалы COPE-30 (15 копинг-стратегий). Результаты показали, что взаимодействие второго порядка статистически незначимо ($F(14,14602) = 1,16; p = 0,30$), то есть различия между мужчинами и женщинами будут одинаковыми в обеих выборках. Взаимодействие первого порядка (между переменными «Пол» и «Копинг-стратегия») статистически значимо ($F(14,14602) = 14,91; p < 0,0001$; частная $\eta^2 = 0,01$), что подтверждает различия между мужчинами и женщинами в использовании разных копинг-стратегий (рис. 1).

Женщины значимо чаще используют копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» ($p < 0,0001$), «Об-

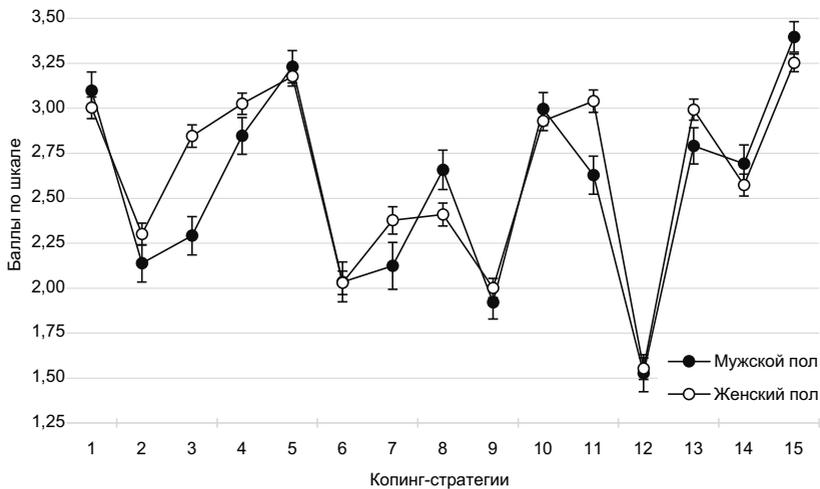

Рис. 1. Средние баллы по 15-ти копинг-стратегиям COPE-30 для мужчин и женщин (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)

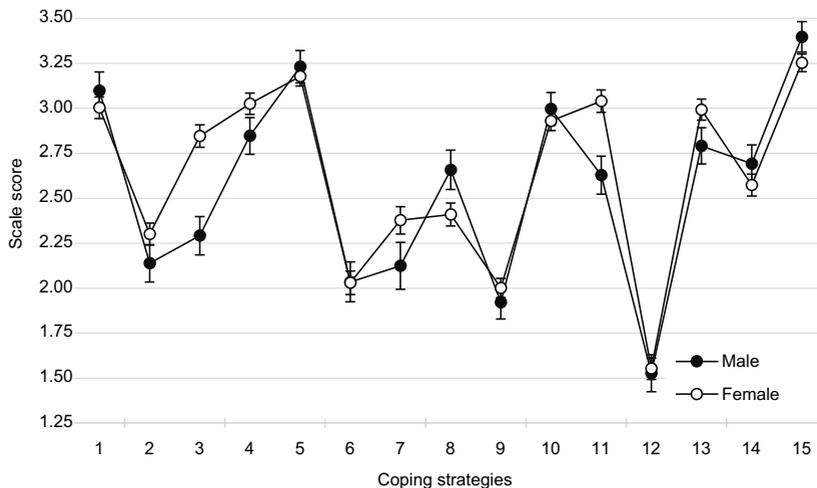

Fig. 1. COPE-30 scales means for men and women (vertical bars denote 95% confidence intervals)

ращение к религии» ($p < 0,0001$) и «Использование эмоциональной социальной поддержки» ($p < 0,0001$), а мужчины — «Юмор» ($p < 0,0001$).

Менее значимые различия получены по копинг-стратегиям «Мысленный уход от проблемы» ($p = 0,008$), «Использование инструментальной социальной поддержки» ($p = 0,010$), «Принятие» ($p = 0,002$) и «Планирование» ($p = 0,015$). Величина эффекта взаимодействия невелика (частная $\eta^2 = 0,01$), а главный эффект фактора «Копинг-стратегия» гораздо выше ($F(14,14602) = 319,46$; $p < 0,0001$; частная $\eta^2 = 0,23$). Как видим, у мужчин и женщин есть общие предпочитаемые копинг-стратегии: «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание» и «Планирование»; и редко используемые копинг-стратегии: «Поведенческий уход от проблемы», «Использование "успокоительных"». Таким образом, полученные результаты в целом соответствуют результатам других исследований.

Для проверки возможного влияния уровня трудности ситуации на выбор копинг-стратегий у мужчин и женщин был проведен 2-факторный ковариационный анализ (two-way ANCOVA), в котором в качестве факторов выступали пол и копинг-стратегия, а в качестве ковариаты — уровень трудности ситуации. Анализ показал, что даже после учета влияния уровня трудности ситуации, сохраняется статистически значимое взаимодействие между переменными «Пол» и «Копинг-стратегия» ($F(14,5502) = 4,78$, $p < 0,0001$; частная $\eta^2 = 0,01$) (рис. 2).

Учет тяжести ситуации практически не изменил полученные результаты: оказалось, что женщины чаще используют копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» ($p = 0,0003$), «Обращение к религии» ($p < 0,0001$) и «Использование эмоциональной социальной поддержки» ($p = 0,0074$), а мужчины — «Юмор» ($p = 0,0266$). Размер эффекта взаимодействия между факторами пола и копинг-стратегии при учете уровня трудности ситуации не изменился (частная $\eta^2 = 0,01$), что говорит о стабильности полученного эффекта. Сохранение этого эффекта между мужчинами и женщинами при использовании разных формулировок инструкции свидетельствует о внешней валидности COPE-30.

Уровень трудности ситуации оказывает статистически значимое влияние на частоту использования копинг-стратегий ($F(14,5502) = 18,22$, $p < 0,0001$; частная $\eta^2 = 0,04$), что согласуется с данными табл. 4. Высокий уровень сложности ситуации способствует обращению к социально-эмоциональному и избегающему

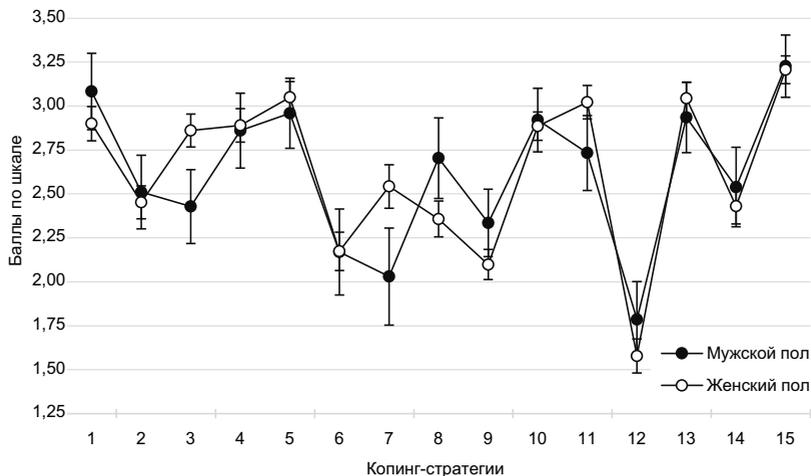

Рис. 2. Средние значения по копинг-стратегиям COPE-30 для мужчин и женщин с учетом влияния уровня трудности ситуации (среднее ковариаты = 6,33; вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)

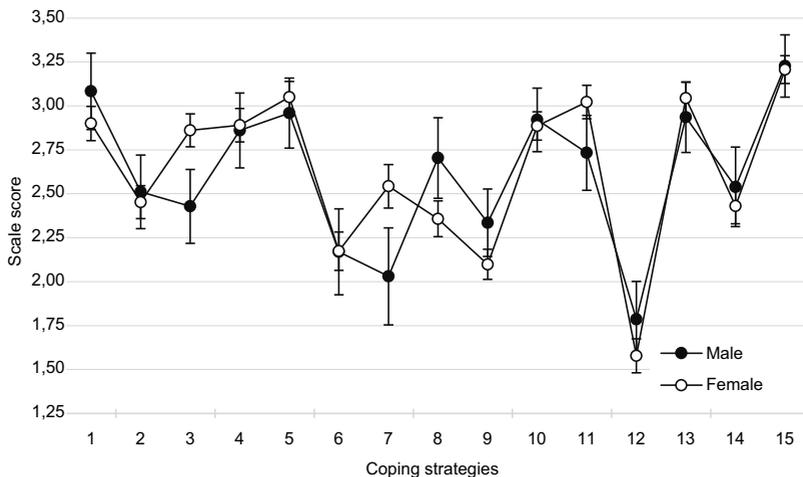

Fig. 2. COPE-30 scales means for men and women computed for covariates (situation difficulty) at their means (covariate means: 6,33; vertical bars denote 95% confidence intervals)

совладанию, что подтверждается исследованием (Stallman et al., 2021), где показано, что с возрастанием уровня стресса повышается вероятность использования поддержки, а при чрезвычайно высоком уровне стресса — всех «нездоровых» стратегий. Высокий уровень стресса связан с использованием стратегий поиска социальной поддержки (Panico et al., 2022). Женщины традиционно выше оценивают уровень стресса в отличие от мужчин (Graves et al., 2021), склонны использовать первые три стратегии, обнаруженные нами, а также «мысленный уход» (там же).

Выводы

Инструмент COPE-30 позволяет оценить частоту использования 15 копинг-стратегий, обладает такими же хорошими психометрическими характеристиками, как и полный вариант COPE, но содержит в два раза меньше вопросов, что снижает время на проведение исследования. COPE-30 хорошо работает при разных вариантах инструкции.

Были выделены факторы второго порядка (когнитивно-поведенческий, социально-эмоциональный и избегающий), которые коррелируют с субъективной оценкой ТЖС, характеристиками жизнестойкости, самоактивации, уровнем трудности ситуации, что свидетельствует о пригодности инструмента для эмпирических исследований. В пользу валидности методики COPE-30 говорят и выявленные статистически значимые различия в предпочтении стратегий совладания в зависимости от пола респондентов и субъективной оценки уровня трудности ситуации.

COPE-30 может быть использован в исследованиях психологических проблем личности и группы, для экспресс-диагностики, для практики психологической помощи.

Литература

Битюцкая Е.В., Корнеев А.А. Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 4. С. 145–161.

Гаранян Н.Г., Иванов П.А. Апробация опросника копинг-стратегий (COPE) // Психологическая наука и образование. 2010. Т. 15, № 1. С. 82–93.

Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка методики самоактивации личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 12. doi:10.54359/ps.v11i58.316

Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики Copre // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 8–118.

Babicka-Wirkus, A., Wirkus, L., Stasiak, K., Kozłowski, P. (2021). University students' strategies of coping with stress during the coronavirus pandemic: Data from Poland. *PLoS ONE*, 16 (7), e0255041. doi:10.1371/journal.pone.0255041

Bonneville-Roussy, A., Evans, P., Verner-Filion, J., Vallerand, R.J., Bouffard, T. (2017). Motivation and coping with the stress of assessment: Gender differences in outcomes for university students. *Contemporary Educational Psychology*, (48), 28–42. doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.003

Brasileiro, S.V., Orsini, M.R.C.A., Cavalcante, J.A., Bartholomeu, D., Montiel, J.M., Costa, P.S.S., Costa, L.R. (2016). Controversies Regarding the Psychometric Properties of the Brief COPE: The Case of the Brazilian-Portuguese Version "COPE Breve". *PLOS ONE*, 11 (3), e0152233. doi:10.1371/journal.pone.0152233

Carver, C.S. (1997). You want to measure coping but your protocol' too long: Consider the brief cope. *International Journal of Behavioral Medicine*, 4 (1), 92–100. doi:10.1207/s15327558ijbm0401_6

Carver, C.S., Scheier, M.F. (1981). *Attention and Self-Regulation: A Control Theory Approach to Human Behavior*. New York: Springer. doi:10.1007/978-1-4612-5887-2

Carver, C.S., Scheier, M.F., Weintraub, J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56 (2), 267–283. doi:10.1037/0022-3514.56.2.267

Crașovan, D.I., Sava, F.A. (2013). Translation, Adaptation, and Validation on Romanian Population of Cope Questionnaire for Coping Mechanisms Analysis, *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*, 12 (1), 61–66.

Endler, N.S., Parker, J.D. (1990). Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58 (5), 844–854. doi:10.1037/0022-3514.58.5.844

Folkman, S., Lazarus, R.S. (1985). If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination. *Journal of Personality and Social Psychology*, 48 (1), 150–170. doi:10.1037/0022-3514.48.1.150

Graves, B.S., Hall, M.E., Dias-Karch, C., Haischer, M.H., Apter, C. (2021). Gender differences in perceived stress and coping among college students // *PLoS ONE*. 16 (8): e0255634. doi:10.1371/journal.pone.0255634

Halamová, J., Kanovský, M., Krizova, K., Greškovičová, K., Strnádelová, B., Baránková, M. (2021). The Factor Structure and External Validity of the COPE 60 Inventory in Slovak Translation. *Frontiers in Psychology*, 12, 800166. doi: 10.3389/fpsyg.2021.800166

Kallasmaa, T., Pulver, A. (2000). The structure and properties of the Estonian COPE inventory. *Personality and Individual Differences*, 29 (5), 881–894. doi:10.1016/S0191-8869(99)00240-8

Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer Publishing Co.

Lyne, K., Roger, D. (2000). A psychometric re-assessment of the COPE questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 29 (2), 321–335. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(99\)00196-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00196-8)

Martínez-Ortega, Y., Gomà-i-Freixanet, M., Fornieles-Deu, A. (2016). The COPE-48: An adapted version of the COPE inventory for use in clinical settings. *Psychiatry Research*, 246, 808–814. doi:10.1016/j.psychres.2016.10.031

McCrae, R.R., Costa, P.T. (1986). Personality, coping, and coping effectiveness in an adult sample. *Journal of Personality*, 54 (2), 385–405. doi:10.1111/j.1467-6494.1986.tb00401.x

Mohanraj, R., Jeyaseelan, V., Kumar, S., Mani, T., Rao, D., Murray, K.R., Manhart, L.E. (2015). Cultural Adaptation of the Brief COPE for Persons Living with HIV/AIDS in Southern India. *AIDS and Behavior*, 19 (2), 341–351. doi:10.1007/s10461-014-0872-2

Muniandy, M., Richdale, A.L., Arnold, S.R.C., Trollor, J.N., Lawson, L.P. (2021). Factor structure and psychometric properties of the Brief COPE in autistic older adolescents and adults, *Research in Autism Spectrum Disorders*, 84, 101764, doi:10.1016/j.rasd.2021.101764

Pang, J., Strodl, E., Oei, T.P.S. (2013). The Factor Structure of the COPE Questionnaire in a Sample of Clinically Depressed and Anxious Adults. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 35, 264–272. doi:10.1007/s10862-012-9328-z

Panico, F., Luciano, S. M., Sagliano, L., Santangelo, G., Luigi, T. (2022). Cognitive reserve and coping strategies predict the level of perceived stress during COVID-19 pandemic: A cross-sectional study. *Personality and Individual Differences*, 195, 111703. doi:10.1016/j.paid.2022.111703

Solberg, M.A., Gridley, M.K., Peters, R.M. (2021). The Factor Structure of the Brief Coping: A Systematic Review. *Western Journal of Nursing Research*, 44 (6), 612–627. doi: 10.1177/01939459211012044

Stallman, H. M., Beaudequin, D., Hermens, D.F., Eisenberg, D. (2021). Modeling the relationship between healthy and unhealthy coping strategies to understand overwhelming distress: A Bayesian network approach. *Journal of Affective Disorders Reports*, 3, 100054. doi:10.1016/j.jadr.2020.100054

Voronin, I.A., Manrique-Millones, D., Vasin, G.M. et al. (2020). Coping Responses during the COVID-19 Pandemic: A Cross-Cultural Comparison of Russia, Kyrgyzstan, and Peru. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (4), 55–74. doi:10.11621/pir.2020.0404

Zuckerman, M., Gagne, M. (2003). The COPE revised: Proposing a 5-factor model of coping strategies. *Journal of Research in Personality*, 37 (3), 169–204. doi:10.1016/S0092-6566(02)00563-9

References

- Babicka-Wirkus, A., Wirkus, L., Stasiak, K., Kozłowski, P. (2021). University students' strategies of coping with stress during the coronavirus pandemic: Data from Poland. *PLoS ONE*, 16 (7), e0255041. doi:10.1371/journal.pone.0255041
- Bityutskaya, E.V., Korneev, A.A. (2021). Subjective appraisal of difficult life situations: diagnostics and structure. *Voprosy Psichologii (Questions of psychology)*, 2021, 67 (4), 145–161. (In Russ.).
- Bonneville-Roussy, A., Evans, P., Verner-Filion, J., Vallerand, R.J., Bouffard, T. (2017). Motivation and coping with the stress of assessment: Gender differences in outcomes for university students. *Contemporary Educational Psychology*, (48), 28–42. doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.003
- Brasileiro, S.V., Orsini, M.R.C.A., Cavalcante, J.A., Bartholomeu, D., Montiel, J.M., Costa, P.S.S., Costa, L.R. (2016). Controversies Regarding the Psychometric Properties of the Brief COPE: The Case of the Brazilian-Portuguese Version “COPE Breve”. *PLOS ONE*, 11 (3), e0152233. doi:10.1371/journal.pone.0152233
- Carver, C.S. (1997). You want to measure coping but your protocol' too long: Consider the brief cope. *International Journal of Behavioral Medicine*, 4 (1), 92–100. doi:10.1207/s15327558ijbm0401_6
- Carver, C.S., Scheier, M.F. (1981). *Attention and Self-Regulation: A Control Theory Approach to Human Behavior*. New York: Springer. doi:10.1007/978-1-4612-5887-2
- Carver, C.S., Scheier, M.F., Weintraub, J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56 (2), 267–283. doi:10.1037/0022-3514.56.2.267
- Crașovan, D.I., Sava, F.A. (2013). Translation, Adaptation, and Validation on Romanian Population of Cope Questionnaire for Coping Mechanisms Analysis, *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*, 12 (1), 61–66.
- Endler, N.S., Parker, J.D. (1990). Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58 (5), 844–854. doi:10.1037/0022-3514.58.5.844
- Folkman, S., Lazarus, R.S. (1985). If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination. *Journal of Personality and Social Psychology*, 48 (1), 150–170. doi:10.1037/0022-3514.48.1.150
- Garanyan, N.G., Ivanov, P.A. (2010). Validation of the Coping Strategies Questionnaire COPE. *Psychological Science and Education (Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie)*, 15 (1), 82–93.
- Graves, B.S., Hall, M.E., Dias-Karch, C., Haischer, M.H., Apter, C. (2021). Gender differences in perceived stress and coping among college students. *PLoS ONE*, 16(8), e0255634. doi:10.1371/journal.pone.0255634
- Halamová, J., Kanovský, M., Krizova, K., Greškovičová, K., Strnádelová, B., Baránková, M. (2021). The Factor Structure and External Validity of the COPE 60 Inventory in Slovak Translation. *Frontiers in Psychology*, 12, 800166. doi: 10.3389/fpsyg.2021.800166
- Kallasmaa, T., Pulver, A. (2000) The structure and properties of the Estonian COPE inventory. *Personality and Individual Differences*, 29 (5), 881–894. doi:10.1016/S0191-8869(99)00240-8

Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer Publishing Co.

Lyne, K., Roger, D. (2000). A psychometric re-assessment of the COPE questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 29 (2), 321–335. doi:10.1016/S0191-8869(99)00196-8

Martínez-Ortega, Y., Gomà-i-Freixanet, M., Fornieles-Deu, A. (2016). The COPE-48: An adapted version of the COPE inventory for use in clinical settings. *Psychiatry Research*, 246, 808–814. doi:10.1016/j.psychres.2016.10.031

McCrae, R.R., Costa, P.T. (1986). Personality, coping, and coping effectiveness in an adult sample. *Journal of Personality*, 54 (2), 385–405. doi:10.1111/j.1467-6494.1986.tb00401.x

Mohanraj, R., Jeyaseelan, V., Kumar, S. et al. (2015). Cultural Adaptation of the Brief COPE for Persons Living with HIV/AIDS in Southern India. *AIDS and Behavior*, 19, 341–351. doi:10.1007/s10461-014-0872-2

Muniandy, M., Richdale, A.L., Arnold, S.R.C., Trollor, J.N., Lawson, L.P. (2021). Factor structure and psychometric properties of the Brief COPE in autistic older adolescents and adults. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 84, 101764, <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2021.101764>

Odintsova, M.A., Radchikova, N.P. (2018). The development and standardization of personal self-activation inventory. *Psychological Investigations (Psikhologicheskie issledovaniya)*, 11 (58), 12. doi:10.54359/ps.v11i58.316 (In Russ.).

Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). Short version of hardiness test: psychometric characteristics and application in organizational context. *Vestnik Mosk. un-ta Ser. 14, Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin. Psychology)*, 2, 147–165. (In Russ.).

Pang, J., Strodl, E., Oei, T.P.S. (2013). The Factor Structure of the COPE Questionnaire in a Sample of Clinically Depressed and Anxious Adults. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 35, 264–272. doi:10.1007/s10862-012-9328-z

Panico, F., Luciano, S.M., Sagliano, L., Santangelo, G., Luigi T. (2022). Cognitive reserve and coping strategies predict the level of perceived stress during COVID-19 pandemic: A cross-sectional study. *Personality and Individual Differences*, 195, 111703. doi:10.1016/j.paid.2022.111703

Rasskazova, E.I., Gordeeva, T.O., Osin, E.N. (2013). Coping Strategies in the Structure of Activity and Self-Regulation: Psychometric Properties and Applications of the COPE Inventory. *Psychology. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Journal of the Higher School of Economics)*, 10 (1), 82–118. (In Russ.).

Solberg, M.A., Gridley, M.K., Peters, R.M. (2021). The Factor Structure of the Brief Coping: A Systematic Review. *Western Journal of Nursing Research*, 44 (6), 612–627. doi: 10.1177/01939459211012044

Stallman, H.M., Beaudequin, D., Hermens, D.F., Eisenberg, D. (2021). Modeling the relationship between healthy and unhealthy coping strategies to understand overwhelming distress: A Bayesian network approach. *Journal of Affective Disorders Reports*, 3, 100054. doi:10.1016/j.jadr.2020.100054

Voronin, I.A., Manrique-Millones, D., Vasin, G.M. et al. (2020). Coping Responses during the COVID-19 Pandemic: A Cross-Cultural Comparison of Russia, Kyrgyzstan, and Peru. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (4), 55–74. doi:10.11621/pir.2020.0404

Zuckerman, M., Gagne, M. (2003). The COPE revised: Proposing a 5-factor model of coping strategies. *Journal of Research in Personality*, 37 (3), 169–204. doi:10.1016/S0092-6566(02)00563-9

Статья получена: 16.08.2022;

принята: 11.11.2022;

отредактирована: 30.11.2022.

Received: 16.08.2022;

accepted: 11.11.2022;

revised: 30.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Одинцова Мария Антоновна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета, mari505@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>

Радчикова Наталия Павловна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA Московского государственного психолого-педагогического университета, nataly.radchikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>

Александрова Лада Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, факультета дистанционного обучения, Московского государственного психолого-педагогического университета, ladaleksandrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

ABOUT AUTHORES

Maria A. Odintsova — PhD in Psychology, Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, mari505@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>

Nataly P. Radchikova — PhD in Psychology, Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education, nataly.radchikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>

Lada A. Aleksandrova — PhD in Psychology, Associate Professor at Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, ladaleksandrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

КРАТКАЯ ВЕРСИЯ COPE (COPE-30)

Инструкция для внеситуативной версии: «Эта методика направлена на изучение того, как люди реагируют на трудности. Существует много способов преодоления жизненных трудностей, и на разные ситуации можно реагировать по-разному. Отметьте, что Вы делаете и как чувствуете себя, попадая в трудную ситуацию. Здесь нет хороших или плохих ответов, поскольку каждый человек по-разному реагирует на разные ситуации. Нам очень важно, как поступаете именно Вы, когда сталкиваетесь с трудной ситуацией. Сталкиваясь с трудной ситуацией, обычно...».

Каждый вариант продолжения фразы предлагается оценить по шкале «Нет — Изредка — Иногда — Часто» (значения от 1 до 4 соответственно):

1. Я стараюсь удерживать себя от скоропалительных шагов.
2. Я надеюсь на то, что Бог мне поможет.
3. Я обсуждаю случившееся, чтобы лучше понять ситуацию.
4. Я предаюсь фантазиям на другие темы, чтобы отвлечься.
5. Я прошу помощи у Бога.
6. Я стараюсь спланировать и обдумать свои дальнейшие действия.
7. Я перевожу случившееся в шутку.
8. Я стараюсь получить эмоциональную поддержку у друзей или родных.
9. Я предпринимаю какие-то еще действия, стараясь преодолеть сложившуюся ситуацию.
10. Я даю выход своим переживаниям.
11. Я пытаюсь посмотреть на ситуацию с более позитивной стороны, в ином свете.
12. Я говорю с кем-нибудь, кто мог бы конкретно помочь решить мою проблему.
13. Я полностью концентрируюсь на решении этой проблемы и, если необходимо, откладываю в сторону другие дела.
14. Я выпиваю или принимаю лекарства, чтобы поменьше думать о проблеме.
15. Я шучу по поводу случившегося.
16. Я перестаю пытаться добиться своего (получить то, что я хочу).

17. Я ищу что-то хорошее в том, что произошло.
18. Я делаю вид, что ничего не произошло.
19. Я стараюсь не действовать слишком поспешно, чтобы не ухудшить ситуацию.
20. Я иду в кино или смотрю телевизор, чтобы меньше думать о проблеме
21. Я стараюсь принять ситуацию, сжиться с ней.
22. Я переживаю и активно проявляю свои чувства.
23. Я предпринимаю активные действия, чтобы справиться с проблемой.
24. Я снижаю количество усилий, направленных на решение этой проблемы.
25. Я обсуждаю свои переживания с кем-то из моих близких.
26. Я принимаю алкоголь или успокоительные, потому что это помогает мне преодолеть проблему.
27. Я учусь жить с этим.
28. Я откладываю другие дела в сторону, чтобы сосредоточиться на решении проблемы.
29. Я тщательно обдумываю шаги, которые буду предпринимать для решения проблемы.
30. Я просто делаю вид, что ничего не случилось.

Шкала	Пункты
1. Позитивное переформулирование и личностный рост	11, 17
2. Мысленный уход от проблемы	4, 20
3. Концентрация на эмоциях и их активное выражение	10, 22
4. Использование инструментальной социальной поддержки	3, 12
5. Активное совладание	9, 23
6. Отрицание	18, 30
7. Обращение к религии	2, 5
8. Юмор	7, 15
9. Поведенческий уход от проблемы	16, 24
10. Сдерживание	1, 19

Шкала	Пункты
11. Использование эмоциональной социальной поддержки	8, 25
12. Использование «успокоительных»	14, 26
13. Принятие	21, 27
14. Подавление конкурирующей деятельности	13, 28
15. Планирование	6, 29

По каждой шкале суммируются баллы по двум пунктам, номера которых приведены в таблице.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Результаты факторного анализа (метод главных компонент, вращение варимакс с нормализацией Кайзера) по шкалам методики COPE: факторные нагрузки для трех разных групп

Копинг-стратегии	Выборка 1			Выборка 2			Выборка 3		
	Ф1	Ф2	Ф3	Ф1	Ф2	Ф3	Ф1	Ф2	Ф3
1	0,75			0,74			0,75		
2			0,54			0,66			0,63
3		0,77			0,75			0,76	
4	0,38	0,74			0,77			0,79	
5	0,65		-0,39	0,50	0,48	-0,41	0,65		-0,48
6			0,70			0,67		-0,30	0,66
7		0,38			0,38			0,35	
8	0,65		0,39	0,69			0,63		
9			0,76			0,74			0,77
10	0,43	0,34		0,42			0,40		
11		0,79			0,83			0,87	
12	-0,40		0,38			0,56			0,52
13		0,33	0,40		0,31	0,36	0,33		
14	0,48			0,49	0,43		0,53		
15	0,58		-0,37	0,58	0,33	-0,32	0,67		-0,37
% объясненной дисперсии	0,17	0,17	0,15	0,15	0,18	0,15	0,17	0,16	0,15

Примечание: Не приведены факторные нагрузки < 0,30.

Factor analysis results (principle component analysis, Varimax rotation with Kaiser normalization) for CPOE scales: factor loadings for three samples

Scale	Sample 1			Sample 2			Sample 3		
	F1	F2	F3	F1	F2	F3	F1	F2	F3
1	0.75			0.74			0.75		
2			0.54			0.66			0.63
3		0.77			0.75			0.76	
4	0.38	0.74			0.77			0.79	
5	0.65		-0.39	0.50	0.48	-0.41	0.65		-0.48
6			0.70			0.67		-0.30	0.66
7		0.38			0.38			0.35	
8	0.65		0.39	0.69			0.63		
9			0.76			0.74			0.77
10	0.43	0.34		0.42			0.40		
11		0.79			0.83			0.87	
12	-0.40		0.38			0.56			0.52
13		0.33	0.40		0.31	0.36	0.33		
14	0.48			0.49	0.43		0.53		
15	0.58		-0.37	0.58	0.33	-0.32	0.67		-0.37
% total variance explained	0.17	0.17	0.15	0.15	0.18	0.15	0.17	0.16	0.15

Note: Factor loadings < 0,30 are not given.

ПАМЯТИ Т.А. НЕЖНОВОЙ (30.09.1947–10.12.2022)

10 декабря 2022 года на 76-м году жизни скончалась Татьяна Александровна Нежнова, бессменный научный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» (1987 — 2019), научный редактор журнала Психологического института РАО «Теоретическая и экспериментальная психология» (2019 — 2022).

Татьяна Александровна Нежнова родилась 30 сентября 1947 года в Москве. В 1966 году она окончила с серебряной медалью школу при Московском химико-технологическом институте имени Д.И. Менделеева и как победитель химической олимпиады получила право быть принятой в МХТИ без экзаменов. Однако сделала другой выбор, поступив на только что созданный факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончила в 1971 году, в первом выпуске студентов факультета.

В годы учебы на факультете ярко проявилось творческое начало Татьяны Александровны — она отвечала за литературную часть в факультетской театральной студии, писала все сценарии капустников, тексты песен для студенческих спектаклей.

Дипломная работа Т.А. Нежновой по моральным суждениям детей младшего школьного и подросткового возраста была написана под руководством профессора Д.Б. Эльконина. С 1971 по 1986 год Татьяна Александровна работала в лаборатории диагностики психического развития школьников НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО), которой заведовал ее учитель Д.Б. Эльконин. Научные исследования Т.А. Нежновой в лаборатории были связаны с проблемой формирования «внутренней позиции школьника» и динамикой внутренней позиции шести- и семилетних детей при переходе от дошкольного

к младшему школьному возрасту и к концу первого года обучения в школе.

Большой и плодотворный период профессиональной жизни и работы Т.А. Нежной был связан с ее Alma Mater: она работала на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова с 1987 по 2019 год, с 1993 года — в должности старшего научного сотрудника кафедры психологии труда и инженерной психологии.

Став в 1987 году научным редактором «Вестника Московского университета. Серия 14. Психология», основанного в 1977 году, Татьяна Александровна на протяжении 32 лет много интеллектуальных и душевных сил вкладывала в развитие журнала. По поручению Ученого совета факультета психологии МГУ Т.А. Нежная отвечала за целый комплекс задач: прием и первичная экспертиза рукописей, организация рецензирования, научное, литературное, художественное и техническое редактирование принятых к печати статей, составление номеров журнала и другие. Свои многочисленные задачи Татьяна Александровна решала компетентно, творчески и инициативно.

По инициативе Т.А. Нежной был налажен выпуск тематических номеров «Вестника», ряд которых был посвящен памятным датам, связанным с именами выдающихся отечественных психологов. Ею была разработана схема, позволявшая содержательно и вместе с тем компактно представлять на страницах «Вестника» ежегодно до 40 дипломных исследований выпускников факультета психологии МГУ, которая эффективно работала на протяжении ряда лет. Т.А. Нежная была активно включена в процесс создания учебной литературы для студентов-психологов — ею осуществлено научное редактирование ряда учебных пособий, а также научных монографий.

Т.А. Нежная была награждена медалью «В память 850-летия Москвы» (1997), Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ (2005). Получила благодарность ректора МГУ за большой вклад в подготовку высококвалифицированных кадров специалистов, развитие психологической науки и в связи с юбилеем факультета психологии МГУ (2001).

Татьяна Александровна пользовалась большим авторитетом у преподавателей, научных сотрудников и аспирантов факультета психологии МГУ, помогая им в процессе работы над статьями для «Вестника Московского университета» оттачивать содержание, научный и литературный язык их текстов. Она поддерживала высокую культуру электронной переписки с авторами и кафедрами, посто-

янно находя баланс между жестким рабочим графиком подготовки очередного номера журнала и жизненными и человеческими обстоятельствами его многочисленных авторов. Татьяне Александровне был чужд формально-бюрократический подход к делу, она работала с людьми — авторами текстов для любимого ею журнала, а не просто с текстами. Образцы уважительного и серьезного отношения к науке психологии, профессионализма, логики, точности, четкости, ответственности, которые она нам оставила, будут ориентирами в нашей работе.

Татьяна Александровна Нежнова была исключительно неравнодушным человеком, болевшим за науку психологию, за журнал и за факультет, одновременно строгим и теплым, заботливым. Нам будет очень ее не хватать.

БЛАГОДАРНОСТИ РЕЦЕНЗЕНТАМ РУКОПИСЕЙ, ПОДАННЫХ И ОПУБЛИКОВАННЫХ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ В 2022 Г.

Редакция научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» выражает благодарность всем экспертам-рецензентам, оказавшим помощь в анализе, оценке и отборе к публикации рукописей 2022 г.:

Абрамова А.А. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник. отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья, Москва, Россия

Антонова Н.В. — кандидат психологических наук, доцент института практической психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Банщикова Т.Н. — кандидат психологических наук, доцент, руководитель научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия

Баянова Л.Ф. — доктор психологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия; научный сотрудник Психологического института РАО, Москва, Россия

Белолуцкая А.К. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Битюцкая Е.В. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Болучевская В.В. — кандидат психологических наук, доцент Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России, Волгоград, Россия

Бочарова Е.Е. — кандидат психологических наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Буренкова Е.В. — кандидат психологических наук, доцент ПГПУ имени В.Г.Белинского, Пенза, Россия

Бусыгина Н.П. — кандидат психологических наук, доцент МГППУ, Москва, Россия

Бызова В.М. — доктор психологических наук, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Вагайцева М.В. — кандидат психологических наук, научный сотрудник Национального медицинского исследовательского центра онкологии имени Н.Н. Петрова, Москва, Россия

Вислова А.Д. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия

Власова Н.В. — кандидат психологических наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Войсунский А.Е. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Воронкова И.В. — кандидат психологических наук, доцент МГППУ, Москва, Россия

Высоцкая Е.В. — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, Москва, Россия

Гагарина М.А. — кандидат психологических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; ассоциированный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Галяпина В.Н. — кандидат психологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Глотова Г.А. — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Гордеева Т.О. — доктор психологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Гриценко В.В. — доктор психологических наук, профессор МГППУ, Москва, Россия

Гусельцева М.С. — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, ведущий научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Дворянчиков Н.В. — кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии МГППУ, Москва, Россия;

Демидов Александр Александрович — кандидат психологических наук, доцент Московского института психоанализа; старший науч-

ный сотрудник Института экспериментальной психологии МГППУ, Москва, Россия

Джумагулова А.Ф. — кандидат психологических наук, преподаватель Университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

Доценко Евгений Леонидович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии института психологии, педагогики, социального управления ТюмГУ, Тюмень, Россия

Дубров Д.И. — кандидат психологических наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Егоренко Т.А. — кандидат психологических наук, доцент МГППУ, Москва, Россия

Ениколопов С.Н. — доктор психологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Жегалло А.В. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, МГППУ, Москва, Россия

Иванников В.А. — доктор психологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ильясов И.И. — доктор психологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Кабардов М.К. — доктор психологических наук, заведующий лабораторией дифференциальной психологии и психофизиологии МГППУ, заведующий кафедрой общей психологии Психологического института РАО, Москва, Россия

Климова Е.К. — кандидат психологических наук, доцент Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Корнилова Т.В. — доктор психологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Кочетова Ю.А. — кандидат психологических наук, доцент МГППУ, Москва, Россия

Крашенинников Е.Е. — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории развития ребенка МГПУ, Москва, Россия

Кузнецова А.С. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Кузнецова О.Е. — кандидат психологических наук, доцент Северного «Арктического» федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Лактионова Е.Б. — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Лебедева С.С. — доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия

Леви М.В. — кандидат психологических наук, научный консультант, ООО «Инновационные психотехнологии»; доцент Академии управления МВД РФ, Москва, Россия

Люсин Д.В. — кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Мальшева Н.Г. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Матюшкина А.А. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Маховская О.И. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия

Меньшикова Г.Я. — доктор психологических наук, заведующая лабораторией «Восприятие» МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Микляева А.В. — доктор психологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Молчанов С.В. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Моросанова В.И. — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, Москва, Россия

Нагибина Н.Л. — доктор психологических наук, научный руководитель АНО «Центр развития человека», Москва, Россия

Нартова-Бочавер С.К. — доктор психологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Носкова О.Г. — доктор психологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Осеннева М.С. — доктор педагогических наук, кандидат искусствоведческих наук, профессор МГПУ, Москва, Россия

Осин Е.Н. — кандидат психологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Панов В.И. — доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией экопсихологии развития и психодидактики Психологического института РАО, Москва, Россия

Патяева Е.В. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Петраш М.Д. — кандидат психологических наук, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Поскребышева Н.Н. — кандидат психологических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Радина Н.К. — доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Рычкова С.И. — кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, Москва, Россия

Сергиенко Е.Л. — доктор психологических наук, профессор Института психологии РАН, Москва, Россия

Собкин В.С. — доктор психологических наук, профессор, директор Центра социологии образования Института управления образованием РАО, Москва, Россия

Солдатова Е.Л. — доктор психологических наук, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Сысоева Т.В. — кандидат психологических наук, научный сотрудник Психологического института РАО, Москва, Россия

Тихомандрицкая О.А. — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Тхостов А.Ш. — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейропсихологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Ульянина О.А. — доктор психологических наук, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования РАО, Москва, Россия

Фахрутдинова Л.Р. — доктор психологических наук, профессор Казанского (Приволжского) государственного университета, Казань, Россия

Филиппова Е.В. — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой детской и семейной психотерапии факультета психологического консультирования МГППУ, Москва, Россия

Холодная М.А. — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия

Хорошилов Д.А. — доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, Москва, Россия

Хотинец В.Ю. — доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия

Чиркова Т.И. — доктор психологических наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина, Нижний Новгород, Россия

Чичинина Е.А. — кандидат психологических наук, младший научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Чумакова М.А. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Шадриков В.Д. — доктор психологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Шамионов Р.М. — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Шаповаленко И.В. — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» МГППУ, Москва, Россия

Шишова Е.А. — кандидат психологических наук, доцент Казанского (Приволжского) государственного университета, Казань, Россия

Шиян И.Б. — кандидат психологических наук, доцент МГПУ, Москва, Россия

Шмелев А.Г. — доктор психологических наук, профессор, научный руководитель ЗАО «Гуманитарные технологии», Москва, Россия

Штроо В.А. — доктор психологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

**СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ВЕСТНИКЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 14. ПСИХОЛОГИЯ В 2022 Г.**

№ С.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Арестова О.Н., Гамзаева М.И., Блинникова И.В.</i> Культурная специфика в запоминании и воспроизведении сюжетного материала (на примере азербайджанской и русской культуры)	1	181
<i>Арестова О.Н., Докучаева А.Г., Митина О.В.</i> Соотношение эксплицитного и имплицитного уровней презентации ценностей: Кросс-культурный аспект	3	145
<i>Артемцева Н.Г., Ильясов И.И., Нагибина Н.Л.</i> Портрет: Восприятие человека человеком и искусство передачи мировоззренческой сути художественными средствами	4	39
<i>Ахметзянова А.И., Артемьева Т.В., Киселева М.Э.</i> Способность к предвосхищению ситуаций будущего у слабовидящих дошкольников	1	5
<i>Бондаренко И.Н., Цыганов И.Ю., Моросанова В.И.</i> Роль осознанной саморегуляции в динамике познавательной активности и когнитивной вовлеченности учащихся в период перехода из основной в старшую школу: лонгитюдное исследование . .	4	200
<i>Вартанов А.В., Шевченко А.О.</i> Психофизиологические механизмы внутреннего проговаривания фоном	1	201
<i>Емелин В.А., Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю.</i> Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте . . .	4	115
<i>Епишин В.Е., Каурова А.М., Лыгина Е.А.</i> Стратегии совладания с неопределенностью как предиктор психологического благополучия у абитуриентов 2020	1	93
<i>Ильин В.А., Салмина Н.Г., Звонова Е.В.</i> Проблема кросс-культурной коммуникации в зарубежных исследованиях	4	92
<i>Корнеев А.А., Букин А.М., Матвеева Е.Ю., Ахутина Т.В.</i> Оценка управляющих функций и функций регуляции активности у детей 6–9 лет: Конфирматорный факторный анализ данных нейropsychологического обследования	1	29

	№	С.
<i>Костромина С.Н., Филатова А.Ф.</i> Переживание личностью собственной деструктивности	4	3
<i>Кумченко С.К., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.</i> Самооценка на разных этапах коррекции пола у транссексуалов	4	224
<i>Ключук Х.С.</i> Понимание детьми-билингвами психического состояния другого человека в контексте теории сознания	4	60
<i>Мазилев В.А., Белан Е.А.</i> Ситуационная активность личности в вынужденной самоизоляции: социально-психологический аспект	1	158
<i>Машиков В.Л., Долгих А.Г., Голик С.В., Самусева М.В.</i> Методологические основы психологии театральной деятельности	4	179
<i>Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Жаринова Ю.И., Муховина Д.Д.</i> О взаимосвязи видов социальной креативности с моральной идентичностью и толерантностью	4	159
<i>Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Ениколопов С.Н.</i> К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества	1	138
<i>Одинцова М.А., Радчинова Н.П., Александрова Л.А.</i> СОРЕ-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий	4	247
<i>Поликанова И.С., Леонов С.В., Якушина А.А., Бугрий Г.С., Кручинина А.П., Чертополохов В.А., Люцко Л.Н.</i> Разработка технологии виртуальной реальности VR-PACE для диагностики и тренировки уровня мастерства хоккеистов	1	269
<i>Рассказова Е.И., Ледин Е.В., Черняев А.П., Желтоножская М.В., Лыкова Е.Н., Ковязина М.С., Шилко Р.С.</i> Представления о химиотерапии и лучевой терапии у пациентов с онкологическими заболеваниями: ожидания и субъективное благополучие	1	108
<i>Фатихова Л.Ф., Сайфутдиярова Е.Ф.</i> Особенности безопасного поведения подростков с нарушениями интеллектуального развития (по результатам оценки родителей)	1	53
<i>Савинков С.Н., Коваль Н.А.</i> Психологические детерминанты развития надежности у сотрудников МЧС России	1	221
<i>Халилов Р.А.</i> Методологическая основа применения космизма для развития педагогической теории и практики	1	247
<i>Титова Граншам А.В., Сычев О.А., Гордеева Т.О., Шаповаленко И.В., Салий Е.В.</i> Русскоязычная версия опросника способности к смакованию позитивных событий	1	298

	№	С.
<i>Толочек В.А.</i> Социальная успешность субъекта, окружение, ресурсы: открытые вопросы	4	136
<i>Спиваковская А.С., Луценко А.М.</i> Взаимосвязь переживания чувства вины и ответственности у лиц, выросших в алкогольной семье	1	323
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
<i>Баянова Л.Ф., Хаматвалеева Д.Г.</i> Обзор зарубежных исследований творческого мышления в психологии развития	2	51
<i>Вартанова И.И.</i> Возрастная специфика взаимосвязи эмоционального и понятийного компонентов школьной мотивации	2	108
<i>Васильева И.В., Миронов А.В., Булатова О.В.</i> Ресурсная субъектность обских угров в условиях экстремальных социальных вызовов		32
<i>Цзюй Ю., Матвеев М.О.</i> Обзор истории китайской психологии	2	3
<i>Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Ваханцева О.В.</i> Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа	2	73
ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
<i>Бухаленкова Д.А., Алмазова О.В.</i> Опыт применения методики CLASS для оценки качества образовательной среды детского сада	2	128
<i>Лобанова Т.Н.</i> Анализ мотивационной структуры и трудовых интересов руководителей и сотрудников на удаленной работе ..	3	200
<i>Пономарева Е.С.</i> Видеоигры и агрессия: обзор зарубежных исследований	3	169
<i>Попова Р.Р., Лопухова О.Г.</i> Российская адаптация опросника «Многомерная Оценка Интероцептивного Осознания» (MAIA-R)	2	223
<i>Романов Р.В.</i> Переживание дистресса, ассоциированного с образом тела и гендерной идентичностью	3	225
<i>Сиднева А.Н., Асланова М.С., Бухаленкова Д.А.</i> Особенности развития математических способностей первоклассников, обучающихся по разным образовательным программам	3	119
<i>Смирнова Я.К.</i> Айттрекинг исследования использования разных форм инструкции в обучении детей с нарушением слуха	2	192

	№	С.
<i>Собкин В.С., Емелин Г.Д., Николаева З.Г., Савченко Н.Л., Яковлева М.А.</i> Социальное конструирование гендерных особенностей образа инвалида (по материалам контент-анализа статей СМИ)	2	174
<i>Сысоева Т.А., Ярошевская С.В.</i> Что дети делают онлайн? Результаты исследований цифровых практик современных школьников	2	153
<i>К ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ МГУ</i>		
<i>Базаров Т.Ю., Голыничик Е.О., Липатов С.А., Несмеянова Р.К.</i> Стили реагирования на изменения и восприятие учителями организационной культуры и конфликтов в школе	3	85
<i>Гришина Н.В.</i> Человек в отношениях с окружающим миром: Описание контекста	3	22
<i>Донцов А.И., Тихомандрицкая О.А.</i> К 50-летию кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова	3	3
<i>Марцинковская Т.Д., Хорошилов Д.А.</i> Научная школа социальной психологии Г.М. Андреевой: традиции и современность	3	8
<i>Мельникова О.Т., Избасарова С.А.</i> Мультимодальный подход к исследованию городского пространства	3	65
<i>Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н., Федотова С.В., Садовская Е.Д.</i> Социально-психологический подход в изучении взаимодействия Человек-ИИ: Доверие искусственному интеллекту в принятии экономических решений	3	40
<i>НА ФАКУЛЬТЕТЕ ПСИХОЛОГИИ</i>		
Памяти Ж.М. Глозман (1940–2022)	1	344
Памяти Т.В. Фоломеевой	3	245
Памяти Т.А. Нежной (30.09.1947–10.12.2022)	4	274
Благодарности рецензентам	4	276